BR
934
.P3
1913
IMS

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/nachalokhristans00park

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА РУСИ.

Очеркъ изъ исторіи Руси IX—X в.в.

Владиміра Пархоменко.

ПОЛТАВА.

Электрическая типогр. Г. И. Маркевича.

1913 г.

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
SEP 8 1987
Toronto, Ontario

34586

Исторія зарожденія христіанства на Руси, до его утвержденія въ Кіевѣ при Владимірѣ Святомъ, такъ тѣсно переплетается съ начальнымъ періодомъ русской исторіи вообще, что всѣ русскіе историки, писавшіе о древнѣйшей эпохѣ исторіи Руси, такъ или иначе соприкасались и съ даннымъ предметомъ.

Болѣе или менѣе подробно собралъ всѣ извѣстныя данныя по интересующему насъ вопросу и сдѣлалъ ихъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія впервые въ 1846 г. архимандритъ Макарій Булгаковъ, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Этого «Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра», въ исправленномъ видѣ переизданная въ Петербургѣ же въ 1868 г. Однако при обстоятельности и полнотѣ работа преосвященнаго Макарія въ общемъ лишена была строго научнаго критическаго анализа тѣхъ данныхъ, которыми онъ оперировалъ; въ этомъ отношеніи онъ уступалъ порою даже своимъ предшественникамъ, менѣе его останавливавшимся на данномъ предметѣ (митрополиту Платону Левшину, архіепископу Филарету Гумилевскому).

Поэтому большое впечатлѣніе произвела и важное значеніе получила въ наукѣ солидная работа младшаго современника преосвященнаго Макарія-профессора Московской духовной академіи, впослѣдствіи академика, Е. Е. Голубинскаго, подвергшаго изслѣдованію начало христіанства на Руси въ I-й

половинѣ I-го тома своей «Исторіи Русской церкви», изданной въ Москвѣ въ 1880 г. (въ исправленномъ видѣ переизданной въ 1901 г. тамъ-же). Серьезная эрудиція, глубокій критическій анализъ, смѣлость мысли-таковы главныя достоинства этой, какъ и другихъ работъ Голубинскаго, создавшія названному ученому заслуженное почетное мѣсто въ научномъ мірѣ.

По существу выводы Е. Е. Голубинскаго до сихъ поръ еще не были пересмотрѣны въ цѣломъ, хотя всесокрушающее время и на нихъ наложило свою руку. Появился рядъ новыхъ изысканій и открытій въ областяхъ, смежныхъ съ предметомъ исторіи русской церкви, и естественно, что нѣкоторыя изъ построеній Голубинскаго должны были поколебаться. Въ этомъ отношеніи особенно большое значеніе имѣли работы по изученію русскихъ лѣтописей академика А. А. Шахматова—и прежде всего его капитальный трудъ «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ» (С.-Петербургъ, 1908 г.). Съ другой стороны, кромѣ новыхъ изысканій въ области нашихъ лѣтописей, немалое значеніе при разрѣшеніи вопросовъ по настоящему предмету слѣдуетъ въ настоящее время придавать и богатымъ археологическимъ изысканіямъ, прекрасно дополняющимъ скудныя лѣтописныя данныя.

Естественно являющаяся у преподавателя исторіи Русской церкви надобность пересмотрѣть выводы Голубинскаго, принявши во вниманіе новѣйшія изысканія по вопросамъ, соприкасающимся съ исторіей начальнаго появленія и распространенія христіанства на Руси, послужила въ свое время первымъ толчкомъ къ разработкѣ нашей темы, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ написаніе настоящей книги.

Не останавливаясь подробно на изображеніи христіанства на территоріи нынѣшней Россіи у народовъ, предшествовавшихъ здѣсь Руси и сосѣдившихъ съ нею (такъ какъ это особый совсѣмъ предметъ, лишь соприкасающійся съ нашимъ, требующій обстоятельнаго самостоятельнаго изслѣдованія не одного спеціалиста), мы главное вниманіе свое сосредоточили на уясненіи исторіи христіанства самой Руси въ IX и X вѣкахъ—въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ судебъ Руси того времени. Предѣльнымъ моментомъ, которымъ завершилось наше разсмотрѣніе судебъ христіанства на Руси, было крещеніе Владиміра Святого и Кіевлянъ при немъ, такъ какъ этимъ моментомъ оканчивается первая эпоха исторіи христіанства на Руси и вмѣстѣ начинается новая.

Къ сожалѣнію, взятая нами для изслѣдованія эпоха и состояніе источниковъ для историческаго изученія ея таковы, что выводы наши далеко не всегда имѣютъ характеръ полной исторической несомнѣнности,—они нерѣдко гипотетичны; однако мы имѣемъ надежду, что далеко не всѣ наши читатели посѣтуютъ на насъ за наши догадки и предположенія,—онѣ вѣдь положительно необходимы для прогресса знанія, хотя-бы иныя изъ нихъ впослѣдствіи и оказались несостоятельными—при новыхъ научныхъ изысканіяхъ и открытіяхъ.

Работа наша производилась нами въ неблагопріятныхъ провинціальныхъ условіяхъ, наложившихъ конечно, свой отпечатокъ на нее. Но чѣмъ затруднительнѣе работать въ провинціи, вдали отъ университетскихъ центровъ, тѣмъ необходимѣе и дороже всякое содѣйствіе лица компетентнаго. Въ этомъ отношеніи прежде всего мы должны засвидѣтельст-

вовать свою искреннюю, глубокую благодарность высокочтимому академику Алексѣю Александровичу Шахматову, который, познакомившись съ первыми нашими печатными выступленіями въ избранномъ нами вопросѣ (на страницахъ журнала «Вѣра и Разумъ»), оказалъ намъ громадную нравственную поддержку—добрымъ словомъ, совѣтомъ, указаніемъ, присылкою книгъ—наконецъ. И эта поддержка досточтимаго Алексѣя Александровича была для насъ тѣмъ цѣннѣе, что ему извѣстно было наше принципіальное несогласіе съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

Полтава—Тифлисъ.
1912 годъ—іюнь 1913 года.

Оглавленіе.

		Страницы.
I.	Христіанство на территоріи нынѣшней Россіи—до появленія его у Руси .	1 — 11
II.	Первыя извѣстія о началѣ христіанства у Руси—въ IX в. . . .	12 — 18
III.	Русь южно-приморская. Вопросъ о происхожденіи Руси—готская и норманская теоріи. Русь славянская .	19 — 27
IV.	Путь изъ Варягъ въ Греки, время его узнанія и использованія. Культурныя вліянія на Русь Кіевскую и сѣверно-Новгородскую и обособленность этихъ двухъ областей русско-славянскихъ племенъ	28 — 42
V.	Три главныхъ древне-русскихъ племени	43 — 50
VI.	Христіанство Тмутараканской Руси. Евангеліе и Псалтирь на русскомъ языкѣ въ третьей четверти IX в. Тмутараканская Русь въ концѣ IX и въ X вѣкѣ	51 — 59
VII.	Обособленіе Кіевской Руси отъ Тмутараканской. Аскольдъ и Диръ. Гипотеза В. И. Ламанскаго о крещеніи Аскольдовой Руси св. Константиномъ—Кирилломъ около 860 г. . .	60 — 67

VIII. Аскольдъ—туземный Кіевскій князь, жившій послѣ Дира; его христіанское состояніе. Когда онъ жилъ? . . 68 — 74
IX. Почему крестился Аскольдъ и почему неудалась задуманная имъ христіанизація Кіевской Руси? . . . 75 — 79
X. Олегъ—сѣверно-норманскій викингъ, бывшій въ Кіевѣ случайно и ненадолго . . . . . 80 — 87
XI. Кто и за что убилъ Аскольда? . . 88 — 91
XII. Олегъ и Игорь, ихъ взаимныя отношенія. Изолированность Кіевской Руси отъ Новгородской земли въ концѣ IX и первой половинѣ X вѣка; причина ея . . . . . 92 —103
XIII. Происхожденіе Ольги. Христіане въ Кіевской Руси въ эпоху Игорева договора съ Византіей . . . . 104—116
XIV. Игорь и Свѣнельдъ, борьба Кіева и Новгорода въ X вѣкѣ . . . 117—124
XV. Вопросъ о крещеніи Ольги. Ольга изъ своей поѣздки въ Царьградъ въ 957 г. возвратилась язычницей . . . 125—132
XVI. Время и мѣсто крещенія Ольги. Сношенія ея съ Западомъ. Неудача христіанской пропаганды Ольги. Значеніе ея крещенія . . . . . 133—146
XVII. Положеніе христіанства въ Кіевской Руси при Святославѣ,—его отношеніе къ христіанамъ; значеніе походовъ Святослава для христіанизаціи Руси . 147—157
XVIII. Сношенія Ярополка съ Западомъ (въ частности съ Польшей), его отношеніе къ христіанству . . . . 158—170

XIX. Почему Владиміръ принялъ крещеніе изъ Византіи? Обстоятельства крещенія его и Кіевлянъ, время и мѣсто крещенія . . . . . 171—180

XX. Значеніе и результаты крещенія Владиміра и Кіевлянъ. Отношеніе Владиміра къ Византіи и время учрежденія на Руси митрополіи. Успѣхи христіанства на Руси при Владимірѣ . . 181—187

Заключеніе . . . . . 187—189

Замѣченныя опечатки, поправки и дополненія . . . . . 190—191

I.

Первый моментъ возникновенія христіанства на Руси сокрытъ отъ насъ во тьмѣ вѣковъ, благодаря главнымъ образомъ низкому сравнительно уровню тогдашней культурно-исторической жизни Руси, не оставившей по себѣ для потомства письменныхъ слѣдовъ; онъ можетъ быть узнанъ лишь приблизительно—путемъ догадокъ и сопоставленій. Самое начало христіанства Руси стояло въ связи и зависимости отъ христіанизаціи ближайшихъ территоріально сосѣдей ея того времени. Вслѣдствіе этого при разсмотрѣніи начальной исторіи Русской церкви необходимо прежде всего уяснить себѣ появленіе и распространеніе христіанства вообще на той территоріи, которая нынѣ составляетъ Россію, а въ тѣ времена представляла собою земли—сперва предшественниковъ нашей Руси, а потомъ—самой Руси и ея ближайшихъ сосѣдей.

При уясненіи вопроса о появленіи и распространеніи христіанства на территоріи нынѣшней Россіи въ древнѣйшее время приходится прежде всего считаться съ лѣтописнымъ сказаніемъ относительно путешествія апостола Андрея въ предѣлы нынѣшней Россіи. По сказанію этому, апостолъ Андрей, пробравшись съ южнаго берега Чернаго моря на сѣверный—изъ Синопа въ Херсонесъ Таврическій, предпринялъ отсюда путешествіе въ Римъ, при чемъ избралъ для этого путь мимо нынѣшнихъ русскихъ городовъ—Кіева и Новгорода. Проходя здѣсь, апостолъ благословилъ пустынныя тогда кіевскія горы, предсказалъ будущую славу Кіева, а въ предѣлахъ нов-

городскихъ подивилися мѣстному обычаю мыться въ баняхъ. Такова суть этого сказанія. Послѣ блестящаго разбора его недавно скончавшимся академикомъ Е. Е. Голубинскимъ [1]), врядъ ли найдется теперь серьезный ученый, который сталъ-бы довѣрчиво относиться къ данному сказанію и допускать историческую его достовѣрность. Позднее время составленія нашего лѣтописнаго сказанія—вторая половина XI вѣка, несоотвѣтствіе его болѣе древнимъ свидѣтельствамъ о мѣстѣ проповѣди апостола Андрея, явная тенденціозность разсказа, противорѣчіе другимъ утвержденіямъ той-же нашей лѣтописи, въ одномъ мѣстѣ [2]), напримѣръ, совершенно опредѣленно свидѣтельствующей, что «сдѣ (въ Русской землѣ) не суть апостоли учили», что «тѣломъ апостоли не суть сдѣ были»,—этотъ рядъ данныхъ не въ пользу достовѣрности нашего сказанія соединяется при томъ съ внутренней несообразностью самого разсказа.

Прежде всего совершенно несообразно путешествіе апостола изъ Крыма въ Римъ необычайно далекимъ, чрезвычайно кружнымъ путемъ—черезъ всю нынѣшнюю Россію, между тѣмъ какъ тогдашнему эллино-римскому міру прекрасно былъ извѣстенъ другой путь—кратчайшій и болѣе удобный. «Путь апостоловъ былъ путь торговыхъ сношеній» [3]),—но торговые пути изъ тогдашняго греко-римскаго міра на территорію нынѣшней Россіи—и въ то время, и нѣсколькими столѣтіями позже—врядъ-ли

---

[1]) См. I пол. I т. его „Исторіи Русской церкви", 1 изд.—Москва, 1880 г., 2 изд.—Москва, 1901 г.,—въ послѣднемъ см. 19—34 стр.

[2]) При разсказѣ о мученичествѣ христіанъ-Варяговъ въ Кіевѣ въ началѣ княженія Владиміра Святого—см. 81 стр. въ „Лѣтописи по Лаврентьевскому списку", изд. Археографической Комиссіи, СПБ., 1872 года.

[3]) См. „Лекціи по исторіи древней церкви" проф. В. В. Болотова, т. II, СПБ., 1910 г. стр. 243.

заходили дальше южной половины этой территоріи, именовавшейся около того времени Скиѳіей и Сарматіей [1]); путь же «изъ Варягъ въ Греки»,—балтійско-днѣпровскій иначе,—какимъ заставляетъ путешествовать по Скиѳіи апостола наше лѣтописное сказаніе, не былъ, какъ можно думать, извѣстенъ во всемъ своемъ объемѣ ни въ данное время, ни столѣтіями позже—до X—XI вв. [2]). При этомъ нужно еще принять во вниманіе, что данное путешествіе апостола совершенно безцѣльно: онъ, по сказанію, проходитъ тутъ по странѣ полупустынной, населенной какими-то странными и невѣдомыми тогдашнему культурному міру людьми, такъ что сказаніе даже не рѣшается говорить о проповѣди апостола въ этой странѣ. Введеніе въ разсказъ юмористическаго элемента —насмѣшки надъ новгородскими банями, указывая на кіевское происхожденіе сказанія, еще болѣе усугубляетъ наше недовѣріе къ этому преданію.

Считаясь съ болѣе или менѣе достовѣрными свѣдѣніями о миссіонерской дѣятельности апостола Андрея, можно принять его проповѣдь въ Синопѣ, на южномъ берегу Чернаго моря, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Черноморскаго побережья, но при этомъ врядъ ли онъ появлялся на нашемъ сѣверномъ побережьи Чернаго моря [3]).

---

[1]) Археологическія раскопки даютъ римскія моменты II в. по Р. Х. въ бассейнахъ нашихъ рѣкъ: Припети, Днѣпра, Сулы, Сейма, Оки, но не сѣвернѣе,—см. напр. въ „Исторіи русскаго права" проф. Д. Я. Самоквасова, вып. 2, Варшава, 1884 г., стр. 142 и др.

[2]) Объ этомъ см. ниже—въ главѣ IV.

[3]) Кромѣ „Исторіи Русск. Ц." Голубинскаго, объ ап. Андреѣ, мѣстахъ его проповѣди и возможности его появленія на черноморскихъ побережьяхъ и въ Скиѳіи см. проф. И. И. Малышевскаго „Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. апостоломъ Андреемъ"—„Труды Кіевской Дух. Академіи" 1888 г. іюньск. кн.; еще—академика В. Г. Васильевскаго „Русско-Византійскіе от-

Однако, рѣшительно отвергнувъ лѣтописное преданіе о путешествіи на Русь—въ древнюю Скиѳію апостола Андрея, первое появленіе христіанства на территоріи нынѣшней Россіи—собственно въ южной ея части—мы должны относить къ довольно раннему времени. Наличность въ ту пору греческихъ колоній въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи (Херсонесъ, Пантикапей, Горгиппія, Танаисъ, Ольвія и др.) уже говоритъ въ пользу возможности ранняго появленія здѣсь христіанства. Древнія (болѣе или менѣе) преданія о проповѣди апостола Андрея по берегамъ Чернаго моря, о мученикахъ изъ Скиѳіи—ученикахъ апостольскихъ—Иннѣ, Риммѣ и Пиннѣ, о ссылкѣ въ концѣ перваго вѣка въ Херсонесъ Таврическій и мученичествѣ здѣсь Климента Римскаго, тоже ученика апостольскаго,—эти преданія стоятъ въ соотвѣтствіи съ такой возможностью. При этомъ, правда, нужно имѣть въ виду, что фактъ, напримѣръ, ссылки и мученичества въ Крыму св. Климента Римскаго нынѣ совершенно заподозрѣнъ въ наукѣ—въ виду, во-первыхъ, происхожденія подобнаго преданія не ранѣе конца IV в. и, во-вторыхъ, въ виду сомнительности самого факта ссылки подобнаго рода римскихъ преступниковъ въ Крымъ, гдѣ въ то время существовало вассальное, со значительной долей обособленности отъ Рима, Боспорское царство [1])

рывки. Хожденіе Апостола Андрея въ странѣ Мирмидонянъ"—„Журн. Мин. Народн. Просв." 1877 г. янв. и февр. кн.; также С. В. Петровскаго—„Сказаніе объ апостольской проповѣди по сѣверо-восточному Черноморскому побережью", Одесса, 1898 г. (изъ 20 и 21 т. т. „Запис. Имп. Одес. Общ. Ист. и Др."); въ упом. „Лекціяхъ" проф. Болотова, т. 2, стр. 242, 249, 251—и др.

[1]) О ссылкѣ св. Климента въ Крымъ см. напр. въ уп. „Лекціяхъ" Болотова, т. 2, стр. 78—79, у д-ра Івана Франка—„Сьвятий Климент у Корсуні" изъ „Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка" 1902—1905 гг. и отд., у Львові, 1906 г., стр. 22, 118—126 и др.

Фактъ существованія въ Крыму такъ называемаго солярнаго монотеизма въ III вѣкѣ позволяетъ намъ уже въ это время допустить здѣсь религіозное вліяніе, рядомъ съ іудействомъ, и христіанства, при чемъ—съ другой стороны—имѣвшая туть мѣсто монотеизація культа ѳракійско-малоазійскаго бога Сабазія расчистила въ свою очередь почву для скораго и болѣе прочнаго утвержденія затѣмъ здѣсь христіанства [1]).

Но лишь отъ IV уже вѣка мы имѣемъ несомнѣнное удостовѣреніе христіанства въ Крыму, начавшагося, быть можетъ, и раньше,—и въ 381 г. (и послѣ въ 448 г.) на Константинопольскомъ соборѣ присутствуетъ уже епископъ изъ Херсонеса [2]).

Соотвѣтственно съ этимъ и находимыя въ Крыму археологическія и письменныя данныя (напримѣръ, надгробныя надписи) даютъ указанія на существованіе здѣсь христіанства лишь въ IV—V вѣкахъ [3]).

[1]) Объ этомъ культѣ см. у проф. E. Schürer'a въ его „Die Iuden im bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον ebendaselbst"—„Sitzungsber. d. K. Preuss. Akad." 1897 г., стр. 200—225; ср. нѣкоторыя данныя въ ст. М. Ростовцева „Боспорское царство и южно-русскіе курганы"—„Вѣстн. Европы" 1912 г., іюнь, стр. 119—и др.

[2]) См. упом. выше изслѣд. д-ра Ів. Франка, стр. 143—145 и др., также С. П. Шестакова—„О началѣ христіанства въ Херсонѣ", Кіевъ, 1907 г.; академика В. В. Латышева „Житія св. епископовъ Херсонскихъ. Изслѣдованія и тексты". СПБ., 1906 г. (изъ „Записокъ Имп. Академіи Наукъ" т. 8, № 3); ст. Е. Е. Голубинскаго „Херсонскіе священномученики, память которыхъ 7 марта" въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ", т. XII. I, 1907 г., и др.; новое обстоятельное (375 стр.) изслѣдованіе Е. Э. Иванова „Херсонесъ Таврическій. Историко-археологическій очеркъ", Симферополь, 1912 г. (изъ „Извѣст. Таврической ученой архивной Комиссіи" № 46), къ сожалѣнію, лишено точной цитаціи источниковъ и пособій и иногда излишне довѣрчиво относится къ преданіямъ и легендамъ.

[3]) См. у В. В. Латышева—„Inscriptiones antiquae"—дополн.

Въ IV же вѣкѣ, какъ несомнѣнно извѣстно, христіанизируются жившіе въ то время на территоріи южной Россіи Готы [1]).

Христіанскіе писатели III и IV вѣковъ [2]) настойчиво говорятъ о христіанствѣ въ ихъ время въ Скиѳіи вообще, но болѣе древніе изъ нихъ, впрочемъ, въ выраженіяхъ крайне неопредѣленныхъ [3]); при томъ подъ Скиѳіей тутъ прежде всего приходится разумѣть Малую Скиѳію, лежавшую около устья Дуная и нѣсколько южнѣе,—здѣсь епископъ былъ уже при Діоклетіанѣ (284—305 г.г.), а христіанство, навѣрное, и ранѣе. Что же касается такъ называемой Великой Скиѳіи, т. е. предѣловъ собственно нынѣшней Россіи, то оно сюда подвигалось довольно медленно, но, конечно, въ IV—V в.в. въ нѣкоторыя мѣста нынѣшней южной Россіи должно было проникнуть—и изъ Малой Скиѳіи, и изъ Крыма [4]).

Въ связь съ распространеніемъ христіанства къ сѣверу отъ Чернаго моря—въ Великой Скиѳіи около этого времени (IV вѣкъ) слѣдуетъ поставить извѣстное свидѣтельство Византійскаго императора—писателя Констан-

---

„Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.“ т. 5, въ „Журн. М. Нар Просв.“ 1884 г. іюн. кн., въ разныхъ выпускахъ „Изв. Имп. Археол. Комм.“—и др.

[1]) Ф. К. Брунъ, напримѣръ, относитъ начало христіанизаціи Готовъ еще къ III вѣку, а распространеніе христіанства въ Крыму и другихъ сѣверно-черноморскихъ колоніяхъ Грековъ относитъ къ эпохѣ и болѣе ранней (см. его „Черноморье“, ч. 2, Одесса, 1880 г., стр. 194—195).

[2]) Тертулліанъ († около 220 г.), Оригенъ († 254 г.), Аѳанасій Александрійскій († 373 г.), Іоаннъ Златоустый († 407 г.), блаженный Іеронимъ († 420 г.).

[3]) См., напр., въ упом. „Лекціяхъ“ Болотова, т. 2, стр. 236—238.

[4]) См., напр., въ ст. А. В. Карташова „Христіанство на Руси въ періодъ до—государственный“—„Христіанское Чтеніе“ 1908 г., майск. кн., также у Голубинскаго и др.

тина Багрянороднаго († 959 г.): «За рѣкою Днѣстромъ, на сторонѣ, обращенной къ Болгаріи, на берегу рѣки находятся пустые города... Въ развалинахъ этихъ (6) древнихъ городовъ находятся и нѣкоторые слѣды церквей и кресты, высѣченные въ известковыхъ скалахъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые знаютъ преданіе, что нѣкогда тамъ жили Ромеи» [1]). Мѣстность эта,—повидимому, нынѣшняя Бессарабія [2]) или южная часть Подоліи [3]),—познакомилась съ христіанствомъ, должно быть, не позже начала IV вѣка, позаимствовавъ его скорѣе всего изъ ближайшей Малой Скиѳіи, но затѣмъ подверглась разоренію, по всей вѣроятности, во время вскорѣ послѣдовавшаго передвиженія по этимъ мѣстамъ съ востока на западъ народовъ.

П. Н. Милюковъ считаетъ [4]) эти города принадлежавшими славянскимъ племенамъ Тиверцевъ и Уличей и погибшими отъ руки царя Болгарскаго—знаменитаго Симеона (888 или 893—927 г.г.) въ концѣ IV вѣка [5]). Если бы это было такъ, то мы бы такимъ образомъ имѣли важное свидѣтельство о христіанствѣ Славянъ на территоріи южной Россіи въ IV в.; однако мнѣнію Ми-

---

[1]) См. переводъ „Περὶ ἐθνῶν" Багрянороднаго, принадлежащій Г. Ласкину, въ „Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн." Москва 1899 г., кн. 1, стр. 141.

[2]) Какъ думаетъ, напримѣръ, Г. Ласкинъ —ibidem, стр. 220—222.

[3]) Таково, напримѣръ, мнѣніе А. А. Спицына—см. ст. его „Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ"—„Журн. Мин. Народн. Просв." 1899 г., август. кн., стр. 324.

[4]) См. ст. „Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха"—въ III т. „Трудовъ 8-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ", Москва, 1897 г., стр. 278—289.

[5]) Этотъ фактъ разрушенія горовъ Симеономъ онъ ставитъ въ связь съ данными извѣстной, все еще неразгаданной, „записки готскаго топарха".

люкова въ данномъ случаѣ не благопріятствуютъ показанія самого Константина Багрянороднаго, туманно и неопредѣленно говорящаго о разрушеніи этихъ городовъ, какъ о фактѣ давно минувшемъ [1]), а съ другой стороны приписывающаго эти города не Славянамъ или инымъ «варварамъ», а именно Грекамъ—«Ромеямъ». Тутъ ужъ трудно исправлять Багрянороднаго, а скорѣе, повѣривъ вполнѣ ему, надо видѣть въ этихъ городахъ остатки не славянской культуры и христіанизаціи, а культуры и христіанства греческаго, здѣсь утвердившагося въ IV вѣкѣ и затѣмъ смытаго бурнымъ потокомъ послѣдовавшихъ народныхъ передвиженій.

Великое движеніе народовъ съ востока на западъ, направлявшееся по нынѣшней южной Россіи, начиная съ конца IV вѣка, смыло здѣсь довольно быстро слѣды христіанства. Однако близость Византіи содѣйствовала тому, что Крымъ и Кавказъ,—тоже довольно рано—въ IV уже вѣкѣ—познакомившійся съ христіанствомъ болѣе или менѣе обстоятельно и имѣющій преданіе объ апостольской даже здѣсь проповѣди,—если и ослабѣвали въ христіанствѣ, то ненадолго. Въ данномъ отношеніи важно было царствованіе Византійскаго императора Юстиніана Великаго (527—565 гг.), заботившагося о распространенія христіанства въ этихъ мѣстахъ.

Во всякомъ случаѣ, не говоря о болѣе удаленныхъ и давно уже христіанскихъ Иверіи и Арменіи, въ VIII вѣкѣ мы видимъ въ Крыму и на сѣверномъ Кавказѣ рядъ православно-христіанскихъ епархій и даже нѣсколько

---

[1]) Константинъ Багрянородный, родившійся въ 905 г., былъ бы лишь немногимъ не современникомъ событій 892—893 гг., о которыхъ говоритъ Милюковъ; онъ, конечно, имѣлъ бы о нихъ хорошія и достовѣрныя свѣдѣнія, такъ какъ при немъ были бы живы еще многіе свидѣтели этихъ событій.

автокефальныхъ архіепископій [1]). Въ VII—VIII вѣкахъ христіанство значительно распространяется у Хазаръ, затѣмъ у Волжскихъ или Камскихъ Болгаръ; въ VIII и IX вв. оно существуетъ и въ началѣ X вѣка упрочивается у Аланъ [2]). Все это—близкіе сосѣди Руси, какъ разъ около этого времени начинающей свое историческое бытіе: Камскіе Болгары—сосѣди и торговые посредники съ востока, Хазары—торговые посредники и одно время политическіе владыки на югѣ и юго-востокѣ, Аланы—близкіе сосѣди на юго-востокѣ.

Особенно большое вліяніе на южную Русь,—раньше другихъ русскихъ Славянъ принявшую христіанство,—имѣли Хазары. Больше другихъ они играли роль въ торговлѣ Руси—собственно южной; одно время—въ VIII—IX вв. имѣли большое политическое на нее вліяніе, включивъ южную Русь въ составъ своего обширнаго, разноплеменнаго государства; наконецъ, какъ болѣе культурные сосѣди и сожители въ одномъ государствѣ, они оказали на южную Русь и громадное культурно-цивилизующее вліяніе. Хорошо знакомая съ христіанствомъ, благодаря постояннымъ—еще съ VII в.—разнаго рода связямъ съ Византіей, Хазарія скорѣе другихъ

---

[1]) См. ст. архимандрита Арсенія „Готская епархія въ Крыму“ „Ж. М. Нар. Просв.“ 1873 г. янв. кн.; также акад. В. Г. Васильевскаго „Русско-Византійскіе отрывки.—Житіе Іоанна Готскаго“—„Ж. М. Нар. Просв.“ 1878 г. янв. кн.; также проф. Ю. А. Кулаковскаго—„Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ“—„Ж. М. Нар. Просв. 1898 г.“ февр. кн. и др.

[2]) Объ Аланахъ см. ст. Ю. А. Кулаковскаго „Христіанство у Аланъ“—„Византійскій Временникъ“ 1898 г., 5 кн. вып. 1; его—же „Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей“, Кіевъ, 1899 г. (изъ „Чтен. въ Истор. Общ. Нестора Лѣтописца“); въ ст. А. А. Спицына „Историко-археологическія разысканія“—„Ж. М. Нар. Просв.“ 1909 г., янв. кн. и др.

сосѣднихъ странъ стала передавать первыя сѣмена христіанскаго вѣдѣнія на Русь. Роль Хазаръ въ христіанизаціи Руси, и такъ несомнѣнная, хотя документально прямо и не засвидѣтельствованная, была-бы несравненно больше, если-бы въ IX вѣкѣ, по соображеніямъ, видимо, политическаго характера—въ интересахъ огражденія своей государственной самобытности [1]) отъ Византіи, не утвердилось здѣсь, при дворѣ Хазарскаго хакана, исповѣданіе еврейское. Какъ-бы то ни было, хазарское вліяніе на южную Русь несомнѣнно вообще и въ частности и въ отношеніи ея христіанизаціи [2]).

---

[1]) Догадка П. Касселя—см. его „Chazarische Königsbrief sbrief aus dem 10 jahrhundert", Berlin, 1877 г.; его взглядъ раздѣлялъ проф. И. И. Малышевскій—см. ст. его „Евреи въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ"—„Труды Кіевск. Дух. Акад" 1878 г., т. П.

[2]) См. ст. проф. П. В. Голубовскаго „Болгары и Хазары"—„Кіев. Старина" 1888 г. іюль; акад. Ѳ. И. Успенскаго—„Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря"—„Кіев. Старина" 1889 г. май—іюнь; также—упоминавшуюся ст. Ю. А. Кулаковскаго „Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ"—„Ж. М. Нар. Просв." 1898 г., февр. кн.—и др. Въ то время какъ Кулаковскій, на основаніи новаго списка епархій Константинопольскаго патріархата VIII в., обнародованнаго де-Бооромъ, указываетъ у Хазаръ въ VIII в. рядъ епархій,—Успенскій, ссылаясь на переписку Константинопольскаго патріарха начала X вѣка—Николая Мистика, появленіе христіанскаго православнаго епископа у Хазаръ относитъ лишь къ началу X в. Истина, думается, скорѣе на сторонѣ Кулаковскаго—тѣмъ болѣе, что уже въ концѣ VII вѣка и въ VIII в. у Хазаръ съ Византіей существовали очень близкія сношенія; впрочемъ, въ послѣдующее затѣмъ время христіанство у Хазаръ и количество епархій здѣсь должны были, въ связи съ торжествомъ еврейства и разными военно-политическими обстоятельствами, испытывать колебанія, однако не въ такой ужъ большой степени—не до полнаго закрытія всѣхъ епархій; къ тому-же о христіанствѣ въ Хазаріи знаютъ и мусульманскіе

Распространеніе христіанства у сосѣдей Руси вполнѣ естественно привело и послѣднюю въ началѣ IX в. къ знакомству съ христіанствомъ.

писатели того времени. При связяхъ Хазаріи съ Иверіей (см. напр. въ кн. еп. Киріона—„Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси", Тифлисъ, 1910 г., стр. 236, 240) возможно посредствующее вліяніе—черезъ Хазаръ—Иверіи на Русь—особенно Азовско-Тмутараканскую, однако, къ сожалѣнію, вопросъ этотъ совершенно не выясненъ и пока фактически—научно, повидимому, обоснованъ быть не можетъ (это видно напр. изъ упом. кн. еп. Киріона).

II.

Для исторіи начальнаго христіанства собственно Руси большое значеніе имѣютъ два древнихъ житія — свв. Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго, говорящія о первыхъ извѣстныхъ въ исторіи случаяхъ соприкосновенія Руси съ христіанской истиной. Случаи эти относятся къ началу или, по крайней мѣрѣ, къ первой половинѣ IX столѣтія, т. е. къ эпохѣ, предшествующей пресловутому лѣтописному 862 г., къ которому раньше обычно, вслѣдъ за лѣтописцемъ, относили самое начало Руси; въ этомъ особенный интересъ данныхъ житій.

Въ первомъ изъ нихъ—житіи св. Стефана Сурожскаго содержится, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ «рать велика роусскаа» [1]) во главѣ съ «зѣло сильнымъ» княземъ Бравалиномъ произвела опустошеніе по всему южному берегу Крыма—отъ Корсуня до Керчи («Корча» или «Керчева»). Въ ряду другихъ городовъ пострадалъ и Сурожъ (нынѣ Судакъ, прежняя Сугдея), гдѣ при разграбленіи гроба съ мощами святителя Стефана князь Бравалинъ былъ пораженъ чудомъ («обратися лице его назадъ, и лежа пѣны точаше»). Въ результатѣ этого чуда князь отказался отъ

1) Добавленіе „изъ Новаграда" „могло быть прибавлено послѣ переписчиками" и во всякомъ случаѣ существеннаго значенія не имѣетъ, если только оно не является указаніемъ на таврическій городъ Неаполь,—см. у академика В. Г. Васильевскаго въ „Русско-Византійскихъ изслѣдованіяхъ" въ 9 вып. „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи", СПБ, 1893 г. отд. 2, стр 300—301.

всей награбленной добычи и крестился вмѣстѣ съ «боляры всѣми».

Хотя житіе это, какъ признается спеціалистами, само по себѣ является назидательно-компилятивнымъ произведеніемъ русскаго книжника XV вѣка, однако обстоятельное изученіе его привело нашихъ ученыхъ къ убѣжденію въ томъ, что оно «не есть простое сочиненіе русскаго автора, а ведетъ свое начало отъ необходимо предполагаемаго древняго источника, писаннаго, конечно, на греческомъ языкѣ», что «разсказъ о нашествіи русской рати на Сурожъ заключаетъ въ себѣ подлинную историческую основу» [1]). Въ такомъ случаѣ важно опредѣлить время даннаго нападенія русской рати на Сурожъ: по сказанію, оно произошло «мало лѣтъ» спустя послѣ смерти епископа Стефана Сурожскаго, умершаго въ концѣ VIII вѣка (около 790 года); слѣдовательно, это важное для насъ событіе, какъ опредѣляютъ [2]), имѣло мѣсто въ первой четверти IX в.

Академикъ А. А. Шахматовъ въ своей статьѣ «Корсунская легенда о крещеніи Владиміра» [3]) переноситъ однако данныя событія, изображенныя въ житіи св. Стефана,—въ X вѣкъ—въ эпоху Владиміра Св., т. е. ко временамъ болѣе извѣстнымъ и достовѣрнымъ. Возражая по данному вопросу Шахматову, С. П. Шестаковъ находитъ, что Шахматовъ отбрасываетъ результаты этихъ изслѣдованій академика В. Г.

---

1) См. „Русско-Византійскіе отрывки. Житіе Св. Стефана Сурожскаго" В. Г. Васильевскаго—„Ж. М. Н. Пр."—1889 г., майск. и іюньск. кн. и въ „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи" вып. IX, СПБ., 1893 г. отд. 2—„Русско-Византійскія изслѣдованія" его-же; см. также въ „Исторіи" Голубинскаго I пол. 1 т., 2 изд., стр. 53—60, также въ упом. ст. А. В. Карташова „Христіан. Чтен." 1908 г. кн. майск.—и др.

2) ibidem.

3) См. во 2 т. „Сборника статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому", СПБ., 1908 г., стр. 1149—1151, и отд. отд., СПБ., 1906 г.

Васильевскаго «съ легкостью, вызывающею большое сомнѣніе», но дѣлать это «рѣшительно невозможно»: «настолько прочны хронологическія соображенія Васильевскаго» [1]).

Дѣйствительно, прежде всего, пользуясь аргументомъ самого А. А. Шахматова, въ отвѣтъ ему мы можемъ сослаться на то, что свѣдѣній о расширеніи Корсунскаго похода Владиміра и на все Крымское прибрежье, въ томъ числѣ и на Сурожъ, никакихъ не имѣется, хотя ихъ имѣть было бы естественно, разъ Корсунская легенда была очень распространена и свѣдѣнія объ этомъ Корсунскомъ походѣ записаны въ разныхъ лѣтописяхъ. Затѣмъ, въ князѣ Бравалинѣ совершенно невозможно находить какія-либо черты, сколько—нибудь напоминающія Владиміра,—да и, сколько можно судить, Русь Бравалина и Владимірова—разныя по степени своей культурности. Къ тому-же крещеніе Владиміра такъ широко было извѣстно всюду, что о немъ, съ сохраненіемъ имени князя, записали и западно-европейскіе, и восточно-мусульманскіе лѣтописцы [2]); удивительно, какъ это лишь въ Сурожѣ, недалеко отъ Корсуня, въ предѣлахъ византійскихъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ Владиміръ дѣйствовалъ, онъ получилъ совершенно непохожее имя Бравалина и разсказъ о крещеніи его оказался испорченнымъ до неузнаваемости.

Разсказъ житія Стефана Сурожскаго о походахъ Руси и крещеніи нѣкоторыхъ ея представителей въ началѣ IX в. стоитъ тѣмъ тверже, что имѣетъ для себя историческую опору въ извѣстіи подобнаго-же рода, заключающемся въ другомъ житіи—св. Георгія, епископа

---

[1]) См. въ „Ж. М. Н. Просв." 1908 г. январ. кн. рецензію Шестакова на упом. ст. Шахматова.

[2]) Напримѣръ, Титмаръ на западѣ, новооткрытый Персидскій географъ на востокѣ,—указанія см. въ послѣдней—XIX главѣ.

Амастридскаго,—происхожденія уже несомнѣнно греческаго и древняго. Житіе это,—какъ установлено, написанное вскорѣ послѣ смерти св. Георгія (послѣдовавшей между 802—807 г.г.) и во всякомъ случаѣ до конца иконоборческаго періода, т. е. до 842 г.,—житіе, между прочимъ, разсказываетъ „о нашествіи“ на Амастриду „варваровъ, Руси—народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго“, „губительнаго и на дѣлѣ, и по имени“. «Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность ужъ однимъ своимъ видомъ“, Руссы, «начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли» и Амастриды, лежавшей на южномъ берегу моря. При разореніи Руссами гробницы св. Георгія тутъ произошло такое чудо: грабители «почувствовали себя разслабленными въ рукахъ и ногахъ» и, «связанные невидимыми узами, оставались совершенно неподвижными». Пораженный чудомъ, «предводитель» грабителей, «давъ вольность и свободу христіанамъ, поручилъ имъ ходатайство предъ Богомъ и святымъ», въ результатѣ чего «устраивается нѣкоторое примиреніе и сдѣлка ихъ съ христіанами», и тѣ, «которые поклонялись рощамъ и лугамъ», стали «уважать божественные храмы»[1]).

Такимъ образомъ, данныя два житія даютъ намъ довольно ясное удостовѣреніе, что въ началѣ IX в. какая-то Русь совершала, видимо, частые и серьезные набѣги по берегамъ Чернаго моря, хорошо была здѣсь извѣст-

---

[1]) Объ этомъ житіи см. у В. Г. Васильевскаго „Русско-Византійскіе отрывки. Житіе св. Георгія Аматридскаго“ —„Ж. М. Н. Пр.“ 1878 г., февр. и март. кн., также въ „Русско-Византійскихъ изслѣдованіяхъ“ его, помѣщенныхъ въ 9 вып. „Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи“, СПБ, 1893 г., (отд. 2-й); также въ уп. ст. А. В. Карташова —„Христ. Чт.“ 1908 г., май—и др.; есть немного и у Голубинскаго—см. прим. на стр. 57—58 уп. I пол. I т., 2 изд.

на, являлась даже грозою для обитателей черноморскихъ побережій, и въ эту уже раннюю эпоху получила знакомство съ христіанствомъ и первыя сѣмена христіанскаго вѣдѣнія. Справедливость этихъ сообщеній нашихъ житій о Руси въ IX в. подтверждается, съ одной стороны, современными болѣе или менѣе арабскими писателями, немало разсказывающими о Руси и ея набѣгахъ въ это—же приблизительно время [1]) неподалеку отъ тѣхъ—же мѣстъ; съ другой—же стороны возможность такой ранней христіанизаціи Руси—начальнаго ея, конечно, момента—стоитъ въ связи съ христіанизаціей къ IX в. части Хазаръ, Аланъ и Камскихъ Болгаръ, ближайшихъ сосѣдей и торговыхъ сотрудниковъ Руси.

Наконецъ, ясно и неопровержимо подтверждаетъ не только возможность, но и дѣйствительную наличность подобнаго рода набѣговъ Руси на черноморскія побережья въ IX в. съ важными для христіанизаціи Руси послѣдствіями несомнѣнный фактъ нападенія Руси на Константинополь въ 860 г.—въ связи съ разными сопровождавшими его обстоятельствами.

200 ладій Руси, совершая набѣги по берегамъ Чернаго моря, 18 іюня 860 г. [2]) сдѣлали нападеніе на самый Царьградъ. Нападеніе это вызвало панику въ греческой столицѣ. Впрочемъ, Русь вскорѣ была отсюда отбита и, по свидѣтельству продолжателя хроники Θеофана, «немного времени спустя посольство ихъ прибыло въ

[1]) Эти разсказы ведены въ русскомъ переводѣ въ книгахъ —„Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ" А. Я. Гаркави, СПБ, 1870 г., „Извѣстія Ибн—Даста о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ...", изд. Д. А. Хвольсономъ, СПБ, 1869 г.,— и др.; о нихъ рѣчь еще будетъ впереди—въ гл. VI и др.

[2]) Точную дату эту дала „Σύνοψις χρονική", найденная и опубликованная въ 1894 г. въ Брюсселѣ Ф. Кюмономъ— „Anecdota Bruxellensia", I, Gand, 1894 г.; о томъ же событіи говоритъ рядъ греческихъ писателей—патріархъ Фотій, продолжатель Θеофана и др.

Царьградъ съ просьбою сдѣлать ихъ (Русь) участниками въ святомъ крещеніи, что и было исполнено», при чемъ Русь, по словамъ патріарха Фотія, получила себѣ и епископа [1]). Извѣстія эти нашли себѣ отраженіе и въ нашей лѣтописи, связавшей эти событія съ именами князей Аскольда и Дира [2]).

Итакъ, мы имѣемъ несомнѣнный фактъ крещенія Руси вскорѣ послѣ 860 г. съ учрежденіемъ даже здѣсь епископіи; и, дѣйствительно, въ росписи епархій императора Льва VI Мудраго (886—911 гг.) въ концѣ IX в. мы встрѣчаемъ уже, въ ряду другихъ епархій Константинопольскаго патріархата, епархію русскую. Любопытно при этомъ, что патріархъ Фотій, современникъ данныхъ событій (патріархъ съ 858 г., умеръ 897 г.), въ бесѣдахъ своихъ по поводу этого именно нападенія Руси на Константинополь, называетъ Русь народомъ въ Византіи хорошо извѣстнымъ, «многократно прославленнымъ»—своею «жестокостью и скверноубійствомъ» [3]).

Такъ подтверждается дѣйствительность нападеній Руси на византійскія владѣнія, описанныхъ въ житіяхъ свв. Стефана и Георгія, и вмѣстѣ окончательно утверждается фактъ знакомства Руси съ христіанствомъ въ третьей четверти IX в. Въ связи съ этимъ получаетъ особый интересъ и смыслъ сообщеніе Паннонскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія о встрѣчѣ св. Кирилла

---

[1]) См. напр., статьи въ „Византійскомъ Временникѣ": Х. М. Лопарева—„Старое свидѣтельство о положеніи ризы Богородицы во Влахернѣ въ новомъ истолкованіи примѣнительно къ нашествію русскихъ на Византію въ 860 г."—въ 4 вып. 2 т., 1895 г., А. Пападопуло—Керамевса—„Акаѳистъ Божіей Матери, Русь и патріархъ Фотій"—т. 10, вып. 3—4, 1903 г.—и др.,, есть также и у Голубинскаго.

[2]) См. ниже—въ гл. VII и VIII.

[3]) Бесѣды Фотія въ русскомъ переводѣ въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1882 г., сент.—октябр. кн.

около того—же времени съ «русиномъ» въ Корсунѣ и находкѣ имъ здѣсь Евангелія и Псалтири на «русскомъ» языкѣ [1]).

Все это вмѣстѣ взятое убѣждаетъ насъ въ томъ, что начало русскаго христіанства относится къ IX вѣку. Но прежде чѣмъ уяснить вполнѣ данныя свѣдѣнія и продолжить дальнѣйшую исторію начальнаго русскаго христіанства, есть настоятельная необходимость болѣе или менѣе обстоятельно остановиться на прекословномъ вопросѣ о томъ, что такое Русь, какого она происхожденія, гдѣ она тогда жила и гдѣ именно прежде всего могла вступить въ соприкосновеніе съ христіанами и дѣйствительно начала свое ознакомленіе съ христіанствомъ.

---

[1]) Подробнѣе о семъ см. ниже—гл. VI.

III.

Уже извѣстныя намъ свидѣтельства о грабежахъ и нападеніяхъ Руси въ IX в. въ предѣлахъ Византіи и по всему черноморскому побережью, совершавшихся при томъ «великой ратью» и пріобрѣвшихъ Руси большую извѣстность среди Византійцевъ,—уже эти показанія ясно, думается, говорятъ, что подъ Русью тутъ нельзя разумѣть тѣхъ «Варяговъ»—Норманновъ, которые, по лѣтописи, въ Новгородѣ и вообще на сѣверѣ Россіи, т. е. въ ближайшемъ сосѣдствѣ со своей родиной—Скандинавіей, появились лишь въ 862 г., а въ Кіевѣ—въ 882 г. Совершенно непріемлемой также кажется намъ—и по апріорнымъ соображеніямъ, и потому что не имѣетъ въ свою пользу никакихъ документальныхъ данныхъ,—и новая догадка норманистовъ о томъ, будто Норманы по русскимъ рѣкамъ могли гораздо раньше указываемаго лѣтописью момента—въ VIII в. или въ началѣ IX в.—пробраться на югъ нынѣшней Россіи, поселиться здѣсь въ большомъ числѣ и занять такое господственное положеніе на Черномъ морѣ.

Гораздо естественнѣе признать тутъ существованіе давней мѣстной—южной Руси, Руси Черноморско—Азовско—Донской. О ней настойчиво говорятъ восточные магометанскіе писатели IX—X в. в. [1]), въ пользу

---

[1]) Отрывки изъ ихъ сочиненій въ русскомъ переводѣ см., напр., въ упом. „Сказаніяхъ мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“ А. Я. Гаркави, СПБ., 1870 г., и др.

Между прочимъ, любопытно сообщеніе одного „новооткрытаго персидскаго географа X вѣка“ о томъ, что одно изъ пле-

бытія ея затѣмъ свидѣтельствуетъ непонятное иначе, необъяснимо странное существованіе сильнаго русскаго Тмутараканскаго княжества въ концѣ X—началѣ XI в. в. [1]), затерявшагося почему-то вдали отъ прочей Руси въ отдаленномъ приморскомъ углу,—отдѣленномъ отъ нея огромнымъ пространствомъ степей съ населяющими ихъ кочевниками,—вдругъ неожиданно появляющагося, точно по мановенію волшебнаго жезла, въ указанную эпоху на страницахъ нашей лѣтописи, ничего не говорящей объ условіяхъ возникновенія этого княжества—ни раньше, ни теперь. Что эта оторванность Тмутаракани отъ остальной Руси—явленіе случайное, вызванное ходомъ

менъ Руси въ его время жило на берегу Чернаго моря, по сосѣдству съ Печенѣгами Хазарскими и Внутренними Болгарами, которые являлись въ тотъ моментъ сосѣдями Славянъ съ востока (т. е., очевидно, такъ называемыми Черными или Прикавказскими),—см. въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго О-ва", т. X, СПБ., 1897 г., ст. А. Туманскаго „Новооткрытый персидскій географъ X вѣка и извѣстія его о славянахъ и русскихъ", стр. 136, прим. 3, срв. прим. 9 на стр. 137 (кстати, подъ именемъ рѣки „Русь", упоминаемой этимъ географомъ X вѣка, мы скорѣе склонны принять не часть верхняго теченія Волги и не Оку съ частью Волги до Камы, какъ допускаетъ г. Туманскій, а рѣку Донъ, которая дѣйствительно—сообразно съ показаніями этого древняго географа—„поварачивала на югъ къ предѣламъ Печенѣговъ" и, по обычному тогда представленію арабскихъ писателей, соединялась съ Волгой, почему о Донѣ именно у нихъ и могло быть сказано, что онъ „впадаетъ въ рѣку Атель" (см. ibidem, стр. 137, прим. 9); данное предположеніе, думается, можетъ быть поставлено въ связь со встрѣчающимся у Арабовъ названіемъ Дона русской рѣкой, между тѣмъ какъ о существованіи имени „Русь" или „Росъ" въ это время на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ нынѣшней русской территоріи нѣтъ свѣдѣній).

[1]) Не забудемъ, что въ первой половинѣ XI в.—въ двадцатыхъ годахъ его—князь Тмутараканскій Мстиславъ настолько силенъ, что одолѣваетъ даже могущественнаго Кіевскаго князя Ярослава.

историческихъ событій уже конца VIII—IX в. в., а не исконное,—объ этомъ говорятъ археологическія и частію письменныя данныя, указывающія, что нѣкогда Тмутараканская область была связана съ остальной Русью цѣпью поселеній Славянъ въ Подоньѣ, отодвинутыхъ затѣмъ кочевниками къ сѣверу—къ Окѣ, но оставившихъ здѣсь по себѣ этнографическій слѣдъ, замѣтный въ XI—XIII в. в. даже [1]).

Неудивительно, если при такихъ именно условіяхъ Русь въ свое время играла большую роль на Черномъ морѣ, такъ что арабскіе писатели той эпохи называли Азовское и Черное моря русскими морями, а Донъ—русской рѣкой [2]).

---

1) См. данныя въ кн. проф. В. Г. Ляскоронскаго „Исторія Переяславльской земли“, 2 изд., Кіевъ, 1903 г., стр. 93 и сл.; у М. Грушевскаго „Кіевская Русь“, т. I, СПБ., 1911 г., стр. 232—235, 289, 294; у П. В. Голубовскаго въ изсл. „Печенѣги, торки и половцы“, Кіевъ, 1884 г.—изъ „Кіев. Унив. Изв.“ 1883 г., у Д. И. Багалѣя „Исторія Сѣверской земли“, Кіевъ, 1882 г.; въ ст. А. А. Шахматова „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“—„Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г., апрѣл. кн., и „Южныя поселенія Вятичей“—„Изв. И. Академіи Наукъ“ 1907 г. № 18 и отд. отт; въ ст. А. А. Спицына „Историко-археологическія разысканія“—„Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г. янв. кн.; у В. А. Городцова—„Древнее населеніе Рязанской области“—„Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ“ 1908, т. XIII, кн. 4—и др.

2) Въ упоминаемой кн. Гаркави см. стр. 55, 68—69, 107, 149—155 и др. Конечно, названіе Чернаго моря „моремъ Русовъ“ у араба Масуди само по себѣ еще не свидѣтельствуетъ о древнемъ поселеніи Руси именно въ Тмутаракани—близъ Керченскаго пролива, но оно, въ связи съ другими подобнаго рода показаніями арабскихъ и греческихъ писателей той эпохи, говоритъ краснорѣчиво о прочномъ жительствѣ Руси на берегу этого моря и объ ея господствующемъ здѣсь положеніи. Историческіе факты слѣдующаго сразу засимъ историческаго момента—конца X—XI вв.—даютъ указаніе именно на Тмутаракань и ея область, какъ мѣсто поселенія этой приморской

Кто-же такіе по своему происхожденію люди, представлявшіе собою эту южно-приморскую Русь?

Мы не будемъ подробно останавливаться на такъ называемой готской или готско-норманской теоріи (В. Г. Васильевскаго, Е. Е. Голубинскаго, Ф. К. Бруна и др.), которая, вѣря въ норманскую теорію происхожденія Руси, но не желая вступать въ противорѣчіе съ несомнѣнными указаніями на существованіе южной приморской Руси, пыталась объяснить происхожденіе ея здѣсь отъ Готовъ, хотя въ IV вѣкѣ и покинувшихъ сѣверные берега Чернаго моря, но оставившихъ здѣсь—въ Крыму—небольшой свой остатокъ [1]). Мнѣніе это явно тенденціозно,

Руси. Объяснять названіе это такъ, что покореніе Кіевской Русью въ X в. Тиверцевъ и Уличей, жившихъ близъ сѣверо-западнаго берега Чернаго моря, дало право на названіе Чернаго моря русскимъ,—какъ это пытается установить Фр. Ѳ. Вестбергъ („Ж. М. Н. Пр." 1908 г. февр. и март. кн.—„Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ"—см. собственно март. кн.),—совершенно невозможно, такъ какъ власть Кіевскаго князя въ X в. надъ сѣверными берегами Чернаго моря, если только можно допустить ее, была настолько призрачной, что онъ не могъ даже спокойно добраться до нихъ, не рискуя подвергнуться по пути серьезному нападенію кочевниковъ-Печенѣговъ; при томъ вообще возможность вліянія Кіевскаго князя здѣсь допустима лишь во время слишкомъ непродолжительное и позднее, чтобы оно именно могло дать поводъ къ подобному названію Чернаго Моря русскимъ со стороны далекихъ мусульманскихъ писателей того времени; да и сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря,—мѣсто обитанія Тмутараканской Руси,—какъ ближе лежащій къ важной для Арабовъ тогда Волгѣ и Каспійскому моря, больше интересовалъ арабскихъ писателей и лучше былъ имъ извѣстенъ, чѣмъ сѣверо-западный берегъ съ Тиверцами и Уличами.

[1]) См. статьи В. Г. Васильевскаго въ „Ж. М. Н. Пр.": 1872 г. ноябр. и дек. кн.—„Византія и Печенѣги" и „Русско-Византійскіе отрывки"—1876 г. март. и іюн. кн.; въ „Черноморьи" Ф. Бруна (ч. 2, Одесса, 1880 г., стр. 218 и слѣд.); также въ „Исторіи Русской церкви" Голубинскаго.

придумано лишь для спасенія норманской теоріи отъ ея краха и страдаетъ запутанностью въ объясненіяхъ. Оно должно быть оставлено хотя-бы уже въ силу того несомнѣннаго факта, что уцѣлѣвшій въ Крыму остатокъ Готовъ даже въ эпоху царствованія Юстиніана Великаго (527—565 г. г.), по свидѣтельству современнаго историка Прокопія, представлялъ собою весьма незначительную политическую силу и отличался мирнымъ земледѣльческимъ характеромъ,—поэтому и въ послѣдующее время не могъ выступить въ активной роли создателя Русскаго государства, а также и потому, что въ VII—IX в. в. самъ велъ—безъ особаго успѣха—оборонительную борьбу противъ сильныхъ Хазаръ. Вообще ни откуда не видно, чтобы эта умирающая горсть Готовъ почему—то въ VIII—IX в. в. возродилась и превратилась въ націю сильную и воинственную и страшную для сосѣдей и такъ легко и необъяснимо просто слилась затѣмъ съ Славянами.

Допущеніе сліянія этихъ Готовъ со вновь прибывшими съ сѣвера Норманами обращаетъ наше вниманіе къ главной теоріи происхожденія Руси—къ теоріи норманской, все еще пользующейся большимъ кредитомъ у нашихъ ученыхъ. И все-же мы позволимъ себѣ не согласиться съ главнымъ положеніемъ норманской теоріи, что Русь—это Норманы, выходцы изъ Скандинавіи [1]).

Такъ, напримѣръ, извѣстный современный изслѣдова-

---

1) Изъ противниковъ норманской теоріи, между собою, впрочемъ, болѣе или менѣе разногласящихъ, сравнительно въ болѣе позднее время слѣдуетъ назвать: С. Гедеонова—см. его „Варяги и Русь", 2 т., СПБ, 1876 г. (также въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ" 1862—3 г. г.), Д. И. Иловайскаго (см., напр., его „Разысканія о началѣ Руси", Москва, 1882—86 г. г.). И. Е. Забѣлина („Исторія русской жизни", ч. I, Москва, 1876 г.), М. С. Грушевскаго („Історія Украіни-Руси", т. I, Львовъ, 1904 г.), Д. И. Багалѣя (см. I ч. его „Русской Исторіи", Харьковъ, 1910 г.) и др.

тель русскихъ лѣтописей и большой спеціалистъ въ разработкѣ вопросовъ, касающихся жизни древнѣйшей Руси,—академикъ А. А. Шахматовъ, исповѣдуя норманскую теорію, для объясненія существованія въ VIII—IX в.в. южно-приморской Руси, какъ норманской именно, строитъ такое предположеніе: «Русь это древнѣйшій слой Варяговъ, первые выходцы изъ Скандинавіи, осѣвшіе на русскомъ югѣ раньше, чѣмъ потомки ихъ стали осѣдять на менѣе привлекательномъ, лѣсистомъ и болотистомъ славянскомъ сѣверѣ»; «въ VIII—IX в.в.... среди Приднѣпровскихъ Славянъ появляются полчища Скандинавовъ, садятся въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и начинаютъ покорять себѣ славянскія племена» [1]).

Однако эта гипотеза Шахматова, принимаемая и многими другими учеными, стоитъ въ несогласимомъ, рѣзкомъ противорѣчіи съ подмѣченнымъ самимъ—же Шахматовымъ враждебнымъ отношеніемъ русскаго юга къ появляющимся на глазахъ исторіи въ X—XI в.в. выходцамъ изъ Скандинавіи, т. е. какъ будто, по теоріи Шахматова, къ своимъ-же родичамъ и соотечественникамъ, второй волнѣ одного и того-же скандинавскаго движенія въ страну русскихъ Славянъ [2]). Это явное недружелюбіе южной Руси къ идущимъ съ сѣвера Норманамъ, думаемъ, естественнѣе всего отнесть къ антагонизму національному—тѣмъ болѣе, что никакой Руси и даже рѣшительно никакихъ слѣдовъ ея въ Скандинавіи все еще не удалось разыскать, несмотря на напряженныя и продолжитель-

---

[1]) См. въ чрезвычайно капитальномъ и цѣнномъ трудѣ Шахматова „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ", СПБ, 1908 г., стр. 325—326 и др., подробнѣе же въ его „Сказаніи о призваніи Варяговъ", СПБ, 1904 г., (отт. изъ „Извѣстій Отд. русск. яз. и словесности И. Акад. Наукъ", т. 9, кн. 4, 1904 г.), стр. 54 и слѣд.

[2]) Въ „Разысканіяхъ" стр. 326, 327 и др.

ныя старанія въ этомъ направленіи ученыхъ; и да объ этой первой волнѣ скандинавскаго движенія на Русь мы не имѣемъ никакихъ буквально данныхъ,—это одна гипотеза безъ всякаго фактическаго основанія.

Напротивъ, наша лѣтопись говоритъ скорѣе о вліяніи на русскій югъ въ VIII—IX вѣкахъ другой націи—Хазаръ, и это вполнѣ понятно и естественно-въ виду политической мощи Хазаръ въ VIII в. и ихъ чрезвычайной близости къ русско—славянскому югу.

Затѣмъ, повторяемъ, совершенно непріемлемо предположеніе, будто далекіе Скандинавы,—какъ бы они ни были предпріимчивы,—въ VIII в., въ эпоху уже вполнѣ историческую, такъ легко и такъ далеко пробрались по русскимъ рѣкамъ на югъ, такъ прочно утвердились здѣсь и заняли даже господствующее положеніе на Черномъ морѣ. Странно, что объ этомъ замѣчательномъ по сьоей дальности, трудности и ловкости большомъ переселеніи «полчищъ» Норманновъ съ далекаго сѣвера на югъ не запомнили ничего скандинавскія саги [1]), не записали ничего современные писатели—Византійцы или Арабы,—заинтересованные въ извѣстной степени въ этомъ событіи. Еще болѣе странно, что этой—въ концѣ концовъ небольшой все—же количественно-горсти Норманновъ во время далекого воднаго путешествія не оказали сопротивленія такія, жившія по пути, болѣе или менѣе сильныя и крѣпкія народности, какъ рядъ славянскимъ племенъ, Камско-Волжскіе Болгары, Хазары, Аланы.

Совершенно правильно разсуждаетъ о такомъ поселеніи Норманской Руси вдали отъ своей родины норма-

---

[1]) Въ виду послѣдующаго частичнаго движенія Скандинавовъ на югъ невозможно (не на чемъ) создавать гипотезу о какомъ-то полномъ разграниченіи и обособленности вторыхъ скандинавскихъ выходцевъ отъ первыхъ и какомъ-то неестественномъ (почему именно?) перерывѣ этого движенія.

нистъ Фр. Ѳ. Вестбергъ: «Такое разбойничье гнѣздо Русовъ немыслимо на Керченскомъ проливѣ, если Кіевъ» въ это время «не находился еще въ рукахъ Русовъ» [1]) Дѣйствительно, послѣдовательнымъ и болѣе рьянымъ норманистамъ, какъ г. Вестбергъ, невозможно примириться съ существованіемъ южно-приморской Руси, такъ какъ оно явно говоритъ противъ ихъ теоріи, и потому такіе изъ нихъ ее обычно отрицаютъ. Наконецъ, въ данной гипотезѣ вызываетъ недоумѣніе и еще одно обстоятельство, допускаемое обычно норманистами: почему это Норманы вездѣ въ Европѣ являлись въ ту пору пиратами, береговыми разбойниками, а у насъ на Руси—они вооруженные купцы и при томъ культурные государственники, творцы русской государственности?

Въ виду все еще прочной живучести норманской теоріи, упорно базирующейся на сбивчивыхъ названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго, на именахъ рускихъ князей, на глухомъ и темномъ свидѣтельствѣ Бертинской лѣтописи подъ 839 г. [2]),—весь-

---

1) См. въ уп. ст. Вестберга „Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ"—см. март. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1908 г. 24 стр.

2) Подробное разсмотрѣніе этихъ краеугольныхъ камней норманской теоріи см. въ упом. выше работахъ антинорманистовъ—у Гедеонова, Грушевскаго и др. Несомнѣнно одно: свѣдѣнія эти—или взяты не изъ первыхъ рукъ (названія пороговъ), или представляютъ собою сомнительную догадку (объясненіе въ Бертинской лѣтописи народа Руси), или допускаютъ возможность разныхъ до противоположности толкованій (имена),—во всякомъ случаѣ прочной незыблемости, необходимой для фундамента научнаго мнѣнія, не имѣютъ; что-же касается ссылки норманистовъ на археологическо-нумизматическія данныя и на показанія сагъ о раннемъ присутствіи Норманновъ на Руси, то они дѣйствительны только по отношенію къ Руси сѣверной—Новгородской, чего и мы не отрицаемъ (см. ниже—гл. IV и др.), но никакъ не въ отношеніи Руси Кіевской; а соображенія общаго харак-

ма важно опредѣлить тѣ пути, какими могли попадать и дѣйствительно попадали на Русь Скандинавы, какими они вели торговлю и т. п. Вопросъ объ этихъ путяхъ весьма важенъ для насъ особенно еще и въ томъ отношеніи, что онъ стоитъ въ связи съ вопросомъ, откуда и какъ шло къ намъ на Русь христіанство.

тера—о самомъ характерѣ скандинавскихъ походовъ, объ извѣстныхъ въ послѣдующее время связяхъ Норманов съ Русью—сами по себѣ ровно ничего еще не говорятъ объ извѣстной роли Норманов въ опредѣленное, болѣе лѣтописнаго раннее, время въ жизни южной Руси (см., напр., норманистскіе доводы у Шахматова—„Сказаніе о призваніи Варяговъ“, стр. 54—55, въ „Исторіи Русской государственности“ проф. С. А. Корфа, СПБ., 1908 г., стр.3—4 и др.

IV.

Нынѣ уже установлена наукою въ нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ» наличность вставокъ, наслоеній, анахронизмовъ, пользованія разнообразными, болѣе давними извѣстіями и преданіями, присутствіе несомнѣннаго личнаго элемента, тенденціозной окраски и группировки событій и т. п. [1]). Такое положеніе вещей побуждаетъ современныхъ ученыхъ уже не вѣрить нашему такъ называемому «Нестору» на слово во всемъ, но относиться къ показаніямъ его осторожно-критически.

Въ ряду другихъ лѣтописныхъ данныхъ, нуждающихся поэтому въ серьезной критической повѣркѣ, долженъ быть, между прочимъ, поставленъ и вопросъ о такъ называемомъ «пути изъ Варягъ въ Греки,» давности его существованія и степени историческаго его значенія въ ту или другую эпоху. Этотъ путь дѣйствовалъ и былъ чрезвычайно важнымъ по своему торговому значенію во дни нашего лѣтописца—въ XI—началѣ XII вв. Лѣтописецъ, наблюдавшій важное значеніе этого пути въ свое время, отодвинулъ роль этого пути и на время гораздо болѣе раннее—на IX—X вв. и даже далѣе. Правъ-ли въ данномъ случаѣ лѣтописецъ?

Вопросъ этотъ весьма важенъ въ виду чрезвычайно большого значенія торговли и торговыхъ путей въ жиз-

---

[1]) См. въ уп. „Разысканіяхъ“ А. А. Шахматова, также ст. проф. С. А. Корфа „Замѣтка объ отношеніяхъ древне-русскаго лѣтописца къ монархическому принципу“—„Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г., іюль и-др.;изъ болѣе давнихъ—у Гедеонова во 2 т. кн. „Варяги и Русь“, стр. 448—451 и слѣд.—и др.

ни древней Руси [1]). Этимъ вѣдь путемъ, по лѣтописи, ходили—да по существу и могли только ходить—въ нашу Днѣпровскую Русь Скандинавскіе Норманы, этимъ путемъ, по лѣтописи, они совершили покореніе Кіевской Руси, принесли и утвердили ея государственность [2]) и принесли даже на Русь христіанство со всѣми его важными послѣдствіями. Иначе говоря, на признаніи давности—и собственно значенія этого знаменитаго пути въ IX—X вв.—зиждется почти все зданіе норманской теоріи происхожденія Руси и русской государственности.

Давность этого пути можно провѣрить частію по другимъ письменнымъ извѣстіямъ, частію по археологическимъ даннымъ.

Наблюденія надъ матеріалами археологическихъ раскопокъ склоняютъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что до X и даже почти до XI в. Норманы совершенно не вѣдали днѣпровскаго пути въ Византію. Главной торговой артеріей въ это время по крайней мѣрѣ въ VIII—IX в.в.—на востокъ и юго-востокъ для Норманов, судя по археологическимъ находкамъ, былъ не Днѣпръ, а Волга, ведшая къ торговымъ связямъ черезъ посредство Камскихъ Болгаръ съ мусульманскимъ Востокомъ; съ другой стороны Византія почти совсѣмъ не стояла ни въ какихъ связяхъ съ Скандинавіей даже и въ X вѣкѣ,—по край-

---

[1]) См., напр., „Курсъ Русской Исторіи" проф. В. О. Ключевскаго, ч. I, 2 изд., Москва, 1906 г., лекціи 8, 9 и 10; „Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ" подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. I. Москва (? годъ изд.)—ст. И. М. Катаева—„Промышленность и торговля древней Руси", „Очеркъ экономическаго строя древней Руси" Довнаръ-Запольскаго; въ кн. проф. М. А. Дьяконова—„Очерки обществ. и государ. строя древней Руси", 2 изд., СПБ., 1908 г., стр. 86 и сл. и др.

[2]) См. напр., у Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" въ I т. „Собранія сочиненій," СПБ., 1897 г., стр. 24 и др.

ней мѣрѣ, слѣдовъ этой связи—ея культурнаго вліянія на Скандинавію въ это время не видимъ.

Наблюдать это можно, напримѣръ, по археологическимъ находкамъ древняго большого торговаго центра Скандинавіи, каковъ городъ Бирка, существовавшій въ IX—XI в.в.: при полномъ почти отсутствіи византійскихъ вещей и монетъ, мы находимъ здѣсь массу монетъ арабскихъ и предметы восточнаго производства [1]). Конечно, мы не то тутъ увидѣли-бы, если-бы существовали въ это время непосредственныя торговыя связи Норманновъ съ Византіей по балтійско-днѣпровскому пути,—арабскій Востокъ вѣдь дальше былъ отъ Скандинавіи, чѣмъ Византія.

Норманы, правда, иногда проникали въ Византію и раньше X в., но лишь рѣдко и другими путями—моремъ черезъ Гибралтарскій проливъ и сухимъ путемъ черезъ Германію и Венгрію [2]).

Вообще, по наблюденіямъ датскаго археолога Ворсо, торговыя связи Скандинавіи съ Византіей, говоря вообще, не существовали въ VII—X в.в. и лишь въ X—XI в.в. развиваются [3]).

Съ другой стороны наблюденія надъ русскими курганами и содержимымъ ихъ показываетъ, что скандинавское вліяніе—и то лишь до извѣстной степени [4])—тутъ распро-

---

[1]) См. ст. К. Ѳ. Тіандера „Городъ Бирка"—„Ж. М. Н. Пр." 1910 г. іюн. кн.

[2]) См. нѣсколько ниже о пути Скандинавовъ въ Святую Землю.

[3]) См. у Ворсо въ его работѣ „Разселенія и древнѣйшія культурныя сношенія Россіи съ Скандинавскимъ сѣверомъ"—перев. въ I т. „Вѣстн. Общ. Др. Русск. Иск." срв. у Довнаръ—Запольскаго въ I ч. „Исторіи русск. нар. хозяйства", Кіевъ, 1911 г., гл. 3 и 4.

[4]) См. въ упом. кн. Довнаръ—Запольскаго стр. 102—104 и др.

странялось только на сѣверъ Россіи—прежде всего на область Новгородскую и верхнее Поволжье; но на югѣ-въ Кіевской и сосѣднихъ областяхъ скандинавскаго вліянія и скандинавскихъ предметовъ мы не встрѣчаемъ почти вовсе въ X вѣкѣ,—попадаются они тутъ лишь съ XI вѣка,—т. е. въ ту пору, когда «путь изъ Варягъ въ Греки» уже дѣйствовалъ и Норманы попадали къ намъ обычнымъ путемъ—путемъ частичнаго сюда передвиженія, участія въ княжеской дружинѣ и торговли.

Изученіе кургановъ VIII—X в.в. показываетъ, что курганы типа новгородскихъ сопокъ по устройству одинаковы съ скандинавскими и появляются прежде всего и чаще всего въ Новгородской области и сосѣднихъ мѣстахъ русскаго сѣвера,—оставлены они здѣсь частію Норманами, частію-же самими Новгородцами подъ несомнѣннымъ норманскимъ вліяніемъ. Характерныя височныя кольца, отсутствіе въ насыпяхъ теремковъ, а среди находокъ—филиграновыхъ бусъ, сравнительно большая высота—объединяютъ курганы Новгородцевъ и Кривичей въ одну группу и рѣзко отличаютъ ихъ отъ группы кургановъ Кіевскаго юго-запада. Путь дальнѣйшаго распространенія норманско-новгородскихъ кургановъ—вообще сѣверъ Руси, отсюда—по извѣстному волжскому пути, отмѣченному находкой массы арабскихъ монетъ, доходящихъ съ востока до береговъ Балтійскаго моря; на юго-западѣ—къ Днѣпру и по Днѣпру такого типа курганы появляются поздно и въ очень маломъ количествѣ,—встрѣчаются они тутъ чаще лишь въ XI уже вѣкѣ [1]).

Вообще данныя археологическихъ раскопокъ убѣждаютъ въ томъ, что тутъ-въ Приднѣпровьѣ въ IX—X в.в. оказывали свое вліяніе главнымъ образомъ культу-

---

[1]) См. ст. А. А. Спицына въ август. кн. „Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г. и др.

ры—мусульманско-восточная и византійская, но никакъ не норманская.

Такимъ образомъ археологическія данныя побуждаютъ насъ установить въ IX—X в.в. рѣзкую культурно-историческую обособленность русскаго Кіевскаго юга отъ Новгородскаго сѣвера—и въ связи съ этимъ направленіе скандинавской торговли на Руси—по Волгѣ и сѣвернѣе, наличность вліянія Скандинавіи лишь на русскомъ сѣверѣ и сѣверо—востокѣ и въ же время отсутствіе здѣсь вліянія Византіи,--несомнѣнно существующаго между тѣмъ въ это-же время на югѣ Руси—сѣвернѣе приблизительно Кіевскаго Поднѣпровья [1]). А это уже говоритъ объ отсутствіи пути «изъ Варягъ въ Греки» въ IX--X в.в., такъ какъ существованіе такого пути въ это время несомнѣнно влекло бы взаимное проникновеніе вліяній южныхъ—византійскихъ на сѣверъ и сѣверныхъ—скандинавскихъ—на югъ Руси.

Найденный, наконецъ, недавно, единственный въ

---

1) См., наприм., нашимъ выводамъ благопріятствующія данныя въ уп. ст. „Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ“ А. А. Спицына въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г. август. кн.; ст. К. Ѳ. Тіандера „Городъ Бирка“—„Ж. М. Н. Пр.“ 1910 г. іюн. кн.; см. данныя также въ кн. Н. П. Кондакова „Русскіе клады“, т. I, СПБ, 1896 г. стр. 7, 30—34 и др.; въ 38 вып. „Извѣстій Имп. Археол. Комиссіи“, посвящ. финляндской археологіи, СПБ., 1911 г.; докладъ шведскаго ученаго Т. Арне на XV Археологическомъ Съѣздѣ 1911 г. въ Новгородѣ—„Сношенія Швеціи съ Россіею въ эпоху викинговъ по свидѣтельствамъ археологіи“—содержаніе его въ „Извѣстіяхъ XV Археол. Съѣзда“, Москва, 1911 г., стр. 77—78; въ „Древностяхъ Приднѣпровья“ Ханенко, напр., въ 5 вып. (Кіевъ, 1908 г.), стр. 3, 8; въ „Исторіи русскаго народнаго хозяйства“ проф. М. В. Довнаръ—Запольскаго, т. I, Кіевъ, 1911 г., главы 3, 4; въ „Описаніи европейскихъ монетъ X, XI и XII вѣковъ“ Б. Кене, СПБ., 1852 г., стр. 2, 16—19 и др.; въ кн. А. Маркова „Топографія кладовъ восточныхъ монетъ“, СПБ., 1910 г.; въ упом. работѣ Ворсо и др.

Россіи камень съ характерной для Швеціи руническою надписью, найденный именно на югѣ Россіи—на островѣ Березани у устья Днѣпра, «по совокупности впечатлѣній» отъ надписи отнесенъ ученымъ норманистомъ лишь къ XI—XII вв. [1]) и потому ровно ничего не говоритъ о движеніи Норманновъ по днѣпровскому пути раньше этого времени.

Заслуживаютъ также въ данномъ случаѣ особаго вниманія находки въ раскопкахъ, произведенныхъ близъ г. Смоленска—въ Гнѣздовѣ, старинномъ городѣ IX—X вв., имѣвшемъ въ свое время выдающееся торгово-промышленное значеніе и лежавшемъ какъ разъ на серединѣ «пути изъ Варягъ въ Греки». Изъ археологическихъ здѣшнихъ находокъ видно, что въ IX—X вв. тутъ,—въ срединѣ будущаго «пути изъ Варягъ въ Греки»,—велась оживленная торговля съ Востокомъ черезъ посредство Камскихъ Болгаръ—по Волгѣ, заведены были уже въ X в. связи со Скандинавіей—были знакомы, по крайней мѣрѣ, мѣстные жители съ предметами скандинавскаго издѣлія, но при этомъ совершенно не вѣдали Византіи: при наличности множества монетъ далекаго арабскаго Востока—не найдено изъ гораздо болѣе близкой Византіи ни одной монеты, современной здѣшнимъ курганамъ, и вообще вовсе не обнаружены слѣды византійскаго здѣсь вліянія [2]), въ это время, какъ извѣстно, дѣйствовавшаго на среднемъ Поднѣпровьѣ. Слѣдовательно, сѣверная и южная части будущаго балтійско-днѣпровскаго пути не были еще связаны.

---

1) См. ст. „Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани" проф. Ѳ. А. Брауна въ 23 вып. „Извѣст. Имп. Археолог. Комис.", СПБ, 1907 г.

2) См. „Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Ком.", вып. 28—работа В. И. Сизова „Курганы Смоленской губ. Вып. I. Гнѣздовскій могильникъ", СПБ., 1902 г.

Въ помощь археологіи приходятъ тутъ и другія данныя. Масудіева, напримѣръ, карта Европы X в. вовсе не знаетъ Днѣпра и пути «изъ Варягъ въ Греки»: на ней просто проведена громаднѣйшая рѣка отъ Сѣвернаго океана черезъ всю Восточную Европу до Азовскаго моря, рѣка, соединяющаяся притокомъ съ Волгою въ мѣстѣ наибольшаго ея сближенія съ Дономъ [1]). Очевидно отсюда, что о Днѣпрѣ и возможности даже балтійско-днѣпровскаго пути всесвѣтные почти торговцы тогдашніе —Арабы не знали ничего въ то время сколько—нибудь опредѣленнаго; нельзя—же допустить, чтобы такой важный торговый путь—«изъ Варягъ въ Греки» въ то время существовалъ, но только его Арабы не знали вовсе и не слыхали о немъ,—очевидно, что его тогда еще не было вовсе въ торговомъ оборотѣ [2]).

Есть несомнѣнныя и письменныя данныя, показывающія, что Норманы вообще гораздо раньше и несравненно лучше знали сѣверную Русь, чѣмъ южную. Такъ, скандинавскія саги прекрасно знаютъ Новгородъ—«Гольмгардъ» [3]) или «Острогардъ», знаютъ Ростовъ и Муромъ,

---

1) См. M. Reinaud „Géographie d' Aboulféda", t. I, Paris, 1848 г.; изъ русскихъ—указаніе см., наприм., въ упом. ст. Вестберга „Ж. М. Н. Пр." 1908 г. февр. кн., 379 стр.

2) Мы не останавливаемся подробнѣе на извѣстіяхъ арабскихъ писателей, такъ какъ они нерѣдко довольно сбивчивы и еще чаще темны, и потому ими пользуются съ одинаковымъ почти успѣхомъ какъ норманисты, такъ и антинорманисты. Любопытно при этомъ, что свѣдѣнія, явно противъ норманистовъ направленныя,—какъ заявленіе писателя IX—начала X в. в. Ибнъ-Хордадбега, что Русь—это одно изъ племенъ славянскихъ,—даже такой въ высокой степени серьезный и добросовѣстный норманистъ, какъ В. Г. Васильевскій, въ угоду своей теоріи, считаетъ просто ошибкой—ни больше, ни меньше (см. въ 9 вып. „Зап. Археогр. Ком." 1893 г. отд. 2, стр. 129).

3) К. Тіандеръ толкуетъ это названіе въ смыслѣ Холмогоръ (см. его „Поѣздки Скандинавовъ въ Бѣлое море," СПБ,

имѣютъ свѣдѣнія о Константинополѣ—«Миклогардѣ» [1]), но не знаютъ очень долго Кіева, да и въ позднее время обнаруживаютъ смутныя и сбивчивыя о немъ представленія. Вообще о Кіевѣ и южной Руси у Скандинавовъ и ихъ сосѣдей—сѣверныхъ Германцевъ долго—и въ XI в.—были неясныя, сбивчивыя представленія [2]).

1906 г., стр. 419—426); но тогда совершенно непонятной былабы встрѣча Гаукомъ Норвежскимъ грека на ярмаркѣ здѣсь, такъ далеко, въ началѣ второй четверти X вѣка (см. тамъ-же у него стр. 427), да и непонятны были-бы и другія извѣстія сагъ, явно указывающія именемъ „Гольмгардъ" на Новгородъ; поэтому неубѣдительными оказываются и доводы В. Г. Ляскоронскаго, пытавшагося „Гольмгардъ" истолковать въ смыслѣ Вышгорода,—см. его ст. въ „Ж. М. Н. Пр." 1913 г. апр., майск. и сл. кн.,—срв. напр. ниже приводимую „Эймундову сагу".

1) Львовскій проф. A. Szelagowski въ своей интересной работѣ—„Najstarsze drogi z Polski na Wschód w okresie bizantynsko-arabskim", Krakow, 1909 г.,—много сдѣлавшій для разрушенія стараго научнаго предразсудка о существованіи „пути изъ Варягъ въ Греки" въ IX—X в. в., все-же отдаетъ дань норманской теоріи, допуская движеніе Норманновъ на югъ—въ Византію путемъ Волжско-Азовско-Черноморскимъ. Однако это предположеніе ни на чемъ прочномъ не основано, лишь догадка; нѣкоторое же знакомство Скандинавовъ съ Византіей возможно было и—по наслышкѣ, и другими путями—чрезъ Средиземное море; если, можетъ быть, и попадали Скандинавы въ Черное море и Византію и черезъ Волгу и Азовское море, то это были единицы, такъ какъ торговые пути здѣшніе и торговля по нимъ въ это время была въ рукахъ Арабовъ и затѣмъ самихъ Болгаръ и Хазаръ—они тутъ были господа положенія, но ни въ какомъ случаѣ не Норманы.

2) См. въ уп. работѣ проф. А. Шеленговскаго "Najstarsze drogi", стр. 92—95 по преимуществу; такъ, напримѣръ, даже такой сравнительно поздній писатель, какъ Адамъ Бременскій—2 половины XI вѣка—называетъ Кіевъ украшеніемъ Греціи (а не Руси),—очевидно, въ силу давнихъ на сѣверѣ слуховъ о господствѣ на югѣ Руси чуждаго Норманамъ греческаго вліянія и плохой освѣдомленности тамъ объ южной Руси, каковую и

Въ этомъ отношеніи любопытна, напримѣръ, Эймундова сага («Eymundar Saga »), повѣствующая о подвигахъ Норманновъ въ Россіи въ первой половинѣ XI вѣка и, повидимому, около этого-же времени и сложенная [1]). Независимо отъ того, насколько вѣрно и точно она передаетъ русскія историческія событія того времени, она очень интересна, какъ показатель, между прочимъ, географическихъ знаній Скандинавовъ о Россіи.

Судя по этой сагѣ, Скандинавы хорошо знали Новгородъ—«Гольмгардъ», считали его съ его областью самой важной частью «Гардарика»—Руси и предполагали, что обладаніе Новгородомъ давало въ то время право на великокняжескій столъ Руси [2]); между тѣмъ о Кіевѣ и его области сага обнаруживаетъ самыя темныя и сбивчивыя свѣдѣнія, зоветъ его два раза «Кенугардомъ», но совершенно не показываетъ своего знанія о томъ, гдѣ именно онъ находится, на какой рѣкѣ, въ какой мѣстности, и не знаетъ о его важнѣйшемъ и господствующемъ значеніи въ то время на Руси [3]). Характерно также для уясненія географическихъ познаній Скандинавовъ того времени о Руси и сосѣднихъ съ нею странахъ и то, что сага,—очевидно, совершенно не освѣдомленная о южной Руси и хорошо знающая лишь сѣверъ ея,—представляетъ, что Святополкъ Владиміровичъ во время борьбы съ братомъ Ярославомъ укрывался на жительство зимою... въ Біармію. Послѣднее весьма характерно для скандинавскихъ представленій того времени о Руси; оно ясно говоритъ, ка-

вообще обнаруживаетъ этотъ писатель. Срв. нѣкоторыя данныя у Станислава Рожнецкаго въ ст. „Изъ исторіи Кіева и Днѣпра въ былевомъ эпосѣ"—„Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н." 1911г., т. XVI, кн. I, стр. 29—30, 60 и др.

[1]) Она приведена въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ О. И. Сенковскимъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1834 г., т. 2, отд. 3.

[2]) ibidem, стр. 44, 45.

[3]) ibidem, стр. 14, 15, 20, 28, 33, 38, 44 и др.

кую Русь—сосѣдку сѣверной Біарміи хорошо знали Скандинавы, съ какой именно Русью они имѣли давнія связи и какъ плохо они знали южную Русь и въ XI вѣкѣ, не говоря уже о IX—X вѣкахъ.

Книга К. Ѳ. Тіандера «Поѣздки Скандинавовъ въ Бѣлое море» (СПБ, 1906 г.) содержитъ въ себѣ много матеріала, заимствованнаго изъ первоисточниковъ—исландскихъ сагъ и исторіи Саксона Грамматика и указывающаго, куда на востокъ, сѣверо-востокъ и юго-востокъ отъ Скандинавіи было обращено вниманіе Норманновъ въ эпоху X вѣка и нѣсколько ранѣе. Оказывается, какъ и изъ Эймундовой саги, что это—сѣверный Біармаландъ и сосѣдящія съ нимъ сѣверныя области Руси—Ладога, Новгородъ, Суздаль и т. п. [1]); при этомъ югъ Руси—Полнѣпровье ни разу ничѣмъ не связывается въ этихъ сказаніяхъ съ указанными мѣстами.

Вотъ новое доказательство того, что югъ Руси долгое время невѣдомъ былъ Норманамъ и связи его съ ними развились очень ужъ поздно и въ слабой степени; иначе Скандинавы въ своихъ сагахъ и сказаніяхъ больше вниманія удѣлили-бы заманчивому, далекому и странному для нихъ югу и во всякомъ случаѣ лучше-бы его знали.

Любопытно также, что древніе Норманы—той—же эпохи—знали такихъ два пути въ Святую Землю: сухопутный черезъ Германію и Венгрію къ Венеціи или Константинополю и дальше и морской—черезъ Гибралтарскій проливъ и Средиземное море [2]). Это направленіе норманскихъ путей въ Святую Землю явно говоритъ о незнаніи Норманами долгое время пути балтійско-днѣпровскаго, который естественно велъ бы ихъ черезъ Константинополь въ Святую Землю, не заставляя искать путей менѣе удобныхъ и болѣе далекихъ.

---

[1]) О сѣверной Руси см. стр. 284—285, 337, 339—340, 426—427, 429, 431, 432.

[2]) См. въ той-же книгѣ Тіандера стр. 253 и 254.

Это явное незнаніе долгое время Скандинавами южной Руси и смутныя и позже о ней представленія ясно говорятъ объ отсутствіи непосредственныхъ торговыхъ и иныхъ между Скандинавіей и Кіевской Руси связей, которыя, конечно, и не могли существовать, разъ не было еще балтійско-днѣпровскаго пути «изъ Варягъ въ Греки», и, наоборотъ, были-бы непремѣнно и дали-бы осязательные результаты, если-бы этотъ путь уже въ IX—X в.в. вошелъ въ полный свой оборотъ и особенно, если-бы Скандинавы имъ уже прошли въ VIII в. на югъ и тамъ оставили своихъ поселенцевъ.

Заслуживаетъ также вниманія то обстоятельство, что о Хазарахъ, такъ тѣсно связанныхъ въ эпоху VIII—X в.в. съ жизнью южной Руси, саги вовсе не упоминаютъ—очевидно вслѣдствіе полнаго своего о нихъ незнанія [1]), а знать Кіевскую и Тмутараканскую Русь и не знать Хазаръ въ то время было невозможно.

Обыкновенныя географическія наблюденія также убѣждаютъ въ естественности и необходимости болѣе ранняго знакомства и большемъ удобствѣ для торговаго пользованія Норманновъ и Новгородскихъ Славянъ пути именно волжскаго, а не днѣпровскаго. Связь Ладожскаго озера—черезъ Сясь и Тихвинку—съ Волгой—черезъ Чагодощу и Мологу, также связь Волхова и Ильменя—черезъ Мсту—съ Волгой—черезъ Тверцу—такъ непосредственно замѣтна и сразу бросается въ глаза, что, конечно, въ тѣ времена легче, удобнѣе и скорѣе можно было использовать именно балтійско-волжскій путь, а не балтійско-днѣпровскій—при сравнительной отдаленности верховьевъ Днѣпра отъ Ловати и особенно

1) См. показанія спеціалистовъ—проф. Ѳ. А. Брауна и К. Ѳ. Тіандера, приведенныя въ ст. В. И. Ламанскаго „Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ", см. въ части, помѣщ. въ майск. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1903 г., стр. 151—152.

отъ Мсты и надобности пользоваться въ данномъ случаѣ посредствомъ системы Западной Двины или Волги. Послѣдній путь, по естественному ходу вещей, долженъ былъ быть узнанъ позже—тѣмъ болѣе, что на Волгѣ сидѣли торговые и предпріимчивые Болгары, сами вызывавшіе другія племена на сношенія, а на Днѣпрѣ—въ верховьяхъ его—жило въ VIII—X вв. получужое малокультурное польское племя Радимичей, неспособное къ широкой торговой дѣятельности, свойственной Болгарамъ, и закрывавшее Кіевъ отъ Новгорода [1]).

Въ пользу преимущественнаго развитія въ ту пору—VIII—IX вв.—пути волжскаго предъ днѣпровскимъ говоритъ и общій характеръ тогдашнихъ міровыхъ культурно-экономическихъ сношеній. VIII вѣкъ. вѣкъ утвержденія въ Багдадѣ халифовъ Абассидовъ, принесъ особое развитіе индустріи и торговли Арабовъ; въ это время арабскіе купцы появляются на Каспійскомъ морѣ и Волгѣ, вслѣдствіе чего Волга естественно получаетъ особое культурно-промышленное значеніе, какъ путь, ведшій Арабовъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы. Между тѣмъ Днѣпръ не могъ въ то время соперничать съ Волгой уже хотя-бы потому, что Византія, изъ которой онъ велъ на сѣверъ, еще въ VII вѣкѣ была унижена и ослаблена въ политическомъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ культурно-экономическомъ и въ состояніи упадка пребывала до X вѣка. Слѣдовательно, къ далекому Днѣпру незачѣмъ было и прорываться въ это время Снандинавамъ,—онъ ихъ не могъ прельщать, —между тѣмъ какъ Волга въ интересующую насъ эпоху VIII—X вѣковъ достигла наивысшаго своего процвѣтанія и мірового значенія. X вѣкъ принесъ паденіе Багдадскаго халифата и

---

1) См. въ ст. А. А. Шахматова „Древнія ляшскія поселенія въ Россіи“—журн. „Славянство“ 1911 г. №№ 4—6.

возвышеніе Византіи—сообразно съ этимъ измѣненіемъ міровыхъ культурно-экономическихъ центровъ въ это время падаетъ значеніе Волги и естественно возвышается Днѣпръ, вмѣстѣ съ нимъ развивается Кіевъ и потому въ X—XI вв. узнается и используется днѣпровско-балтійскій путь «изъ Варягъ въ Греки» [1]). Жизнь Руси естественно шла въ связи съ ходомъ общеміровой жизни того времени.

Въ итогѣ ряда нашихъ справокъ обнаруживается, что въ VIII—X в. в. Скандинавскіе Норманы могли имѣть нѣкоторое политическо—культурное вліяніе на жизнь русскихъ Славянъ лишь на сѣверѣ—въ Новгородской области и Верхнемъ Поволожьѣ; русскій—же югъ—Приднѣпровье и другія прилегающія мѣста, стоя ближе къ Византіи и Хазарамъ и испытывая вліяніе отсюда, жили отъ норманско—новгородскаго сѣвера жизнью совершенно обособленной до X в.

Мысль эту по существу вы найдете и въ нашей лѣтописи, указывающей на двѣ группы русско-славянскихъ племенъ и на два разныхъ на нихъ вліянія: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на В(е)сѣхъ, и на Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ» [2]). Въ связь съ этимъ должно поставить и такія выразительныя слова лѣтописца: «И отъ тѣхъ Варягъ... суть Новгородстіи людіе до днешняго дне отъ рода Варяжьска», «Новъгородстии суть людіе отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни» [3]). Эта связь съ Норманами именно Новгородскаго племени и вообще сѣверно-русскихъ Сла-

1) См. напр. нѣкоторыя данныя въ упом. работахъ Шеленговскаго, Довнаръ-Запольскаго и др.

2) См. „Лѣтопись къ Лаврентьевскому списку", изд. „Археограф. Комиссіи", СПБ., 1872 г., стр. 18.

3) Ibidem, стр. 19, срв. въ „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 299—307, 395—396 и др.

вянъ,—и только ихъ, а не южно-днѣпровскихъ,—замѣтно проявляется впослѣдствіи и на безпокойномъ, ищущемъ приключеній, подобно Норманамъ, классѣ Новгородскихъ повольниковъ [1]).

Въ противоположность этой, извѣстной лѣтописцу, норманизаціи Новгородской области, южная Русь, не получившая никакого наслѣдія отъ Норманновъ и не знавшая никакого воздѣйствія съ ихъ стороны, сохраняетъ за собою особое, очевидно—спеціально мѣстное названіе «Руси». Тоже въ данномъ случаѣ очень характерно, что именно южная Русь, далекая отъ Норманновъ, не имѣвшая съ ними давнихъ близкихъ связей, издавна удерживаетъ за собою имя «Руси». Это названіе за Кіевомъ и Полянскимъ Поднѣпровьемъ лѣтописецъ употребляетъ неоднократно, противополагая ему разныя названія другихъ мѣстъ Русской земли. Особенно характерно у лѣтописца при разсказѣ о событіяхъ половины XII в.—о взаимныхъ отношеніяхъ Изяслава и Ростислава Мстиславичей—явное противопоставленіе «Рускыи землѣ»—Кіевскаго Поднѣпровья—сѣверной Руси, которую онъ въ данномъ случаѣ называетъ «верьхними землями» и землями «Варягъ»[2]).

Такъ прочна была, очевидно, эта терминологія, ведущая, по всей видимости, свое происхожденіе отъ глубокой древности, которой было извѣстно о происхожденіи этой обособленности двухъ главныхъ волостей Руси—Варяжско-Новгородской и собственно русской—Кіевской, рано—еще въ VII—VIII в. в. разорванныхъ другъ отъ друга

1) См., напримѣръ, данныя у проф. С. А. Корфа—„Исторія русской государственности", СПБ, 1908 г., стр. 61—62; однако они не наводятъ автора на подобныя соображенія.

2) См. въ „Ипатьевской лѣтописи" подъ 1148—6656 г. во 2 т. „Полн. собр. лѣтописей", СПБ., 1843 г., стр. 39; см. также и другія данныя, сгруппированныя М. С. Грушевскимъ въ „Кіевской Руси", т. 1, СПБ., 1911 г., стр. 227—230.

промежуточными племенами [1]). Эта давняя обособленность и изолированность въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Кіевской и Новгородской Руси или, по древней терминологіи, «Руси» и «Словѣнъ», въ связи съ испытывавшимися ими различными культурными вліяніями и особенностями характера первоначальной княжеской власти у тѣхъ и другихъ, и создали то громадное различіе политической жизни, какимъ затѣмъ отличались Кіевъ и его земля отъ Новгорода [2]), а также и особность этнографическо-лингвистическую.

---

1) О причинахъ этой разъединенности см. подробнѣе ниже въ гл. V и XII. Колонизацію Славянами Новгородской области мы склонны отнесть къ эпохѣ ранней—къ столѣтію VII—VIII: недаромъ въ IX в. здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, складывается уже государство, живущее совершенно изолированно отъ Кіева нѣкоторое время,—очевидно, эти два племени Руси упрочились на своихъ мѣстахъ и обособились значительно раньше этого IX в.; да и лѣтописецъ ничего не помнитъ о колонизаціи Новгорода Славянами—очевидно, какъ о явленіи очень раннемъ,—ему извѣстно лишь обратное частичное движеніе славяно-руссовъ съ сѣвера на югъ, бывшее на рубежѣ IX—X вв.; поэтому мы не принимаемъ мнѣнія А. А. Шахматова, относящаго колонизацію русскими Славянами Новгородскаго сѣвера къ IX в. (см. напр. его ст. въ журн. „Славянство“ 1911 г. №№ 4—6).

2) Особенно поддерживаютъ это различіе Костомаровъ, Кавелинъ, Самоквасовъ, Иловайскій и др.; объ особенностяхъ и отличіи княжеской власти въ Кіевѣ и Новгородѣ см. ниже въ главѣ XII и др.

V.

Какъ мы видѣли, есть основанія полагать, что древняя Русь или русско-славянскія племена въ VIII в.—началѣ IX представляли собою двѣ главныхъ или основныхъ группы: группу племенъ сѣверныхъ, испытывавшихъ на себя культурно-политическое вліяніе скандинавско-болгарское, т. е. съ одной стороны нѣкоторое воздѣйствіе безпокойныхъ и малокультурныхъ Скандинавскихъ Норманновъ, а съ другой—болѣе сильное—культурное воздѣйствіе далекаго мусульманскго Востока чрезъ посредство Камскихъ Болгаръ; другая—группа племенъ южныхъ находилась подъ вліяніемъ Византіи, при посредствѣ передатчиковъ—Херсонеса и другихъ греческихъ колоній [1]), и больше всего—Хазаръ, сосѣдей самыхъ близкихъ.

Историческія обстоятельства—прежде всего передвиженія кочевыхъ племенъ по южно-русскимъ степямъ—сложились такъ, что около начала IX вѣка (приблизительно) эти южно-русскія племена раскололись на двѣ группы въ свою очередь. Вслѣдствіе этого въ IX вѣкѣ мы имѣемъ въ наличности уже три главныхъ центра русско-славянскихъ племенъ: на сѣверѣ—Новгородъ на Волховѣ, на югѣ или юго-западѣ—Кіевъ въ Приднѣпровьѣ у Полянъ и въ далекомъ юго-восточномъ углу—на сѣверномъ Кавказѣ—отрѣзанная къ этому времени надолго затѣмъ отъ остального славянства Тмутаракань [2]).

---

1) См., наприм., въ кн. „Русскіе клады" академика Кондакова, т. I, СПБ., 1906 г., стр. 33, также срав. 34 и др.

2) Связи Тмутаракани съ Кіевомъ въ X—XII в. в. носятъ случайный, такъ сказать, отрывочный, непрочный характеръ.

Кромѣ ряда историческихъ фактовъ, съ которыми еще придется встрѣтиться, подобнаго рода мысль проводятъ арабско-мусульманскіе писатели того времени—Джейхани, Истахри, Ибнъ-Хаукаль, Балхи и др. Они—болѣе или менѣе согласно—указываютъ, что Руссы дѣлились въ ихъ время (IX—X вв.) на три главныхъ племени: одно—поближе къ Болгарамъ (разумѣется Дунайскимъ[1]), «царь» его живетъ въ торговомъ городѣ «Куява» или «Куябахъ», иначе «Куяне»; другое—«самое далекое» отъ мусульманскаго Востока, ведущее по преимуществу торговлю съ Камскими Болгарами,—называется «Славія» или «Селавіяхъ», иначе «Селябе»; третье—«Артанія» или «Артаніахъ»—живетъ въ «лѣсахъ и камышахъ на окружающемъ морѣ»,его столица—«Урта» или «Арба», еще иначе—«Уртабъ»,—она «находится между Хазаромъ и великимъ Булгаромъ» и вообще недалеко отъ «Рума» (Византійскаго государства); племя это ведетъ торговлю съ Византіей, Хазарами и Болгарами [2]). Принято обычно (и норманистами) подъ первымъ племенемъ разумѣть Русь Кіевскую, подъ вторымъ—Новгородскихъ Славянъ [3]), —наибольше разногласій вызываетъ опредѣленіе третьяго племени.

Тутъ нѣсколько неожиданной является попытка

---

1) Которые въ началѣ IX в. совершали походы къ низовьямъ Днѣпра—см. въ X т. „Изв. Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ", Софія, 1905 г. стр. 213—214.

2) См. въ упом. кн. Гаркави „Сказанія мусульман. писат." —стр. 193, 197 и сл., 276—277; приведены также въ уп. ст.Вестберга—„Ж. М. Н. Пр." 1908 г. февр. и март. кн., также см. „Начало Русскаго государства"—три чтенія датскаго проф. Вильгельма Томсена—"Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.", Москва, 1891 г., кн. I; см. также въ упом. ст. А. Туманскаго въ X т. „Записокъ Восточнаго Отд. Имп. Русск. Археолог. Общества", СПБ, 1897 г., стр. 136, и др.

3) Ibidem—у Томсена, Вестберга, Гаркави и др.

искать это третье племя среди чуждыхъ Славянамъ финскихъ племенъ [1]), но еще удивительнѣе стремленіе приложить указанныя свойства страны третьяго племени Руссовъ къ далекой Скандинавіи [2]): скорѣе и естествен-

---

1) Вслѣдъ за Френомъ—Гаркави, Томсенъ, также Д. Щегловъ—см. его большую ст. „Первыя страницы Русской исторіи"—„Ж. М. Н. Пр." 1876 г. кн. апр., майск., іюн., и др.

2) Эту мысль пытается обосновать въ недавнее время норманистъ проф. Фр. Ѳ. Вестбергъ—въ упомин. ст. „Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ"—„Ж. М. Н. Пр." 1908 г. февр. и март. кн. Позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на способахъ пользованія арабскими источниками о Руси и Славянахъ, какіе употребляетъ этотъ почтенный ученый норманистъ для утвержденія при помощи этихъ источниковъ своей теоріи:

а) Встрѣчая у Іоссипона подъ рядъ двѣ такихъ фразы: „Тирасъ это Руси и Саксини и Англиси, живущіе по великому морю" и затѣмъ—„Руси живутъ по рѣкѣ Кира (Кура), текущей въ море Гурганъ (т. е. Каспійское)",—примиряетъ это противорѣчіе ужъ очень просто: вторая фраза „находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ предыдущимъ свидѣтельствомъ и потому врядъ-ли принадлежитъ перу Іоссипона" (февр. кн., стр. 377),—а почему бы не наоборотъ?

б) На стр. 377 той-же февр. кн. авторъ готовъ допустить, въ угоду норманской теоріи, что и нѣмцы, и венгры, и печенѣги „говорятъ по славянски, вслѣдствіе ихъ смѣшенія съ ними".

в) У Ибрагима Инб-Якуба есть два такихъ противорѣчивыхъ указанія: „И граничать съ Мшкою (княземъ Польскимъ) на востокѣ русы и на сѣверѣ брусы" и дальше—„и производятъ на нихъ (брусовъ) набѣги русы на корабляхъ съ запада". Гдѣ-же въ концѣ концовъ живутъ Руссы—на востокъ отъ Польши или на западъ отъ Пруссовъ? Не останавливаясь надъ рѣшеніемъ этого вопроса, г. Вестбергъ принимаетъ во вниманіе для своихъ догадокъ лишь второе показаніе, совершенно игнорируя первое (ibidem, стр. 377—8).

г) На стр. 281 той-же книжки г. Вестбергъ, не имѣя возможности отрицать явное указаніе Арабовъ на Черное море,

нѣе всего они могутъ быть отнесены къ Руси Тмутараканско-Азовской. Именно эта Русь обитала близъ моря, неподалеку отъ предѣловъ Византійской имперіи, въ сосѣдствѣ съ Хазарами и Болгарами (ближе всего были Болгары Черные или Прикавказскіе), и вела торговлю по преимуществу съ Византіей, Хазарами и Болгарами; неудивительно, что у Руси, жившей вблизи Хазаръ или —скорѣе— среди нихъ, существовалъ, по свидѣтельству Арабовъ, и хазарскій титулъ у правителя —«хаканъ».

Эти арабскія извѣстія о трехъ племенахъ Руси находятъ себѣ соотвѣтствіе и въ другихъ данныхъ. Между прочимъ, любопытно, что арабское названіе третьяго племени Руси и ея города —«Арта» —живо напоминаетъ извѣстное древнее названіе славянскаго племени «Анты», при чемъ вмѣсто названія племени Анты—„Ἄνται“—въ од-

---

какъ море Русское, пытается доказать, что и Балтійское море тоже для нихъ Русское, какъ и Черное.

д) Когда нужно, г. Вестбергъ обращается съ лѣтописной хронологіей довольно легко, доказывая, напримѣръ, что Кіевъ покоренъ Норманами былъ въ началѣ 50 г. г. IX в. (март. кн., стр. 27—28): въ другой разъ онъ довѣряетъ той-же лѣтописной хронологіи съ точностью до одного года, когда, для большаго торжества норманской теоріи, ему хочется доказать, что описываемый Арабами походъ Руси на Востокъ около 969 г. былъ вовсе походъ не Святослава, а особой „норманской вольницы, подобно урагану пронесшейся по Камской Болгаріи и по Хазаріи“, а затѣмъ домой возвратившейся „чрезъ Средиземное море“. Это послѣднее утвержденіе особенно оригинально: какъ-же это проскользнула эта „норманская вольница“ мимо Константинополя по Босфору? Тоже и Византію „потрясла“, какъ Болгарію и Хазарію, или проскочила незамѣтно? И странно, что византійскіе хронисты X в. ничего не сообщаютъ о такой серьезной опасности, угрожавшей ихъ столицѣ отъ этого почти кругосвѣтнаго путешествія Норманновъ (см. март. кн., 3—7 стр.)...

ной византійской рукописи встрѣчается—„ἔθνος Ἀρτων“ [1]).

Къ тому же византійскіе писатели указываютъ мѣстожительство этого славянскаго племени—Антовъ въ VI—VII в.в. между нижнимъ Дунаемъ и Днѣпромъ и къ сѣверу отъ Азовскаго моря [2]); между тѣмъ Арабы въ началѣ IX в. называютъ одно изъ двухъ главныхъ славянскихъ племенъ созвучнымъ именемъ «Вантитъ» [3]). Созвучіе всѣхъ этихъ названій—Анты, Вантитъ, Арты, Арта, Артанія—слѣдуетъ поставить въ связь съ географической близостью мѣстожительства Антовъ въ VI—VII в. и мѣстонахожденія нашей Азовско-Тмутаканской Руси въ X—XI в.в. и, очевидно, и ранѣе, а также и предполагаемаго мѣста «Арты» и «Артаніи», поскольку о немъ можно судить на основаніи приведенныхъ выше указаній арабскихъ писателей.

е). Желая третье, выше названное племя Руси—„Артанія“ помѣстить въ Скандинавіи, г. Вестбергъ просто заявляетъ, что ему нѣтъ болѣе мѣста ни на сѣверѣ, ни на югѣ тогдашней Россіи, занятыхъ уже первымъ и вторымъ племенемъ (февр., 398 стр.). И какъ это авторъ забылъ, что русская земля и тогда, какъ и теперь, была „велика и обильна“, и племенъ въ ней помѣщалось много, а помѣститься могло и еще больше?!..,

Такъ порою не чуждъ бываетъ курьезовъ почтенный ученый норманистъ, забывая имъ-же самимъ высказанное правило, что „осторожно слѣдуетъ пользоваться источниками восточныхъ писателей, если не желаешь впасть въ безвыходныя затрудненія“ (фев. кн., стр. 399). Въ пользованіи арабскими писателями, по нашему разумѣнію, счастливѣе г. Вестберга, напримѣръ, М. С. Грушевскій, антинорманистъ, болѣе удачно пользующійся показаніями Арабовъ для своихъ цѣлей (см. уп. „Кіевскую Русь“ его, т. 1, также т. 1 „Історіи Украіни-Руси“).

1) Именно у Ѳеофилакта—приведено у L. Niederle „Slovanské starozitnosti“, т. 2, ч. 1, v Praze, 1906 г., стр. 222.

2) Ibidem, 222, 270 и др. стр.

3) Ibidem, 267—271 стр., срв. въ той-же кн. Niederle—въ той-же 1 ч. 2 т. стр. 146 и сл., 214—215, во 2 ч. 2 т., v Praze, 1910 г., стр. 291—292, 400—401.

Все это вмѣстѣ взятое уясняетъ намъ вопросъ о томъ, откуда явилась лѣтописная русско-славянская Тмутаракань конца X—XI в.в.; жители ея, очевидно, потомки Антовъ, славянскаго племени, поселившагося еще въ VI в. въ этихъ мѣстахъ и оттертыхъ затѣмъ отъ прочаго славянства въ приморскій сѣверно-кавказскій уголъ аварско-хазарскимъ и послѣдующими передвиженіями народовъ по степямъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Прижатые къ морю, Азовскіе Руссы, потомки Антовъ, въ IX в. стали той морской грозой, о которой повѣствуютъ современные Византійцы и Арабы, а въ XI в. получаютъ лѣтописную извѣстность подъ именемъ жителей Тмутараканскаго русско-славянскаго княжества.

Согласно съ духомъ нашихъ лѣтописныхъ извѣстій, наши ученые авторитеты, какъ, напримѣръ, академикъ А. А. Шахматовъ (въ прежнее время), обычно признавали въ IX в. двѣ основныхъ политическихъ группы русскихъ Славянъ: южную изъ южно-русскихъ и средне-русскихъ племенъ, попавшую въ сферу хазарскаго вліянія или «вошедшую въ политическій союзъ, образованный Хазарскимъ царствомъ», и затѣмъ—сѣверно-новгородско-норманскую [1]). Что-же касается Руси Тмутараканской, то она, связанная и происхожденіемъ, и политически съ союзомъ южно-русско-хазарскимъ, представлялась въ IX—X в.в. арабскимъ писателямъ третьимъ обособленнымъ русскимъ племенемъ и въ ту пору дѣйствительно сдѣлалась таковымъ вслѣдствіе отмѣченнаго уже обстоятельства—вынужденной въ это время исторической изолированности—оторванности отъ прочихъ русскихъ племенъ своего союза. Такъ изъ двухъ первоначальныхъ племенъ затѣмъ образовалось три русскихъ племени.

1). См., напр. въ ст. Шахматова „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“ апр. кн. „Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г.

Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ этимъ наблюденія надъ данными археологическихъ раскопокъ говорятъ скорѣе какъ будто въ пользу трехъ главныхъ группъ русскихъ племенъ: обособляютъ въ первую группу—сѣверную—Новгородцевъ и Кривичей, во вторую—южную—Дреговичей, Древлянъ и Полянъ, въ третью—Бужанъ, Сѣверянъ и Радимичей [1]).

Это дѣленіе однако стоитъ до нѣкоторой степени въ противорѣчіи съ данными лѣтописи о политическомъ южнорусско-хазарскомъ союзѣ, куда вмѣстѣ входили—и Поляне, и Сѣверяне, а также не соотвѣтствуетъ вполнѣ и лингвистическимъ изысканіямъ. Впрочемъ, и съ точки зрѣнія археологическихъ находокъ давней поры «можно вполнѣ допустить, что основа культуры Сѣверянъ и Радимичей», принимаемыхъ за сходныя и сосѣднія племена, «одинакова съ Кіево-волынской группой», но лишь «многое въ ней уже обособлено» [2])...

Если съ точки зрѣнія археологическихъ находокъ трудно пока совершенно точно и опредѣленно разграничить древнюю Русь на три главныхъ племени, отмѣченныхъ арабскими писателями IX—X в. в., то это разграниченіе трехъ древне-русскихъ племенъ уясняется нынѣ вполнѣ исторически и лингвистически. Прославленный изслѣдователь русскихъ лѣтописей и знатокъ исторіи русскаго языка—академикъ А. А. Шахматовъ на основаніи лингвистическихъ изысканій нынѣ пришелъ къ убѣжденію въ существованіи трехъ издревле существующихъ русскихъ племенъ и ихъ нарѣчій—южнаго, сѣвернаго и восточнаго[3]), что соотвѣтствуетъ Руси Кіевской, Новгородской и Тмутараканской, въ IX—X вв. жившихъ

[1]). См. въ уп. ст. Спицына „Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ“ „Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г. авг. кн.

[2]) Ibidem, см. стр. 333, сравн. 331—332.

[3]) См. напр. его ст. „Древнія ляшскія поселенія въ Россіи“ въ журналѣ „Славянство“ 1911 г. №№ 4—6.

исторически обособленной жизнью. Обособленность Руси юго-восточной—Тмутараканской, вызванная движеніемъ по южнорусскимъ степямъ кочевниковъ, извѣстна; стѣсненные здѣсь, восточноруссы двинулись къ Окѣ и дальше [1]). Что касается обособленности Руси Кіевской отъ Новгородской, то съ фактами, указывающими на нее, мы еще встрѣтимся; для насъ важно тутъ то обстоятельство, что изслѣдованія академика Шахматова уясняютъ причину, вызвавшую такое обособленіе,—именно польскую колонизацію верхняго Поднѣпровья и сосѣднихъ мѣстъ въ VII—VIII вѣкахъ [2]).

---

1) Ibidem, также у него въ ст. „Южныя поселенія Вятичей" „Изв. И. Акад. Н". 1908 г. № 18 и отд. отт.

2) См. упом. ст. Шахматова въ ж. „Славянство" 1911 г. № 4—6; см. нашу ст. „Три центра древнѣйшей Руси" въ печатающемся 1 № за 1913 г. „Изв. Отд. русск. яз и слов. И. Акад. Н."

VI.

Въ исторіи начальнаго христіанства Руси свое вниманіе намъ приходится прежде всего остановить на третьемъ племени Руси—«Артаніахъ», или Руси Тмутараканско-Азовской. Хотя эта Русь, согласно показаніямъ арабскихъ и византійскихъ писателей—современниковъ, отличалась особой воинственностью, жестокостью и кровожадностью,—однако ей именно, вслѣдствіе географической близости къ культурнымъ народамъ—Византіи и Хазарамъ и частыхъ военно-политическихъ столкновеній, суждено было прежде другихъ единоплеменниковъ столкнуться съ христіанами и познакомиться съ христіанствомъ [1]). Вообще, повидимому, предѣлы Пріазовской Руси были мѣстомъ довольно ранняго проникновенія сюда какъ христіанскаго, такъ и еврейскаго вліяній [2]).

Извѣстные уже намъ случаи набѣговъ Руси на Сурожъ, Амастриду и Константинополь [3]) естественнѣе и исторически и географически сообразнѣе всего отнесть къ этой именно приморской Руси,

---

1) Весьма вѣроятна тутъ доля и культурно-христіанскаго вліянія Иверіи; жаль, что еп. Киріонъ въ своей книгѣ „Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси“ (Тифлисъ, 1910 г.) не остановилъ своего вниманія на связи Тмутаракани съ Иверіей (срв. стр. 3, 236, 240),—это былъ—бы для него лучшій путь для возможнаго научнаго подкрѣпленія его тезисовъ (срв. отзывъ С. А. Аваліани „Ж. М. Н. Пр.“ 1912 г., сент. кн).

2) На это отчасти указываютъ археологическія находки на Таманскомъ полуостровѣ—см. изсл. К. Герца „Археолог. топографія Таманск. полуострова“, Москва, 1870 г., стр. 98--100, и др.

3) См. выше—гл. II.

представителямъ которой только и можно было достигнуть такой виртуозности въ морскомъ дѣлѣ, пріобрѣсть такую извѣстность на Черномъ морѣ и чувствовать здѣсь себя господиномъ положенія. Даже Днѣпровской Руси, все-же несомнѣнно удаленной отъ Чернаго моря и отдѣленной отъ него такими преградами, какъ населенныя кочевниками степи и днѣпровскіе пороги, такая роль была совсѣмъ не по плечу—особенно въ раннюю пору начала IX в. [1]),—о племенахъ-же болѣе сѣверныхъ и говорить нечего.

Около 860 г., времени извѣстнаго похода Руси на Царьградъ и появленія «русской» епархіи, мы можемъ отмѣтить интересный фактъ въ исторіи христіанизаціи Руси южно-приморской. Въ это приблизительно время св. Константинъ-Кириллъ,—впослѣдствіи такъ много сдѣлавшій для всего славянства своимъ созданіемъ (или реформированіемъ) славянской азбуки и переводомъ священно-богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ,—былъ посланъ изъ Византіи съ религіозной миссіей къ Хазарамъ. Во время этой миссіонерской поѣздки св. Константинъ не могъ не столкнуться съ Тмутараканскими Руссами, ибо онъ шелъ, между прочимъ, дорогою «Козарьскою на меотьское озеро и Капійскаа врата Кьявканскіихъ горъ». И дѣйствительно, житіе Константина повѣствуетъ, что онъ «Херсона дошьдь... и обрѣт же тоу евангелие и псалътырь роушькыми писмены пьсано. и человѣка обрѣть глаголюшта тою бесѣдою, и бесѣдовавь съ нимъ, и силоу рѣчи пріемь, своеи бесѣдѣ прикладае различіи

[1]) Какъ указывалось, въ это именно время здѣсь, на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря и на нижнемъ теченіи Днѣпра, т. е. на пути изъ Кіева къ Черному морю была, между прочимъ, сфера вліянія Дунайской Болгаріи—см. указаніе въ X т. „Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ", Софія, 1905 г., стр. 213, 214.

писмень, гласнаа и съгласнаа, и къ богоу молитвоу дрьже, и вьскорѣ начеть чисти и сказовати».

Итакъ, въ данномъ отрывкѣ [1]) «Паннонскихъ житій» свв. Кирилла и Меѳодія мы имѣемъ чрезвычайно цѣнное показаніе о нашей Тмутараканской Руси: мы лишній разъ убѣждаемся въ существованіи христіанъ въ средѣ этой именно, близкой къ Херсонесу, Руси, въ общеніи св. Константина съ ея представителями и, наконецъ, въ существованіи у нихъ евангелія и псалтири на своемъ родномъ языкѣ.

Послѣднее обстоятельство вызвало особенно много разногласій при рѣшеніи вопроса о томъ, на какомъ-же языкѣ были написаны евангеліе и псалтирь, найденные Константиномъ въ Херсонесѣ у «русина». Въ послѣднее время больше всего старались подъ русскимъ языкомъ этихъ священныхъ книгъ разумѣть языкъ готскій—въ связи съ процвѣтаніемъ у насъ одно время теоріи о гот-

---

1) Это мѣсто не разъ подвергалось со стороны ученыхъ сомнѣнію относительно подлинности его,—считали его позднѣйшей вставкой; однако рядъ солидныхъ ученыхъ признаютъ его подлинность—напр., В. Г. Васильевскій (въ упом. ст. о житіяхъ Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго,—см. въ „Лѣтописи занятій Археограф. Комиссіи", вып. 9, СПБ., 1893 г., 295 стр.), Ф. К. Брунъ (въ ст. „Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи" во 2 т. „Черноморья", Одесса, 1880 г.), В. И. Ламанскій (наприм., въ обширной ст. „Славянское житіе Св. Кирилла какъ религіозно—эпическое произведеніе и какъ историческій памятникъ"—особ. въ іюн. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1903 г.), Д. И. Иловайскій („Болгаре и Русь на азовскомъ поморьѣ„—„Ж. М. Н. Пр." 1875 г. кн. янв. и февр.), А. С. Будиловичъ (см. въ „Меѳодіевскомъ юбилейномъ Сборникѣ", изд. Варшавскимъ Университетомъ, Варшава, 1885 г., его ст. „Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія"—въ гл. 4, стр. 27 и др.), чешскій проф, Fr. Pastrnek („Dêjiny slovanskych apostolû Cyrilla a Methoda", v Praze, 1902 г., стр. 52—53) и—др.

скомъ происхожденіи Руси [1]).

Однако мы полагаемъ невозможнымъ принять въ данномъ случаѣ догадку о готскомъ переводѣ Св. Писанія: во-первыхъ, этого перевода,хорошо извѣстнаго съ IV вѣка, вовсе незачѣмъ было искать св. Константину въ Крыму, и онъ врядъ-ли могъ оказаться для св. Константина находкой необычной и неожиданной; во-вторыхъ, совершенно неожиданной и непонятной являлась-бы бесѣда въ такомъ случаѣ св. Константина съ русиномъ «тою бесѣдою», какою написаны св. книги, т. е. якобы на языкѣ готскомъ; въ-третьихъ, близость готскаго языка къ славянскому языку IX в. никѣмъ не доказана и потому по своей необоснованности непріемлема [2]), поэтому совершенно необъяснимо устанавливаемое житіемъ отношеніе данной находки св. книгъ на языкѣ «русина»,—еслибы это былъ готскій языкъ,—къ дѣлу славянской проповѣди, изобрѣтенія славянской азбуки и перевода Св. Писанія на славянскій языкъ св. Константиномъ [3]). Проще и естественнѣе объяснить данную находку-какъ первый, мало еще удачный, опытъ передачи евангелія и псалтири (именно этихъ, наиболѣе необходимыхъ для новоначальныхъ христіанъ, книгъ) на

[1]) Наприм., см. у Голубинскаго въ „Исторіи Русской Церкви“, I пол. I т., у И. И. Малышевскаго „Свв. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“ Кіевъ, 1886 г., и др.

[1]) См., напр., критико-библіографическую ст. проф. А. С. Будиловича въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1887 г. іюн. кн.

[2]) А. А. Спицынъ недавно высказалъ догадку, что подъ встрѣченнымъ св. Кирилломъ въ Херсонесѣ „русиномъ“ нужно разумѣть представителя аланской народности и священныя книги „русина“—считаетъ книгами, написанными на аланскомъ языкѣ (см. ст. “Историко-археологическія разысканія“—“Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г., янв. кн.), Однако это не больше, какъ догадка, вызванная увлеченіемъ автора данными археологическихъ находокъ (срв. “Кіевская Русь“ Грушевскаго т. 1, прим. 1 на 233 стр.), но не имѣющая для себя серьезныхъ основаній.

языкъ южно-приморской, близкой по мѣсту жительства къ Херсонесу, Руси, къ этому времени, какъ мы видѣли, уже успѣвшей нѣсколько христіанизоваться [1]). Это предположеніе о находкѣ св. Константиномъ въ Херсонесѣ перваго, не вполнѣ удачнаго, конечно, опыта передачи Св. Писанія на русско-славянскій языкъ стоитъ въ соотвѣтствіи съ принимаемымъ нынѣ въ наукѣ существованіемъ до св. Кирилла—Константина славянскихъ письменъ или, по крайней мѣрѣ, особыхъ несовершенныхъ знаковъ для письменнаго изображенія рѣчи [2]).

Вообще разсказъ Паннонскихъ житій о встрѣчѣ св. Кирилла съ «русиномъ» вполнѣ естественъ, гармонируетъ съ

---

1) Подобнаго рода мысль можно встрѣтить у Д. И. Иловайскаго въ уп. ст. „Болгаре и Русь на азовскомъ поморьѣ"—"Ж. М. Н. Пр." 1875 г., кн. янв. и февр.; въ февр. см. стр. 362, 353, 367,—но онъ принимаетъ тутъ письмена славянско-болгарскія; ближе къ нашей мысли—Н. А. Лавровскій и А. С. Будиловичъ,—см. статьи ихъ въ „Меѳодіевскомъ юбилейномъ Сборникѣ", изд. Варшавск. Университетомъ, Варшава, 1885 г,, ст. перваго—„Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи" (особенно стр. 13—14) и второго—„Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія" (преимущественно стр. 27—30).

2) Помимо указанія на это еще Черноризца Храбра о „чертахъ и рѣзяхъ" докирилловской славянской письменности, важное значеніе имѣютъ находимыя новыя документальныя данныя,—таковы, напр., неразгаданные фрагменты найденнаго недавно въ Болгаріи—въ Абобѣ письма вмѣстѣ съ обнаруженными тамъ-же многочисленными знаками на строительномъ матеріалѣ,—тѣ и другіе принадлежатъ эпохѣ VIII в., т. е. докирилловской,—см. „Матеріалы для болгарскихъ древностей. Абоба-Плиска"—X т. „Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ", Софія, 1905 г., см. особенно 8 гл., принадлежащую Ѳ. И. Успенскому, также 7 гл. К. В. Шкорпила; отзывы см. въ „Ж. М. Н. Пр.": окт. кн. 1907 г.—М. Г. Попруженко и янв. 1908 г.—Д. Шестакова; см. также ст. А. С. Петрушевича въ 1 кн. 1 т. Научно-Литературнаго Сборника, изд. „Галицко-Русской матицы" подъ ред. Дѣдицкаго, Львовъ, 1901 г.

другими данными о Руси и можетъ быть легко поставленъ въ связь съ имѣющимися свѣдѣніями о Руси Азовско-Тмутараканской.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ данныхъ [1]) приводитъ къ убѣжденію, что въ третьей четверти IX в. и во всякомъ случаѣ ранѣе самаго конца этого вѣка Азовско-Тмутараканская Русь была уже въ значительной степени христіанизована и именно при посредствѣ прежде всего Византіи [2]), при чемъ имѣла у себя и полученнаго оттуда епископа.

Теперь эта Русь,—по словамъ патріарха Фотія, «поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ [3]) и друзей» Византіи,—свои военные походы должна была перенесть отъ Византіи на другія страны и, дѣйствительно, переноситъ съ Чернаго моря—отъ владѣній византійскихъ на Востокъ—къ морю Каспійскому.

Есть извѣстіе о походѣ Руси на Табаристанъ—къ юго-западнымъ берегамъ Каспійскаго моря въ 60—80 гг. IX в. (между 864—884 гг. [4])

Оправившись отъ стѣснительнаго сосѣдства Угровъ,—сидѣвшихъ незадолго предъ концомъ IX в. близъ Азов-

---

[1]) Ихъ см. главн. образомъ выше—въ гл. II.

[2]) Имѣющіяся данныя говорятъ о воздѣйствіи въ данномъ случаѣ на Русь именно Византіи,—весьма вѣроятно содѣйствіе и Хазаръ; что же касается болѣе близкой по сравненію съ Византіей Иверіи, то участіе ея въ христіанизаціи Тмутараканской Руси—допустимо, но пока лишь, то чисто апріорнымъ соображеніямъ, а не на основаніи опредѣленныхъ данныхъ.

[3]) Сообразно византійскимъ понятіямъ, народъ, принимавшій изъ Византіи христіанство, eo ipso считался подвластнымъ блюстителю церкви—императору Византійскому.

[4]) См. въ кн. „Каспій" Б. Дорна—„О походахъ древнихъ русскихъ на Табаристанъ", СПБ, 1875 г., приложеніе къ 26 т. „Зап. Академіи Наукъ", стр. 5, 11, 28.

скаго моря и господствовавшихъ здѣсь надъ Славянами [1]), послѣ ихъ передвиженія въ 80 г.г. IX в. [2]) на Западъ, Тмутараканская Русь въ началѣ X в. предпринимаетъ рядъ новыхъ походовъ на Востокъ: таковы походы 909—910 гг. и 913—914 гг. [3]).

Послѣдній походъ, судя по описанію арабскаго писателя Масуди, могъ быть совершенъ только Азовско-Тмутараканской Русью—и никакой иной. Объ этомъ ясно говоритъ направленіе ея пути въ походѣ. Съ дозволенія Хазарскаго царя Русь вошла въ Азовское море, не иначе конечно, какъ съ юга, (т. е. очевидно, изъ Тмутаракани), по этому морю доѣхала до устья Дона, по Дону поплыла вверхъ, пока не достигла рѣки Хазаръ-Волги (т. е. пока не добралась до волока между Дономъ и Волгою въ мѣстѣ наибольшаго сближенія этихъ рѣкъ), затѣмъ по Волгѣ спустилась въ Каспійское море. Обратно домой она предприняла путешествіе тою-же дорогою. [4]) Кажется, совершенно ясно, что это походъ Руси южно-приморской. Иная Русь—Днѣпровская, напримѣръ, пробиралась-бы на Волгу другимъ путемъ—такимъ именно, какимъ шелъ князь Святославъ около 968 г.—черезъ Десну и Оку [5]); болѣе сѣверная Русь избрала-бы и болѣе сѣ-

---

1) См. данныя, напр., у Грушевскаго—„Кіевская Русь", т. 1, стр. 283 и др., срв. у А. А. Шахматова въ ст. „Сказаніе о преложеніи книгъ на словѣнскій языкъ"—„Zbornik u slavu V. Jagica", Berlin, 1908 г. стр. 172—188.

2) См. уп. ст. Шахматова, „Сказаніе о преложеніи книгъ"...

3) См., напр., въ уп. кн. „Каспій" стр. 5, 15—16, 28 и др.; также у Гаркави; по Вестбергу, послѣдній походъ могъ быть въ 910—911 г.г. или скорѣе произошелъ даже въ 925 г.—см. въ уп. ст. его въ „Ж. М. Н. Пр." 1908 г., февр. кн., 385—386 стр.

4) См. въ уп. кн. Гаркави „Сказанія мусульман. писателей", стр. 69, 78—79, 130—133, 156—158 и др.; также у Дорна и др.

5) Такъ выходитъ по лѣтописному тексту; А. А. Шахматовъ, впрочемъ, указываетъ иное направленіе похода Свято-

вѣрный путь; если бы это были Скандинавскіе Норманы, они спустились-бы просто по Волгѣ, начиная съ верховьевъ ея,—по пути давно извѣстному имъ.

Данный походъ однако оказался для Тмутараканской Руси роковымъ: на обратномъ пути изъ похода она потерпѣла тяжкое пораженіе и затѣмъ полное истребленіе войска отъ Хазаръ, Болгаръ и Буртасовъ [1]). Послѣ этого Черноморско-Азовская Русь видимо падаетъ, на продолжительное время затихаетъ и вступаетъ какъ-бы въ нѣкоторую зависимость отъ Кіева при князѣ Игорѣ [2]). Въ 943—944 гг. она однако еще разъ предпринимаетъ походъ на Табаристанъ [3]), но вскорѣ—при Святославѣ въ 960 гг., послѣ похода его на Ясовъ и Касоговъ, должно быть, подчиняется власти Кіева [4])—въ духѣ, конеч-

---

слава къ Волгѣ—черезъ Донъ (см. въ ст. „Южныя поселенія Вятичей" „Изв. И. Акад. Н". 1907 г. № 18), но во всякомъ случаѣ не черезъ Азовское море и устье Дона. Да и черезъ Донъ—удобно-ли было проходить тогда южными степями? Не съ сѣвера-ли онъ шелъ въ данномъ случаѣ—изъ Новгорода по Волгѣ.

1) У Гаркави 133 стр.

2) Что видно намъ будетъ изъ послѣдующаго расмотрѣнія договора Игоря съ Византіей—см. гл. XIII.

3) См. у Гаркави стр. 158, 208 и др., въ „Каспіѣ" стр. 123, 495, 512, 516, 519 и др. Въ данномъ случаѣ походъ предпринимала Русь именно Тмутараканская, а никакъ не Кіевская, такъ такъ въ это время Игорь Кіевскій занятъ былъ походомъ на Византію и заключеніемъ съ нею договора, а затѣмъ начался его новгородско-древлянскій походъ, о чемъ см. ниже—гл. XIII и XIV.

4) Впрочемъ, возможно допустить, что лишь Владиміръ Святой упрочилъ эту связь Тмутаракани съ Кіевомъ (см. у Ф. К. Бруна въ „Черноморьѣ", ч. I, Одесса, 1879 г., стр. 113).

но, тогдашняго подчиненія одной волости другой. Впрочемъ, въ началѣ XI в. при князѣ Мстиславѣ мы опять видимъ Тмутаракань сильной и славной [5]), хотя и ненадолго.

---

[5]) Та исключительная характеристика, какую лѣтопись усваиваетъ Мстиславу, явно выражая свое изумленіе предъ его личностью, невольно наводитъ на размышленіе: не былъ-ли Мстиславъ мѣстнымъ Тмутараканскимъ княземъ, не изъ семьи Владиміра Святого? Не поэтому ли Кіевляне не приняли его, какъ чужого, столь энергично воспротивившись его вокняженію въ Кіевѣ? Въ такомъ случаѣ возможно „усыновленіе" Мстислава Владиміру со стороны лѣтописца—въ угоду его любимой идеѣ о единствѣ Руси и ея династіи.

VII.

Еще прежде того, какъ оторванная отъ прочаго славянства Тмутаракань, успѣвши познакомиться съ христіанствомъ, начинала, въ силу своей изолированности отъ единоплеменниковъ, падать въ политическомъ отношеніи, — возвысился другой городъ на дальнемъ сѣверо-западѣ того-же южно-славянско-хазарскаго союза. Какъ Кіевъ ни былъ сравнительно далекъ отъ Тмутаракани, все-же нельзя отрицать давнихъ связей въ извѣстной мѣрѣ между этими двумя городами, нѣкогда вмѣстѣ входившими въ одинъ славянско-хазарскій политическій союзъ [1]). По

---

1) Шахматовъ (въ прежнее время) и другіе считаютъ обычно Тмутараканскую Русь связанной собственно съ Сѣверянами, а не съ Кіевскими Полянами; однако, какъ мы уже отчасти видѣли, обособленіе Полянъ и Сѣверянъ—явленіе, видимо, не очень давнее, оно можетъ быть отнесено уже къ IX—X в. в. и даже скорѣе къ X—XI в. в.; появилось, оно, повидимому, лишь въ связи съ новой ролью Кіева и новыми политическими соотношеніями X—XI в. в.; см. уп. ст.: Шахматова въ апрѣл. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1899 г., Спицына—въ август. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1899 г. и янв. кн. 1909 г., въ упом. I. т. „Кіевской Руси" Грушевскаго, стр. 289, 294, въ упом. кн. Ляскоронскаго „Исторія Переяславльской земли", стр. 93—94 и др. Въ самое недавнее время Шахматовъ Тмутаракань связываетъ уже съ Вятичами—см. ст. „Древнія ляшскія поселенія въ Россіи"—ж. „Славянство" 1911 г. №№ 4—6, „Южныя поселенія Вятичей"—„Изв. И. Акад. Н." 1907 г. №. 18. Но связь эта въ томъ, что Вятичи собственно вышли изъ Тмутаракани въ XI—XII в. в., а вопросъ о прежнихъ связяхъ Тмутаракани въ VIII—началѣ IX в. съ Полянами и Сѣверянами оста-

распаденіи этого союза въ IX в. благодаря отдаленности обоихъ городовъ и отрѣзанности отъ остального славянства одного изъ нихъ, связи, конечно, ослабѣли между ними, но не утратились окончательно, и Тмутаракань, въ IX в. достаточно познакомившаяся съ христіанствомъ, должна была сыграть свою роль въ первоначальной христіанизаціи единоплеменнаго Кіева.

Повидимому, моментомъ, имѣвшимъ значеніе—вмѣстѣ и въ обособленіи Тмутараканской Руси отъ Днѣпровской, и въ усиленіи послѣдней и возвышеніи Кіева [2]), были 830-е годы,—когда приступлено было Византіей и Хазарами къ построенію на Дону крѣпости Саркела. Какъ разъ около этого времени, какъ мы знаемъ, сильная Русь своими морскими набѣгами сильно безпокоила владѣнія

ется открытымъ; между прочимъ, нынѣ Шахматовъ Сѣверянъ вмѣстѣ съ Полянами относитъ къ одной группѣ русско-славянскихъ племенъ—именно къ южноруссамъ; въ такомъ случаѣ споръ о связи Тмутаракани съ Полянами или Сѣверянами падаетъ; отнесеніе-же Кіева къ южноруссамъ, а Тмутаракани—къ восточноруссамъ есть, полагаемъ, указаніе на явленіе эпохи не очень ранней—IX в., такъ какъ, какъ мы выше говорили, въ VIII в. еще не было разъединенія южноруссовъ и восточноруссовъ и, стало быть, существовала связь Кіева и Тмутаракани.

[2]) Существуетъ немало предположеній и догадокъ о томъ, что „Кіевъ дѣйствительно былъ славнымъ городомъ задолго до второй половины IX в." (см., напр., ст. проф. Н. П. Даниловича—" Кіев. Унив. Извѣстія" 1886 г. ноябр. кн.—"Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древнѣ-сѣверной литературы"). Мнѣніе такого рода о древности Кіева,—подкрѣпляемое намеками исландскихъ сагъ о „Днѣпровскомъ городѣ" и археологическими находками въ Кіевѣ, относящимися къ очень древней эпохѣ,—все-же не располагаетъ никакими данными для того, чтобы установить несомнѣнную связь древнѣйшаго поселенія на Днѣпрѣ (допустимъ III—IV в. в. по Р. Хр.) съ историческимъ, русско-славянскимъ Кіевомъ.

Византіи и Хазаріи [1]); естественно предположить, что эти два давнихъ союзника соединились теперь вмѣстѣ для сокрушенія силы Руси, непріятно—безпокойной для обоихъ ихъ, и совмѣстно выстроили на Дону крѣпость Саркелъ, которая должна была сыграть несомнѣнную роль въ разъединеніи Днѣпровской и Тмутараканской Руси, утвердивъ между ними крѣпкое военное средостѣніе [2]). Толчкомъ къ данному шагу со стороны Византіи и Хазаріи, кромѣ морскихъ набѣговъ Руси около этого времени [3]), могъ также послужить прошедшій,—быть мо-

[1]) Свѣдѣнія говорятъ собственно о первой лишь, но набѣги Руси на Крымъ скорѣе и больше задѣвали именно Хазаръ, здѣсь политически въ это время господствовавшихъ, а потомъ уже Византію, да и у современныхъ мусульманскихъ писателей есть указанія на столкновенія южно-приморской Руси съ Хазарами.

[2]) Академикъ Ѳ. И. Успенскій въ ст. „Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X в.в.“—„Кіевская Старина“ 1889 г. май—іюн. кн.—не принимаетъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго (см. 42 гл. его „Περὶ ἐθνῶν,“ перев. упом. уже Г. Ласкина въ „Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р.“, Москва, 1899 г., кн. 1) о постройкѣ Саркела византійскими инженерами для Хазаръ и утверждаетъ построеніе его Греками только для себя и уже въ началѣ X в.; но это не больше, какъ остроумная догадка ученаго. Не принимаемая Успенскихъ посылка Византіей инженера для устроенія Хазарамъ крѣпости легко объясняется какъ давними добрососѣдскими и порою дружественно—союзническими отношеніями Византіи и Хазаріи, такъ и затруднительными обстоятельствами Византіи въ данное время—царствованіе Ѳеофила (829—842 г.г.), вслѣдствіе тяжкой и неудачной войны съ Арабами, очевидно, желавшей себя, въ союзѣ съ Хазаріей, защитить отъ безпокоившихъ нападеній съ другого фронта—отъ Руси,—см., напр., ст. А. Васильева „Византія и арабы“—„Византійск. Времени“, т. 6, вып. 3-4, 1899 г., и отд.,—срв. вскользь брошенную мысль въ I т. упом. „Кіевской Руси“ Грушевскаго, стр. 279.

[3]) См. извѣстія Сурожскаго и Амастридскаго сказаній, выше приводимыя (въ гл. II), подтверждаемыя, какъ указывалось, византійскими свѣдѣніями и частію арабскими.

жетъ, какъ разъ около этого времени—выходъ Кіева изъ состава Хазарскаго государства, къ этому времени начавшаго уже приходить въ политическій упадокъ [1]).

Вскорѣ засимъ въ Кіевѣ начинается княженіе Аскольда и Дира, совпадающее, по всей вѣроятности, съ моментомъ полной политической самостоятельности отъ Хазаръ Кіева; съ именами этихъ князей и собственно перваго изъ нихъ связывается первое преданіе о христіанствѣ въ Кіевѣ. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ прочныхъ данныхъ, которыя позволяли бы къ Аскольду и Диру именно относить нападеніе Руси на Царьградъ, бывшее въ 860 г., хотя вслѣдъ за лѣтописью это принимаютъ нѣкоторые ученые [2]). Какъ уже указывалось, это было нападеніе не Кіевской Руси, а приморско-Тмутараканской, постоянно дѣйствовавшей на морѣ и хорошо извѣстной на черноморскихъ побережьяхъ, ближе стоявшей къ Византіи и потому скорѣе и больше доступной византійскому вліянію.

Академикомъ В. И. Ламанскимъ недавно сдѣлана была остроумная попытка—отнесть походъ 860 г. къ Руси Кіевской-Аскольдовой и къ ней-же—и послѣдовавшее

---

[1]) С. Гедеоновъ, толкуя извѣстное сообщеніе Бертинской лѣтописи о русскихъ послахъ на Западѣ подъ 839 г., принимаетъ существованіе въ Кіевѣвъ эту пору подчиненнаго Хазарамъ каганата, но съ элементомъ политической обособленности,—см. „Варяги и Русь", СПБ., 1876 г., ч. 2, стр. 486, 491 и др.

[2]) Этотъ походъ лѣтописью пріурочивается, хотя и подъ другимъ годомъ, обычно къ Аскольду и Диру; однако данное лѣтописное пріуроченіе не пользуется довѣріемъ въ наукѣ само по себѣ; къ тому-же Никоновская лѣтопись, очевидно, пользовалась древнимъ источникомъ, гдѣ походъ этотъ былъ пріуроченъ къ Руссамъ, „иже живяху въ Ексинопонтѣ"—Евксинопонтѣ, т. е. въ Черноморьѣ (см. въ „Никоновской лѣтописи", изд. Археогр. Комм., СПБ., 1862 г., стр. 13; любопытно, что составитель лѣтописи нѣсколько разъ говоритъ объ этомъ событіи —очевидно, подъ вліяніемъ разныхъ на этотъ счетъ источниковъ, бывшихъ у него подъ руками).

въ связи съ этимъ походомъ крещеніе Руси съ полученіемъ епископа, а миссіонерское посольство по этому случаю изъ Византіи на Русь, понимаемую ихъ въ смыслѣ Кіева, отожествить съ извѣстной хазарской миссіей Славянскаго первоучителя св. Константина—Кирилла [1]).

Кіевскую Русь въ данномъ случаѣ Ламанскій принимаетъ на томъ основаніи, что, строго придерживаясь норманской теоріи, не допускаетъ совершенно существованія южно—приморской Руси [2]). Хазарскую-же миссію св. Константина нашъ ученый отожествляетъ съ крещеніемъ Руси послѣ похода 860 г., главнымъ образомъ основываясь на хронологической близости данныхъ двухъ событій и на тѣсныхъ связяхъ Хазаръ съ южно-русскими племенами [3]).

Дѣлая рядъ весьма любопытныхъ сближеній и сопоставленій, Ламанскій не имѣетъ однако у себя въ данномъ случаѣ твердой почвы подъ ногами—въ видѣ какихъ-нибудь подтверждающихъ его мнѣніе документальныхъ данныхъ. Къ тому-же онъ выпускаетъ изъ виду слѣдующее: еслибы Кіевская Русь была крещена мѣстнымъ княземъ и получила себѣ епископа въ 60 г. г. IX в., то, просуществовавъ тутъ подъ покровительствомъ власти не менѣе 20 лѣтъ (до прихода Олега и

---

[1]) См. упом. большую его работу „Славянское житіе св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ"—„Ж. М. Н. Пр." 1903 г. кн.—апр., майск., іюн. и декабр., 1904 г.—кн. янв., апр., майск.

[2]) Онъ приводитъ, впрочемъ, еще и такой аргументъ: приготовленія южно-приморской Руси къ нападенію на Византію не могли-бы остаться втайнѣ отъ послѣдней, такъ какъ о нихъ донесли-бы заблаговременно въ Царьградъ греческія колоніи съ сѣвернаго берега Чернаго моря,—но вѣдь и о походахъ Кіевской Руси—напр., Игоря—Византія, какъ извѣстно, получала предупрежденія.

[3]) Политическая связь Кіева съ Хазарами въ 860 г.г. уже болѣе чѣмъ сомнительна.

Игоря—по лѣтописи въ 882 г.), христіанство пустило-бы здѣсь такіе ростки, что потомъ задавить его было-бы уже трудно; между тѣмъ и въ первой половинѣ X в., и позже—при Святославѣ [1]), мы не видимъ въ Кіевѣ еще достаточно замѣтныхъ слѣдовъ христіанства и сколько-нибудь опредѣленнаго о прежнемъ его бытіи здѣсь преданія. Затѣмъ, странно было-бы появленіе въ Кіевѣ христіанскаго епископа въ 860 г. г., если онъ, какъ видно будетъ дальше, не могъ утвердиться здѣсь, при отсутствіи къ тому благопріятной почвы, даже сто лѣтъ спустя —при христіанской княгинѣ Ольгѣ, несмотря на очевидныя старанія ея. При томъ—Кіевскому князю, при тогдашнемъ положеніи его власти по отношенію къ народному вѣчу, невозможно было бы просуществовать здѣсь въ роли князя цѣлыхъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ онъ крестился самъ и занялся крещеніемъ Кіевлянъ, при несомнѣнномъ холодно—враждебномъ отношеніи народа къ христіанству, которое, при тогдашней степени культурности и религіознаго развитія, должно было быть въ Кіевѣ въ это время еще въ большей степени, чѣмъ спустя сто лѣтъ, когда Кіевъ ушелъ уже значительно впередъ въ культурномъ отношеніи и имѣлъ возможность постепенно, вслѣдствіе постоянныхъ торговыхъ сношеній, узнавать лучше христіанъ и ихъ вѣру и тѣмъ не менѣе обнаруживалъ къ христіанству отрицательное отношеніе. Наконецъ, можно-ли даже предположительно говорить о посѣщеніи св. Кирилломъ-Константиномъ Кіева, если объ этомъ не сохранилось никакого преданія и не осталось ровно никакихъ слѣдовъ его здѣсь дѣятельности [2])?

1) См. ниже—въ главахъ о христіанствѣ при Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ.

2). Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно говорить о договорахъ Олега и Игоря съ Греками, какъ о слѣдѣ дѣятельности въ Кіевѣ св. Кирилла,—какъ это дѣлаетъ Ламанскій, не находящій болѣе убѣдительныхъ аргументовъ для подтвержденія своей догадки.

Что же касается отрицанія Ламанскимъ факта крещенія южно-приморской Руси съ полученіемъ себѣ епископа на томъ основаніи, что въ Тмутаракани—древней Таматархѣ—епархіальный епископъ былъ еще въ VIII в. и, слѣдовательно, новаго незачѣмъ было туда посылать,—то, во-первыхъ, по справедливому замѣчанію А.А. Спицына [1]), „русскаго Тмутараканскаго епископа не слѣдуетъ смѣшивать съ греческимъ епископомъ Матархи», а, во-вторыхъ, не нужно забывать, что въ данной мѣстности, въ связи съ происходившимъ измѣненіемъ политическихъ обстоятельствъ и перемѣнами въ мѣстожительствѣ здѣшнихъ народностей, должны были часто испытывать и дѣйствительно испытывали колебанія—и состояніе христіанства, и самыя епархіи, не имѣвшія здѣсь характера прочной незыблемости и непремѣняемости.

Вообще—и В. И. Ламанскій, и поддерживающій его мнѣніе своими доводами Г. М. Барацъ [2]), основываясь при созданіи данной гипотезы лишь на догадкахъ, сближеніяхъ близкихъ по времени событій и темныхъ намекахъ, не умѣютъ въ концѣ концовъ объяснить, почему-же все-таки о миссіонерской дѣятельности св. Кирилла въ Кіевѣ не сохранилось ни преданій на Руси, которыя бы могли дойти и до лѣтописцевъ XI—XII в.в., ни слѣда въ Паннонскихъ житіяхъ, и кому это такъ нужно было вытравлять и сглаживать всѣ слѣды этой Кіевской поѣздки Кирилла. Скорѣе слѣдовало-бы ожидать другого—легендарнаго разукрашиванія въ преданіи этого факта.

У почтеннаго автора этой гипотезы слишкомъ бросается въ глаза опредѣленная тенденція, происте-

1) См. въ упом. ст. „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г. январ. кн., стр. 88, примѣч.

2) См. его ст. „О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи“—въ журналѣ “Україна“ 1907 г., март., ап., іюн. кн.

кающая изъ вполнѣ понятнаго преклоненія предъ личностью Славянскихъ первоучителей и сознанія важнаго значенія ихъ и ихъ дѣла для всѣхъ Славянъ. Тутъ невольно напрашивается аналогія съ происхожденіемъ извѣстной легенды о путешествіи апостола Андрея въ Кіевъ и Новгородъ [1]).

Вопреки мнѣнію Ламанскаго, мы въ Кіевѣ видимъ христіанство не глохнущимъ постепенно послѣ Аскольда, не задавленнымъ послѣ него, а весьма медленно, но постоянно съ тѣхъ поръ растущимъ, хотя и долго и сильно придавливаемымъ господствующимъ и популярнымъ въ народныхъ массахъ язычествомъ.

---

1) Нѣкоторые доводы противъ данной теоріи Ламанскаго см. въ ст. Е. Е. Голубинскаго—"По поводу перестроя Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина"—„Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н." 1907 г., т. XII. кн. 2.

VIII.

Однако, отвергнувъ догадку о томъ, будто нападавшая на Византію въ 860 г. и затѣмъ крестившаяся Русь была Русь именно Кіевская—Аскольдова, мы не думаемъ отвергать преданія о христіанствѣ самого Аскольда [1]). Нынѣ,—особенно послѣ изысканій въ области лѣтописной хронологіи академика Шахматова,—совершенно падаютъ возраженія Е. Е. Голубинскаго противъ крещенія Аскольда и Дира, основанныя на излишнемъ довѣріи почтеннаго историка къ лѣтописной хронологіи и лѣтописному сказанію о норманскомъ происхожденіи Аскольда и Дира, какъ мужей Рюриковыхъ.

Никоновская лѣтопись и извѣстія польскаго историка XV вѣка Яна Длугоша [2]), пользовавшагося древними русскими источниками, а также несообразности въ обычномъ лѣтописномъ разсказѣ, рисующемъ Аскольда и Дира въ моментъ гибели ихъ со-

1) Намекъ на двукратное крещеніе Руси во второй половинѣ IX в. встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи, подъ 876 г. вторично разсказывающей о заимствованіи Русью отъ Византіи христіанства (по нашему мнѣнію, это соотвѣтствуетъ крещенію, во-первыхъ, послѣ 860 г. Тмутаракани и, во-вторыхъ, вслѣдъ засимъ уже крещенію Аскольда въ Кіевѣ).

2) О немъ см. A. Semkovicz—„Krytyczny rozbior dziejov polskich Jana Dlugocza do roku 1384", Krakow, 1887 г. (объ этой работѣ критико-библіографическая ст. проф. И. А Линниченко—"Ж. М. Н. Пр." 1887 г. декабр. кн.), у К. Н. Бестужева-Рюмина „О составѣ рускихъ лѣтописей до конца XIV в.", СПБ., 1868 г., въ упом. "Разысканіяхъ" А. А. Шахматова—въ гл. 14, нач. со стр. 340, и др.

вершенно чуждыми и неизвѣстными Олегу и его дружинѣ лицами, дали толчекъ появиться и утвердиться въ наукѣ мнѣнію о томъ, что Аскольдъ и Диръ—не пришлые Рюриковы мужи, а туземные Кіевскіе князья [1]); съ другой стороны учеными обращено было вниманіе на необычность для древней Руси совмѣстнаго пребыванія въ Кіевѣ двухъ князей, похороненныхъ къ тому-же, по указанію лѣтописи, въ разныхъ, отдаленныхъ одно отъ другого, мѣстахъ, несмотря на одновременную якобы ихъ смерть [2]).

Есть основанія принимать, что Аскольдъ и Диръ, исконные Кіевскіе туземные князья [3]), княжили здѣсь

---

[1]) См. въ упом. „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 322—323 349 и др., также у Н. И. Костомарова въ ст. „Преданія первоначальной русской лѣтописи", „Вѣстникъ Европы" 1873 г., янв., февр. и март. кн., собств. февр., также у Грушевскаго въ I т. „Історіи Украіни-Руси" стр. 362—368 и—др.

[2]) См. въ уп. выше „Разысканіяхъ" Шахматова—стр. 319—320, въ уп. I т. „Історіи Украіни—Руси" Грушевскаго—стр. 363—364 и др.; В. Г. Ляскоронскій только что выступилъ въ защиту одновременности княженія Аскольда и Дира, стараясь сблизить мѣста ихъ погребенія (см. ст. его „Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время"—„Ж. М. Н. Пр." 1913 г., апр. майск., іюн. и слѣд. кн.), однако приведенныя авторомъ соображенія не колеблютъ упрочившагося въ наукѣ сомнѣнія въ одновременности княженія Аскольда и Дира.

[3]) Попытка Гедеонова доказать венгерское происхожденіе Аскольда (см. „Варяги и Русь", СПБ, 1876 г., ч. 1, стр. 228—232) основана на шаткихъ основаніяхъ и есть не больше какъ догадка; нужно помнить, что 1) Угры приходили на западъ мимо Кіева или неподалеку отъ него по лѣтописи уже около 898 г., и во всякомъ случаѣ не раньше 880-хъ г.г. (см. уп. ст. Шахматова—„Сказаніе о преложеніи книгъ")—время позднее; что 2) о связяхъ Угровъ съ Кіевомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, почему и самый проходъ ихъ мимо Кіева заподазривается (см. въ упом. ст. Ляскоронскаго—апр. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1913 г., 216—217 стр); что 3) самое названіе Кіевской мѣстности—„Угорское" могло произойти не отъ

въ IX в. послѣдовательно—одинъ за другимъ. Слѣдуетъ думать, что раньше—около половины IX в. приблизительно—княжилъ Диръ, а послѣ него—въ концѣ IX в.—Аскольдъ. Допускаемъ такую именно возможность вслѣдствіе того, что Аскольда, какъ болѣе поздняго, лучше запомнило народное преданіе и частію лѣтопись—Іоакимовская [1]), говорящая о гибели отъ Олега одного Аскольда,

Угровъ, а просто означало—мѣсто у горы, подъ горою (см. въ упом. ст. Ляскоронскаго); что 4) и въ послѣдующее время долго никакихъ связей и сношеній Угровъ съ Кіевомъ мы не видимъ, а между тѣмъ слѣдовало-бы ожидать, что Угры поддержали-бы Аскольда въ борьбѣ съ Олегомъ и Игоремъ или отомстили-бы за него, еслибы онъ былъ венгерскій княжичъ. При томъ самъ Гедеоновъ, строящій на лѣтописныхъ намекахъ—равно объ Аскольдѣ и Дирѣ—свое предположеніе о венгерскомъ происхожденіи Аскольда,—въ противность тѣмъ самымъ лѣтописнымъ даннымъ, которыми самъ пользуется по отношенію къ Аскольду, Дира считаетъ русскимъ славяниномъ, („Варяги и Русь", стр. 492 во 2 ч., 233 въ 1 ч.).

1) См. въ „Исторіи Россійской" В. Н. Татищева, кн. I, ч. I, Москва, 1768 г., стр. 32, 35; объ Іоакимовской лѣтописи у А. А. Шахматова см. въ ст. „Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV в. в." „Ж. М. Н. Пр." 1900 г. въ нояб. кн.; хотя въ этой лѣтописи, приводимой В. Н. Татищевымъ, иные находятъ черты сочинительства,—все же она пользуется нѣкоторымъ значеніемъ и употребленіемъ въ наукѣ; болѣе благопріятно,—отрицая намѣренныя искаженія и сочинительство,—относятся къ этой лѣтописи: проф. И. А. Линниченко—см. его ст. „Краледворская рукопись и Іоакимовская лѣтопись"—„Ж. М. Н. Пр." 1883 г., окт. кн., и замѣтка въ „Ж. М. Н. Пр." 1888 г. сент. кн.; І. Сениговъ—„Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о россійской исторіи Татищева", Москва, 1887 г.—и др. (въ прежнее время—Лавровскій, Н. Поповъ, Бестужевъ-Рюминъ); Е. Е. Голубинскій держится вполнѣ отрицательнаго взгляда на нее—въ „Исторіи Русской Церкви" и въ ст. въ 4 кн. „Прибавленій къ твореніямъ св. отцевъ" 1881 г.—„Объ Іоакимовской лѣтописи".

и Никоновская, упоминающая иногда объ одномъ Аскольдѣ—безъ Дира [1]); въ пользу этого-же мнѣнія говоритъ и преданіе о христіанствѣ именно Аскольда, и болѣе подробный и обстоятельный лѣтописный разсказъ о погребеніи Аскольда, между тѣмъ какъ о погребеніи Дира говорится при этомъ лишь вскользь, такъ что получается тутъ явное впечатлѣніе позднѣйшей, несогласованной съ предыдущимъ разсказомъ, вставки [2]).

Для нашихъ цѣлей необходимо подробнѣе остановиться на вопросѣ о погребеніи Аскольда, поскольку оно стоитъ въ связи съ уясненіемъ христіанскаго его состоянія. До лѣтописца, видно, дошло очень прочное и свѣжее еще преданіе народное о томъ, что Аскольдъ былъ христіаниномъ. Нашъ древній лѣтописецъ, авторъ древнѣйшаго сохранившагося лѣтописнаго свода, систематически проводя въ лѣтописи идею о единой Руси, о единствѣ русскаго княжескаго рода, ведущаго свое происхожденіе отъ одного Рюрика, о строгой преемственности княженій этого рода и стараясь всячески устранить другихъ князей—нерюриковичей или, по крайней мѣрѣ, выставить ихъ самозванцами, случай-

---

1) См. „Полное собр. русск. лѣтописей", т. 9, СПБ., 1862 г., стр. 9, 13.

2) Грушевскій, наоборотъ, пытается поставить Дира послѣ Аскольда, ссылаясь на то, что имя Дира обычно ставится послѣ Аскольда (но можно вѣдь сдѣлать изъ этого и обратный выводъ), на топографію Кіева въ связи съ указаніемъ лѣтописью мѣстъ погребенія этихъ князей (топографія древняго Кіева мало вѣдома, обычно вызываетъ разногласія о себѣ ученыхъ,—ср. ст. В. Г. Ляскоронскаго въ „Ж. М. Н. Пр." 1913 г., начиная съ апрѣл. кн.,—и врядъ-ли можетъ играть роль въ разрѣшеніи этого вопроса, разъ данные князья княжили послѣдовательно—одинъ вслѣдъ за другимъ) и на извѣстіе Масуди о Дирѣ (во-первыхъ, Масуди во всякомъ случаѣ не былъ современникомъ Дира, такъ какъ жилъ въ X в., во-вторыхъ, такое именно чтеніе этого имени у Масуди подвергается сомнѣнію, такъ какъ читаютъ его обычно иначе—„Алдиръ", „Дина", „Алдинъ" и т. п.,—см. въ упом. кн. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей" стр. 137 и 167).

ными людьми [1]),—лѣтописецъ, при такой явно проводимой имъ тенденціи, долженъ былъ всячески сократить и обезцвѣтить преданіе объ Аскольдѣ, какъ нерюриковичѣ. И вотъ тѣмъ не менѣе онъ все-же сохранилъ для насъ—хотя и вскользь имъ брошенное—извѣстіе о томъ, что Аскольда «погребоша на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде нынѣ Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святого Николу» [2]).

Совершенно немыслимо считать очень позднимъ или просто случайнымъ данное лѣтописное преданіе о томъ, что могила Аскольда была отмѣчена построеніемъ церкви. Подобнаго факта мы не знаемъ ни объ одномъ языческомъ князѣ той или послѣдующей эпохи—Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ [3]), напримѣръ. Произошло это выдѣленіе одного лишь изъ князей, очевидно, потому, что Аскольдъ своимъ христіанскимъ состояніемъ самъ рѣзко выдѣлялся изъ всѣхъ древнихъ Кіевскихъ князей. Мы точно не знаемъ, кто именно построилъ церковь св. Николы на могилѣ князя Аскольда, но не думаемъ, чтобы это построеніе произошло очень поздно—позже X и даже начала XI в.в. [4]). Скорѣе всего, полагаемъ, эта постройка

---

1) См. въ упомин. „Разысканіяхъ" Шахматова, стр. 316—317, 321—322 и др., въ упом. ст. С. А. Корфа „Замѣтка объ отношеніяхъ древнерусскаго лѣтописца къ монархическому принципу"—„Ж. М. Н. Пр." 1909 г. іюл. кн. и др.

2) Такова редакція этого сказанія въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи—см. въ уп. изд. стр. 23; соображенія А. А. Шахматова, будто въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло со вставкой редактора конца XI в. ни въ коемъ случаѣ не можемъ признать вѣскими по мотивамъ, указываемымъ дальше,—см. 323 стр. уп. „Разысканій".

3) Хотя казалось-бы вполнѣ естественнымъ построеніе церкви на могилѣ князя Игоря его женою—христіанкою Ольгою, особенно если повѣрить Е. Е. Голубинскому въ томъ, что Игорь будтобы былъ „внутреннимъ христіаниномъ",—см. ниже въ гл. XIII.

4) Неизвѣстно, кто построилъ церковь—Ольма какой-то или кто другой,—Ольга, напримѣръ (см. въ ст. Ляскоронскаго—„Ж. М. Н. Пр." 1913 г., май, 86—87 стр.), но, вѣроятно, она была постав-

церкви—фактъ по отношенію къ редактору лѣтописнаго свода давній и настолько прочно былъ связанъ съ древнимъ преданіемъ объ Аскольдѣ и общеизвѣстенъ, что лѣтописецъ счелъ себя вынужденнымъ внести въ свой сводъ данное преданіе, хотя оно касалось князя,—такъ сказать, неугоднаго и лишняго въ династической системѣ лѣтописца, съ его византійско-монархической точки зрѣнія «самозваннаго» и потому разжалованнаго имъ въ простого дружинника Рюрикова [1]).

Во всякомъ случаѣ рѣшительно ужъ непріемлема мысль о томъ, будто преданіе о мѣстѣ могилы Аскольда, извѣстное лѣтописцу, не было вѣдомо строителю церкви на Аскольдовой могилѣ, жившему, конечно, раньше ав-

---

лена не на продолжавшемъ оставаться обычнымъ хозяйскимъ дворомъ Ольминомъ дворѣ, а возлѣ него или на мѣстѣ его; если-же допустить, что церковь была поставлена на самомъ мѣстѣ двора Ольмы, въ такомъ случаѣ, очевидно, нужно придти къ тому выводу, что дворъ Ольмы былъ въ дни лѣтописца на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда, раньше, стояла церковь на Аскольдовой могилѣ, при лѣтописцѣ уже не существовавшая; послѣднее предположеніе будетъ стоять въ согласіи съ лѣтописью Іоакимовой, которая говоритъ о построеніи Николаевской церкви на Аскольдовой могилѣ еще до Святослава Игоревича и о разрушеніи ея послѣднимъ (см. въ упом. I ч. кн. Исторіи Татищева, стр. 35). Изъ редакціи же этого сказанія въ „Новгородской 1-й лѣтописи" получается такое впечатлѣніе, что хотя церковь построилъ и Ольма, но это не современникъ автора извѣстія, а Ольминъ дворъ—это не обычный, нынѣ, при лѣтописцѣ, существующій, дворъ извѣстнаго ему собственника, а скорѣе и для него—топографически-историческое названіе извѣстной мѣстности, связанное съ древнимъ построеніемъ церкви св. Николая нѣкіимъ Ольмою, уступившимъ для этой постройки свой дворъ,—см. въ изд. названной лѣтописи 1888 г. стр. 5—6.

[1]) О послѣднемъ фактѣ отношенія лѣтописца къ Аскольду см., напр., въ упом. ст. С. А. Корфа „Замѣтка объ отношеніяхъ древнерусскаго лѣтописца"—"Ж. М. Н. Пр." 1909 г., іюл. кн., также у Шахматова въ „Разысканіяхъ", и др.

тора лѣтописнаго свода, а также, чтобы данная постройка церкви на этомъ мѣстѣ была дѣломъ совершенно случайнымъ, не вызваннымъ давнимъ народнымъ преданіемъ о христіанствѣ Аскольда. Это прочное народное преданіе, не умирающее въ рядѣ поколѣній, вызвало, безъ сомнѣнія, и постройку церкви на могилѣ Аскольда въ свое время, и особое вниманіе народа къ Аскольдовой могилѣ, и почитаніе ея, просуществовавшее съ тѣхъ поръ и доселѣ [1]).

Принять лѣтописное преданіе о христіанскомъ состояніи Аскольда мы можемъ тѣмъ легче, что появленіе христіанскаго князя въ Кіевѣ въ концѣ IX в.—фактъ легко объяснимый и понятный: соплеменная Азовско-Тмураканская Русь къ этому времени уже въ значительной степени была крещена и имѣла у себя епископа; у сосѣднихъ же Хазаръ и частію у Камскихъ Болгаръ христіанство еще раньше даннаго момента сдѣлало уже немалые успѣхи. Имѣвшій, навѣрное, связи съ Тмутараканью—Аскольдъ, вѣроятно, завязалъ сношенія и съ Византіей: возможно допустить, что и его ладьи принимали участіе, вмѣстѣ съ Тмутараканскими, въ походѣ Византіи 902 г. [2]) на Критъ, относительно котораго достовѣрно извѣстно, что тамъ участвовали союзныя Византіи суда Руси.

---

1) Это народное преданіе объ Аскольдовой могилѣ, запечатлѣнное построеніемъ на ней церкви, и вниманіе къ ней народа въ теченіе ряда вѣковъ, въ смыслѣ историческаго свидѣтеля христіанскаго состоянія Аскольда, нисколько не колеблется соображеніями В. Г. Ляскоронскаго о возможности перенесенія Аскольдовой могилы и храма и монастыря Никольскаго на ней съ одного мѣста на другое,—см. въ уп. ст. его „Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время" въ „Ж. М. Н. Пр." 1913 г.

2). Относительно хронологіи жизни Аскольда см. ниже въ гл. XI.

IX.

Есть большое, исторически обоснованное, вѣроятіе допустить въ Кіевѣ въ концѣ IX в. туземнаго князя-христіанина въ лицѣ Аскольда.

Знакомство южной Руси съ Византіей, въ IX вѣкѣ несомнѣнно уже существовавшее, легко могло съ одной стороны обнаружить предъ княземъ Руси превосходство христіанскаго Бога,— исповѣдники котораго пользовались удобствами болѣе культурной жизни съ прекрасно устроенными дворцами, храмами, нарядными костюмами, совершенными военными вооруженіями и т. п.,—предъ языческими богами, послѣдователи которыхъ жили въ жалкихъ хижинахъ, плохо были вооружены, не знали многихъ жизненныхъ удобствъ; съ другой стороны сама Византія заинтересована была въ томъ, чтобы склонить на свою сторону путемъ крещенія князя, пообѣщавъ ему за это помощь въ усиленіи его слабой тогда—при народномъ вѣчѣ—власти, ознакомленіи съ лучшими способами вооруженія, со средствами болѣе культурной жизни и т. п. [1]). Однако, если князь,—какъ Аскольдъ,—могъ понять преимущества, хотя-бы чисто внѣшнія [2]), усвоенія

---

[1]) См. напр., соображенія, основанныя на историческихъ наблюденіяхъ надъ жизнью древнихъ Славянъ, въ довольно обширной, интересной критико-библіографической ст. варшавскаго проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля по поводу работъ по исторіи чешскаго и польскаго права Я. Челяковскаго и О. Бальцера—„Ж. М. Н. Пр.“ 1908 г., март. кн., стр. 155—156 и др.

[2]) Прежде всего, конечно, они именно играли роль при ознакомленіи съ новой религіей—особенно въ начальный моментъ этого ознакомленія.

византійско-христіанскихъ идей, то народная масса Кіевской Руси въ то время должна еще была къ этому предпріятію князя отнестись глубоко-отрицательно. Высшій слой кіевскаго общества даже почти столѣтіе спустя —при Святославѣ—къ христіанству питалъ отвращеніе—по крайней мѣрѣ, въ массѣ своей,—при Аскольдѣ отношеніе его къ христіанству должно было быть еще отрицательнѣе; о низшихъ слояхъ общества и говоритъ ничего: оно вполнѣ пребывало еще на низшей стадіи религіознаго развитія, лишь едва переходя отъ фетишизма къ политеизму [1]).

Но была и еще одна сторона дѣла, побуждавшая болѣе сознательные элементы Кіевской Руси отнестись отрицательно къ религіозной реформѣ, задуманной княземъ: это—связь религіознаго переворота съ перемѣной государственно-соціальнаго строя волости или княжества. При господствѣ у Славянъ въ IX в. и нѣсколько позже народовластія, власть князя была зависимой и второстепенной по сравненію съ властью народнаго собранія или вѣча [2]). Если, съ одной стороны, тогдашній, хотя и очень

1) Болѣе подробно на вопросѣ о религіи древнихъ Славянъ нашихъ не останавливаемся въ виду недостаточной ясности имѣющихся о ней свѣдѣній,—см. ст. „Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ Славянъ“ А. Н. Кирпичникова—„Ж. М. Н. Пр.“ 1885 г. сент. кн.; также Фаминцына—„Божества древнихъ Славянъ“, вып. I, СПБ. 1884 г.; въ „Кіевской Руси‘ Грушевскаго т. I, стр. 388 и слѣд.; у В. Макушева „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“, СПБ, 1861 г., стр. 69—106; въ „Очеркахъ по исторіи Русской культуры“ П. Н. Милюкова—и др.

2) См., напр., у В. И. Сергѣевича „Русскія юридическія древности“, т. 2, СПБ., 1893 г., стр. 32—33, 73, 80, 94 и др.; въ кн. проф. барона С. А. Корфа—„Исторія Русской государственности“, СПБ, 1908 г., стр. 22—23, 27—32, 49 и др., въ уп. ст. его—же въ іюл. кн. „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г.; уп. ст Ѳ. Ѳ. Зигеля въ март. кн. „Ж. М. Н. Пр.“ 1908 г.; срв. въ кн.

простой и несложный, строй славянскаго общества былъ сильно проникнутъ языческими религіозными вѣрованіями, освящавшими его,—то, съ другой стороны, новую вѣру—христіанскую князь, столкнувшійся съ Византіей и увидѣвшій ея культурное превосходство, познакомив-

---

проф. М А. Дьяконова—„ Очерки обществ. и госуд. строя древней Руси ",2 изд., СПБ., 1908 г., стр. 115—136, и др. Въ недавнее время А. Е. Прѣсняковъ (см. его „Княжое право въ древней Руси", СПБ, 1909 г.) выступилъ, въ противовѣсъ нынѣ утвердившемуся,—на смѣну прежнему, давнему,—въ наукѣ убѣжденію, снова въ пользу признанія „болѣе активной, болѣе творческой роли за русскими князьями древнѣйшей исторической поры", чѣмъ „та, какая обычно имъ приписывается". Взглядъ его встрѣтилъ нѣкоторое (правда, мелькомъ высказанное) сочувствіе проф. С. Ѳ. Платонова (см. его отзывъ въ „Ж. М. Н. Пр." 1909 г. іюл. кн.), Во всякомъ случаѣ, думается, вопросъ въ данномъ случаѣ можетъ быть лишь о частностяхъ, по существу-же большой роли и большой власти нашимъ древнимъ князьямъ—особенно болѣе ранней, начальной поры—нѣтъ основаній приписывать, и мнѣніе такое остается попрежнему господствующимъ въ наукѣ, базируясь на показаніяхъ нашей лѣтописи и современныхъ писателей, свидѣтельствовавшихъ о древне-славянскомъ народовластіи, какъ Прокопій Кесарійскій, Константинъ Багрянородный и др.; самъ Прѣсняковъ сознается въ „скудости данныхъ", бывшихъ въ его распоряженіи для выясненія „личной и независимой отъ вѣча силы князя" (стр. 294), и при томъ онъ по преимуществу оперируетъ надъ данными болѣе поздней, чѣмъ наша, эпохи, а именно конца XI—XII в. в.; къ тому—же г. Прѣсняковъ слишкомъ довѣряетъ буквѣ лѣтописныхъ сказаній и выпускаетъ изъ виду отмѣчаемое другими изслѣдователями пристрастіе лѣтописцевъ нашихъ къ монархическому началу; рисуя князей „носителями организующихъ городской строй силъ" (стр. 193—194), онъ дѣлаетъ ихъ, можно сказать, похожими на „чародѣевъ, о которыхъ разсказывается въ сказкахъ" (см. выраженіе—по поводу прежняго возвеличенія власти и значенія древне-русскихъ князей—академика Ѳ. И. Успенскаго въ его соч.—„Русь и Византія въ X в.", Одесса, 1888 г., стр. 14).

шійся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ ея монархическимъ принципомъ, неразрывно соединялъ съ мыслью объ усиленіи своей власти, укрѣпленіи своего могущества среди своего племени и окрестныхъ сосѣдей и своемъ освобожденіи изъ-подъ стѣсняющаго контроля народнаго вѣча [1]).

Такого рода возможныя послѣдствія перемѣны вѣры могли, конечно, между прочимъ, заинтересовать и нашего Аскольда. О попыткѣ Аскольда воевать съ сосѣдними племенами,—съ цѣлью, очевидно, подчиненія ихъ себѣ,—сохранились лѣтописныя преданія: именно, кромѣ Печенѣговъ, онъ воевалъ съ Полочанами или Кривичами, Уличами и Древлянами; что-же касается стремленія Аскольда усилить власть свою въ Кіевѣ, то на это намекаетъ Іоакимовская лѣтопись, говоря о неудовольствіяхъ Кіевлянъ на Аскольда, стоявшихъ, по указанію той-же лѣтописи, въ связи и съ самой гибелью этого князя [2]).

Религіозно-соціальная реформа, задуманная и начатая Аскольдомъ,—видимо, въ самомъ концѣ его княженія,—естественно должна была окончиться для него неудачею. Предпріятіе Аскольда слишкомъ еще было для Кіева преждевременно, сторонниковъ старины было слишкомъ много, а власть князя еще не была достаточно для проведенія такого рѣшительнаго шага сильной [3]); къ тому-же враги Аскольда и новшествъ, повидимому, получили себѣ поддержку извнѣ.

Какъ бы то ни было, именно въ связи съ принятіемъ Аскольдомъ христіанства и предпринятыми имъ въ Кіевѣ новшествамя всего понятнѣе и естественнѣе раз-

---

[1]) См., напр., соображенія въ упом. уже ст. проф. Ѳ. Э. Зигеля въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1908 г., март. кн. и—др.

[2]) См. въ упом. I ч. I кн. исторіи Татищева, стр. 35.

[3]) Тѣмъ не менѣе подобную реформу могъ предпринять князь лишь туземный, все-же связанный съ землей,—а не пришлый,—нечуждый нѣкоторой власти, хотя далеко еще не полновластный, что видно хотя-бы изъ неудачи предпріятія Аскольда.

сматривать ту Кіевскую катастрофу, которая въ лѣтописи разсказана какъ фактъ,—нѣсколько непонятный и неожиданный,—убіенія Олегомъ Аскольда и Дира и завладѣнія первымъ, вмѣстѣ съ Игоремъ, Кіевомъ и Кіевской Русью. Для выясненія этой темной, малопонятной лѣтописной исторіи необходимо подробнѣе остановиться на личности князя Олега, который, по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова, «является въ нашей первоначальной лѣтописи вполнѣ личностью преданія, а не исторіи» [1]).

---

[1]) См. въ ст. Н. И. Костомарова „Преданія первоначальной русской лѣтописи“, впервые печатавшейся въ февр. кн. „Вѣстника Европы“ 1873 г. (вся ст. въ янв., февр. и март. кн.).

X.

Личность нашего лѣтописнаго Олега представляетъ немало затрудненій при болѣе или менѣе серьезной попыткѣ уложить ее въ рамки исторической дѣйствительности, сдѣлать ее исторически понятной и соотвѣтственной общему характеру той эпохи. Разсказъ лѣтописи объ Олегѣ не только отличается обильными чертами явной легендарности, но не лишенъ и значительной доли несомнѣнной несуразности.

Кто такой Олегъ—по представленію лѣтописца? Новгородская 1-ая лѣтопись и устанавливаемый изысканіями А. А. Шахматова начальный сводъ лѣтописи 1093 г. выставляютъ его просто воеводой [1]), предполагаемые Шахматовымъ древнѣйшіе своды—княземъ самостоятельнымъ [2]), «Повѣсть временныхъ лѣтъ» —княземъ—опекуномъ Игоря въ его малолѣтство; при этомъ въ послѣднемъ случаѣ заслуживаетъ удивленія фактъ опекунства Олега надъ Игоремъ,—по сохранившемуся лѣтописному своду—законнымъ, настоящимъ княземъ,—въ теченіе цѣлыхъ 33 лѣтъ [3]),—такъ, что Игорь, выходитъ, нуждал-

[1]) См. стр. 5 въ „Новгородской лѣтописи по синодальн. харатейн. сп.", изд. Археогр. комиссіи, СПБ., 1888 г.; срв. у Шахматова въ упом. „Разысканіяхъ", стр. 315—317, 396—397 и др., также и въ упом. ст. его въ апрѣл. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1899 г.

[2]) Въ упом. „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 315—319, 397, 514, 612 и др.

[3]) Самая цифра лѣтъ—33—говоритъ о легендарности этого сказанія.

ся въ опекунствѣ чуть-ли не до сорока съ лишнимъ лѣтъ [1]).

Далѣе, о князѣ Олегѣ,—который прокняжилъ, по лѣтописи, въ Кіевѣ цѣлыхъ тридцать лѣтъ и здѣсь погребенъ,—рядомъ съ этимъ сохранился другой древнѣйшій лѣтописный-же разсказъ объ его уходѣ въ концѣ жизни зачѣмъ-то въ Ладогу или даже за море, т. е. въ Скандинавію, и его тамъ смерти [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Галичская лѣтопись и Длугошъ разсказываютъ, что Игорь, а не Олегъ, убилъ Аскольда и Дира и утвердился на ихъ мѣстѣ въ Кіевѣ [3]),—что близко и къ повѣствованію Новгородской 1-ой лѣтописи, представляющей вообще въ это время княжащимъ въ Кіевѣ и дѣйствующимъ собственно Игоря, а Олегу, какъ воеводѣ Игоря, прописывающей лишь походъ въ Византію, послѣ котораго слѣдуетъ уходъ Олеги на сѣверъ [4]).

Все это создаетъ большую путаницу въ вопросѣ о личности Олега и его роли въ кіевскихъ дѣлахъ. Всѣ эти разнорѣчія объ Олегѣ не даютъ возможности спокойно—увѣренно принять традиціонно—лѣтописный взглядъ на Олега, какъ на Кіевскаго князя, утвердившагося въ Кіевѣ въ 882 г. и прокнявшаго тутъ до смерти своей въ 912 г.

---

[1]) На эту странность см. указаніе у Грушевскаго въ I т. „Історіи Украіни—Руси", стр. 361—362; по Никоновской лѣтописи, Игорь родился въ 6373 г. или 865 г. (см. въ упоминавшемся изданіи стр. 9), стало быть, въ такомъ случаѣ при вокняженіи Олега онъ долженъ былъ имѣть 14 лѣтъ, а при его смерти 47 лѣтъ.

[2]) Въ Новгородской I-ой лѣтописи, упом. изд., см. стр. 7, срв. у Шахматова въ „Разысканіяхъ" стр. 333—334, 543, 612 и др.

[3]) См. ст. А. И. Соболевскаго „Древняя передѣлка начальной лѣтописи"—„Ж. М. Н. Пр." 1905 г., март. кн., и въ „Разысканіяхъ" Шахматова, стр. 348, 352 и др.

[4]) См. въ уп. изд. Новгородской 1-й лѣтописи стр. 5—7.

Къ тому-же этотъ традиціонный взглядъ, приписывающій Олегу объединеніе подъ одной правительственной властью Кіева и Новгорода со многими и другими областями Руси, во-первыхъ, значительно расширяетъ предѣлы и характеръ древне-русской княжеской власти и имѣетъ въ своей основѣ болѣе позднее представленіе о государствѣ, какого на рубежѣ IX и X вѣковъ въ нашей Руси не могло быть и не существовало въ дѣйствительности [1]), а, во-вторыхъ, приписываетъ Олегу чрезвычайно быстрое и легкое достиженіе такихъ политическихъ успѣховъ, какихъ, какъ видно изъ послѣдующихъ лѣтописныхъ данныхъ, на самомъ дѣлѣ не достигли Кіевскіе князья и много лѣтъ спустя, допуская, напримѣръ,—но не объясняя совершенно,—объединеніе Кіева и Новгорода въ однѣхъ рукахъ, объединеніе, слѣдовъ котораго мы потомъ въ лѣтописи не видимъ. Да и относительно даннаго именно момента—нужно имѣть въ виду, что въ самой лѣтописи подъ 907 г., при разсказѣ о первомъ походѣ Олега на Византію, дружина Руси и Словѣнъ,—конечно, Новгородскихъ—строго другъ отъ друга обособляются [2]).

При такомъ положеніи вопроса о личности Олега до настоящаго времени изслѣдователямъ предлежитъ открытое поле для самостоятельныхъ попытокъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Рѣшающее значеніе для выясненія личности Олега мы придаемъ древнему лѣтописному преданію такого рода: «иде Олегъ (послѣ похода на Царьградъ) к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзіи же сказають, яко иду-

1) См. напр. въ ст. С. А. Корфа въ „Ж. М. Н. Пр." 1909 г. іюл. кн., въ ст. Д. Щеглова—„Ж. М. Н. Пр." 1876 г. въ майск. кн., М. А. Дьяконова „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси", 2 изд., СПБ, 1908 г., стр. 60—62, въ ст. В. Г. Ляскоронскаго„ Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время"—„Ж. М. Н. Пр." 1913 г.—въ апр. кн. и др.

2) См. въ Лаврентьевской лѣтописи упом. изд. стр. 31.

щю ему за море, и уклюну зміа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ» [1]).

Важность даннаго преданія тѣмъ больше, что редакторъ главнаго сохранившагося лѣтописнаго свода вообще усиленно старался, въ интересахъ своей излюбленной тенденціи, упрочить въ лѣтописи сказаніе о княженіи Олега въ Кіевѣ и его смерти тамъ, указывая здѣсь даже мѣсто его могилы и съ явной тенденціозностью, дабы затушевать всѣ другія преданія объ Олегѣ, употребляя такую, напримѣръ, фразу подъ годомъ смерти Олеговой: «И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ» [2]),—фразу, кстати сказать, ясно говорящую о сочинительствѣ въ данномъ случаѣ лѣтописца съ опредѣленной, предвзятой цѣлью.

Уходъ Олега—послѣ похода въ Византію—изъ Кіевской Руси на сѣверъ—въ Ладогу или за море, разумѣется, Балтійское—можетъ, по нашему разумѣнію, имѣть одинъ лишь смыслъ: это сѣверный князь, временно и случайно изъ-за добычи попавшій на югъ, возвращается затѣмъ домой—восвояси, откуда вышелъ. А уходъ Олега на сѣверъ за море, т. е. въ Скандинавію, или хотя-бы въ Ладогу, скандинавскую Альдегію или Альдегіуборгъ [1]), въ связи съ прилагаемыми ему чертами воинственнаго, бродячаго князя, склоняютъ насъ видѣть въ нашемъ лѣтописномъ Олегѣ скандинавскаго витязя—конунга, участіе котораго въ жизни Руси—по крайней мѣрѣ Кіевско-Днѣпровской—лишь частный, непродолжительный сравнительно эпизодъ изъ богатой приключеніями жизни викинга.

---

1) См. „Новгородскую лѣтопись по синодальн. харатейн. сп.“, изд. Археогр. Комиссіи, СПБ, 1888 г., стр. 7, срв. приложеніе возстановленныхъ—древнѣйшаго Кіевскаго свода 1039 г. и Новгородскаго свода 1050 г. у Шахматова въ „Разысканіяхъ“ стр. 543, 612.

2) См. Лаврентьевскую лѣтопись въ упомин. изд. стр. 37.

3) Попытку В. Г. Ляскоронскаго, вопреки общему мнѣнію, объяснить Альдегіуборгъ въ смыслѣ Вышгорода—нельзя признать удачной,—см. „Ж. М. Н. Пр.“ 1913 г., май.

Названіе Олега въ договорѣ съ Византіей великимъ княземъ Русскимъ ничего еще не говоритъ противъ нашего предположенія: это или позднѣйшая вставка съ опредѣленной тенденціей [1]), или названіе переносное—поскольку Олегъ предводительствовалъ ратью, составившейся въ значительной своей части изъ извѣстной Византіи Руси,—да и договоръ къ тому-же имѣлъ въ виду прежде всего интересы болѣе близкой и извѣстной Руси, а не далекой Скандинавіи.

Въ такомъ случаѣ древнее лѣтописное преданіе наше объ уходѣ Олега на сѣверъ естественно сопоставить съ древне-скандинавскими сказаніями «Эдды» о героѣ «Helgi»,—какъ уже установлено [2]),—очень напоминающемъ нашего Олега и подобно ему совершающемъ свои походы въ южныхъ странахъ. При этомъ получаютъ свое значеніе и такія частности: приближенные и соратники Олега, судя по именамъ ихъ, отмѣченнымъ въ договорѣ съ Греками, всѣ почти Норманы и при томъ язычники; былинный нашъ богатырь Вольга или Волхъ, по всей видимости—варьирующій лѣтописную личность Олега, стоя въ связи съ древне-германскими сказаніями объ Ортнитѣ и Орваръ-Оддѣ, надѣленъ чертами сѣверно-русскими—новгородскими и обставленъ въ былинѣ деталями,

---

1) Въ настоящее время признается неполнота и порча текста нашихъ лѣтописныхъ договоровъ съ Византіей,—см. напр. у проф. М. А. Дьяконова „Очерки обществ. и государств. строя древней Руси"—стр. 19 по 2 изд., СПБ., 1908 г.

2) См. наприм., въ ст. М. Г. Халанскаго „Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ"—„Ж. М. Н. Пр." 1902 г., август. кн., и 1903 г., ноябр. кн., его-же „Отношеніе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ къ сказаніямъ объ Олегѣ Вѣщемъ"—„Ж. М. Н. Пр." 1911 г. сент. кн.; въ ст. „Мелкія замѣтки къ былинамъ" А. Н. Веселовскаго, „Ж. М. Н. Пр." 1890 г., март. кн., въ ст. И. Н. Жданова—„Ж. М. Н. Пр." 1894 г. март. кн., въ ст. С. К. Шамбинаго „Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ"—„Ж. М. Н. Пр." 1905 г., ноябр. кн. и др.

говорящими именно о Новгородской землѣ, какъ мѣстѣ составленія былины [1]),—и т. п.

Такимъ образомъ, у насъ есть рядъ данныхъ для того, чтобы, желая уяснить и осмыслить сколько-нибудь легендарно-туманную личность Олега, представить его не иначе какъ только норманско-скандинавскимъ конунгомъ или викингомъ, овладѣвшимъ въ извѣстной мѣрѣ русско-Новгородскимъ сѣвероМъ и временно и случайно, въ погонѣ за добычей, побывавшимъ на русскомъ югѣ—въ Кіевѣ и пробравшимся даже въ Византію [2]). При такомъ только пониманіи личности Олега является понятной и

---

1) См. упомин. выше статьи: Уаланскаго, Веселовскаго, Жданова, Шамбинаго и др., см. также въ „Курсѣ исторіи русской литературы" В. А. Келтуяла, ч. I, кн. I, СПБ, 1906 г., стр. 405, 407, 410 и др.

2) К. Тіандеръ, наприм., въ упом. кн. „Поѣздки Скандинавовъ въ Бѣлое море" (СПБ, 1906 г.) полагаетъ, что походъ Олега въ Царьградъ выдуманъ и что извѣстный договоръ его не стоялъ въ связи съ походомъ (см. 233 стр.). Это предположеніе Тіандера,—если только его можно принять,—еще болѣе освобождаетъ личность Олега отъ легендарныхъ чертъ, такъ какъ походъ въ Византію норманскаго викинга балтійско-днѣпровскимъ путемъ въ началѣ X в. стоитъ на границѣ достовѣрнаго и легендарнаго и есть во всякомъ случаѣ не больше какъ первая, случайная попытка подобнаго рода, еще не уяснившая вполнѣ возможности использованія „пути изъ Варягъ въ Греки" и имѣвшая реальныя послѣдствія десятилѣтіями позже; впрочемъ, въ половинѣ X вѣка при Константинѣ Багрянородномъ, судя по его словамъ (въ уп. переводѣ Ласкина „περὶ ἐθνῶν" стр. 70 и др), Новгородцы уже проникали въ Царьградъ, пользуясь этимъ путемъ (В. Г. Ляскоронскій не допускаетъ этого, иначе толкуя слово „Νεμογάρδας"—въ смыслѣ Вышгорода—см. апр. кн. „Ж. М. Н. Пр."—1913 г.); но объ использованіи всего этого балтійско-днѣпровскаго пути Скандинавами именно еще не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній за это время—до конца X в. (въ защиту дѣйствительности Олегова похода въ Византію см., наприм., спеціальную ст. Ламбина—„Ж. М. Н. Пр". 1873 г. іюльск. кн., и друг.).

дань, наложенная имъ на Новгородцевъ въ пользу «Варяговъ»—въ смыслѣ Норманов, иначе вызывающая массу хитроумныхъ толкованій, но въ концѣ концовъ все еще удовлетворительно не объясненная [1]).

Является вопросъ: какъ-же попалъ этотъ конунгъ въ Кіевъ и каково было его дѣйствительное отношеніе къ кіевскимъ дѣламъ?

Мы уже видѣли, что Олегъ, какъ мѣстный князь, рядомъ съ Игоремъ является въ Кіевѣ лишнимъ и совершенно непонятнымъ, пристроеннымъ сюда лѣтописцемъ, очевидно, лишь затѣмъ, чтобы выдержать цѣликомъ любимую, настойчиво имъ проводившуюся тенденцію о единой древней Руси и объ единствѣ княжескаго рода и вмѣстѣ съ тѣмъ не опустить изъ лѣтописи широко распространенной тогда народной легенды объ Олегѣ [2]).

Съ другой стороны трудно также принять и лѣтописный разсказъ объ обстоятельствахъ завладѣнія Олегомъ и Игоремъ Кіевомъ. По лѣтописцу, все это происходитъ какъ-то очень ужъ легко и просто: Олегъ и Игорь, какъ представители «законной» княжеской династіи, случайно—обманно убивъ Аскольда и Дира, безъ всякихъ недоразумѣній, eo ipso, т. е. въ силу самого убійства «самозванныхъ» князей, утверждаются въ Кіевскомъ княжествѣ. Но убить князя еще не значило овладѣть Кіевомъ, такъ какъ тамъ было еще вѣче, болѣе сильное, чѣмъ князь. Затѣмъ, убійцы Аскольда—это вѣдь чуждые Кіевской Руси Норманы, во всякомъ случаѣ пришлецы; невозможно допустить, чтобы Кіевляне сразу же безропотно имъ подчинились и столь же безропотно сносили чужеземное иго [3]) (тогда какъ, по лѣтописнымъ преданіямъ, даже

---

[1]) См. напр. объясненія Шахматова въ „Разысканіяхъ" стр. 329—333.

[2]) Срв. въ „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 315—319 и др.

[3]) Говорить тутъ о приглашеніи Норманов въ качествѣ лучшей защиты отъ враговъ въ цѣляхъ самообороны, какъ во-

хорошо знакомые съ Норманами и менѣе культурные Новгородцы и тѣ возставали противъ ихъ владычества); къ тому же Кіевляне уже имѣли нѣкоторые начатки собственной государственности, имѣли у себя до этого туземныхъ князей [1]), хорошо знакомы уже были съ болѣе близкими и болѣе культурными, чѣмъ Норманы, Хазарами и даже съ Византіей [2]).

Очевидно, дѣло съ убійствомъ Аскольда и Дира обстояло иначе, и роль норманскаго конунга Олега была иная, чѣмъ какую приписываетъ ему наша лѣтопись.

обще смотритъ С. А. Корфъ на появленіе у власти Норманов на Руси („Исторія русской государственности", СПБ, 1908 г., стр. 45 и др.), совершенно не приходится, такъ какъ лѣтопись очень ужъ опредѣлено указываетъ здѣсь не на мирное соглашеніе, а на борьбу именно—на военный захватъ Олегомъ Кіева и т. д.,—независимо отъ неестественности самого такого приглашенія.

1) Кромѣ данныхъ объ Аскольдѣ и Дирѣ, есть и другія свѣдѣнія о наличности у русскихъ Славянъ вообще туземныхъ князей въ древнюю пору; эти свѣдѣнія и лѣтописнаго и археологическаго характера—см., наприм., въ „Исторіи русской государственности" Корфа, стр. 47—48, также у Д. Щеглова въ упом ст., у Д. Я. Самоквасова и др.

2) С. А. Корфъ, напримѣръ, преувеличиваетъ степень культурности Норманов („Исторія русской государственности", стр. 52 и др.), также отчасти и А. А. Шахматовъ („Сказаніе о призваніи Варяговъ", СПБ, 1903 г., стр. 59—60 и др.); но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Кіеву, знакомому съ Хазарами и Византіей, нужно было учиться культурности и государственности у болѣе далекихъ Норманов, бывшихъ въ это время элементомъ еще бродячимъ, разбойничьимъ, гонявшимся лишь за легкой наживой и чуждымъ христіанства; рѣшающее значеніе въ разрѣшеніи подобнаго вопроса должно принадлежать историкамъ искусства, а ихъ заключеніе въ данномъ случаѣ не въ пользу культурности Скандинавіи, значительно, какъ видно, уступавшей въ IX—X в. в. и нашему Кіеву (см. напр. „Русскіе клады" академика Н. П. Кондакова, т. I, СПБ., 1896 г., стр. 29, 30—31, 45, 48, 52—53, 171—172 и др.), а тѣмъ болѣе его болѣе близкимъ сосѣдямъ.

XI.

Аскольдъ, принявшій христіанство и начавшій, видимо, вводить въ Кіевѣ въ связи съ этимъ религіозно-государственныя нововведенія, вызвалъ, конечно, противъ себя неудовольствіе Кіевлянъ, на что намекаетъ Іоакимовская лѣтопись, говоря, что Олегъ «слыша отъ Кіевлянъ жалобы на Оскольда» [1]). Образовалась, надо полагать, на защиту язычества и старыхъ порядковъ противная Аскольду сильная партія, которая, при недостаточной силѣ княжеской власти, и совершила въ Кіевѣ княжескій переворотъ въ пользу мѣстнаго-же представителя знатнаго рода, быть можетъ, даже родственника Аскольдова,—Игоря: по словамъ Іоакимовской лѣтописи, «блаженный Оскольдъ преданъ Кіевляны, и убіенъ бысть» [2]).

Въ этомъ переворотѣ, сопровождавшемся убійствомъ князя Аскольда, Кіевляне получили, повидимому, и внѣшнюю помощь—со стороны Норманско-Новгородскаго князя Олега или, по крайней мѣрѣ, использовали военное столкновеніе послѣдняго съ Аскольдомъ.

Поводомъ къ вмѣшательству Олега въ кіевскія дѣла могло послужить событіе, преданіе о которомъ сохранила Никоновская лѣтопись: «Оскорбишася Новгородцы, глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его»; въ связи съ этимъ «уби Рюрикъ Вадима

---

[1]) См. „Исторію Россійскую“ В. Н. Татищева, кн. I, ч. I, Москва, 1768 г., стр. 35.

[2]) Ibidem, 35 стр.

храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съвѣтниковъ его»; результатомъ всего этого было то, что «избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много Новогородцкыхъ мужей» [1]). Словомъ, спасаясь отъ непріятнаго норманскаго ига, шедшаго съ сѣвера, Новгородскіе Славяне, узнавая путь на югъ [2]), проникли и въ Кіевъ и тѣмъ привлекли сюда вскорѣ вниманіе и предпріимчиваго викинга Олега [3]), который затѣмъ двинулся съ дружиной въ походъ на югъ.

Съ другой стороны не невѣроятенъ до нѣкоторой степени интересъ къ новгородскимъ дѣламъ со стороны самого Аскольда, какъ это допускаетъ А. А. Шахматовъ [4]), такъ какъ намъ извѣстны попытки Аскольда вмѣшиваться въ дѣла сосѣднихъ племенъ—и въ частно-

---

1) См. въ уп. изд. Никоновской лѣтописи 1862 г. стр. 9.

2) Тутъ-то должно было произойти нѣкоторое столкновеніе Новгородскихъ Славянъ съ польскими племенами, жившими на пути Новгородцевъ къ югу—въ верхнемъ Поднѣпровьѣ и въ сосѣднихъ мѣстахъ, столкновеніе, приведшее затѣмъ къ связи ихъ между собою и отразившееся на зараженіи сѣверно-русскаго нарѣчія польскими діалектологическими особенностями,—о послѣднемъ см. напр. въ ст. Шахматова въ ж. „Славянство“ 1911 г. №№ 4—6.

3) Быть можетъ, Олегъ былъ воеводою Рюрика (если только можно принимать послѣдняго за историческую личность), или преемникомъ его, или просто искателемъ приключеній, явившимся изъ Скандинавіи въ Новгородъ съ дружиной и отсюда отправившимся искать добычи въ новыхъ мѣстахъ; нужно помнить, что въ норманско-новгородскомъ княжествѣ монархическій принципъ не могъ проводиться съ тою послѣдовательностью, какая представлялась пропитанному византійскими взглядами нашему лѣтописцу.

4) См. его „Сказаніе о призваніи Варяговъ“, СПБ, 1904 г., ст. 62 и др.,—отт. изъ „Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и сл. Импер. Академіи Наукъ“ 1904 г., т. IX, кн. 4. Впрочемъ, мы не особенно склонны вѣрить въ аггрессивность Аскольда по отношенію къ далекому Новгороду—въ виду еще неполнаго узнанія и использованія тогда „пути изъ Варягъ въ Греки“.

сти Кривичей-Полочанъ, имѣвшихъ, видимо, связи съ Новгородомъ.

Участіе Олега въ кіевскихъ дѣлахъ не было, конечно, завоеваніемъ имъ Кіева: это было и трудно для него, и совершенно ненужно, такъ какъ удержать за собою Кіевъ, при отдаленности послѣдняго отъ Новгорода и особенно Скандинавіи, онъ все равно не могъ; да и цѣлью походовъ подобнаго рода викинговъ было не болѣе, какъ пріобрѣтеніе хорошей себѣ добычи—«дани», а отнюдь не присоединеніе (къ чему?) новыхъ далекихъ городовъ и земель [1]). Принявши участіе въ домашнихъ кіевскихъ дѣлахъ,—оказавъ сознательно или нечаянно своею дружиною, стоявшею подъ Кіевомъ, поддержку Кіевлянамъ въ осуществленіи ихъ желанія—раздѣлаться съ ненавистнымъ народной массѣ христіаниномъ Аскольдомъ, котораго убили, конечно, «свои Игоревы» [2])—«злодѣи Игоревы [3])—сами Кіевляне,—Олегъ, видимо, соединился затѣмъ съ частью дружины новаго Кіевскаго князя Игоря и двинулся въ походъ на Византію [4]), которая должна была очень манить къ себѣ во-

---

[1]) Не нужно забывать тогдашняго культурно-политическаго состоянія Скандинавовъ и ихъ представленія о государствѣ.

[2]) Такъ гласитъ, быть можетъ, не случайно (не въ обычно принимаемомъ смыслѣ—„съ вои Игоревы“) подлинникъ Тверской лѣтописи—въ 15 т. „Полн. Собран. русскъ лѣтописей“, СПБ, 1863 г., стр. 33.

[3]) См. въ „Новгородской 1-й лѣтописи“, изд. Археогр. Комм., СПБ, 1888 г., стр. 5; въ данномъ мѣстѣ говорится, что, при встрѣчѣ Олега и Игоря съ Аскольдомъ и Диромъ, „выскакаша прочіи воины (думаемъ—чуждые, Олеговы) и злодіи Игоревы“ (см. прим. 12 на 5 стр.,—т. е. Кіевляне, составившіе во главѣ съ Игоремъ заговоръ противъ Аскольда), т. е. замѣтно обособляются, какъ и мы принимаемъ, двѣ группы Аскольдовыхъ враговъ: внѣшніе—воины Олега и внутренніе—заговорщики кіевскіе, на которыхъ явно намекаютъ слова о „злодѣяхъ“ или „злодіяхъ“ Игоревыхъ.

[4]) Конечно, если только достовѣренъ вполнѣ походъ именно Олега въ Византію.

браженіе предпріимчиваго норманскаго викинга, а Кіевлянамъ уже была давно и хорошо знакома.

Не имѣя никакой необходимости связывать себя лѣтописной хронологіей,—неточность которой нынѣ всѣми признается [1]),—и принимая во вниманіе явное и неудачное сочинительство лѣтописца о княженіи Олега въ Кіевѣ, мы время Кіевской катастрофы—замѣны Аскольда Игоремъ—склонны отнесть приблизительно къ указываемому лѣтописью моменту похода Олега на Царьградъ, заключенія имъ здѣсь договора и вокняженія въ Кіевѣ Игоря, т. е. приблизительно къ 907—912 г.г. и во всякомъ случаѣ ко времени послѣ Критскаго похода Византіи 902 г., въ которомъ принимали участіе и союзныя ладьи Руси,—по всей вѣроятности, во дни еще Аскольда.

Полагая, что ближайшей и главнѣйшей причиной сверженія и убійства Аскольда было принятіе имъ христіанства [2]) и мѣры къ его насажденію въ Кіевѣ—въ духѣ «крещенія огнемъ и мечомъ» [3]),—первую попытку водворенія христіанства въ Кіевѣ мы можемъ отнесть къ рубежу IX и X вѣковъ, допустивъ возможность связи ея, какъ явленія, вѣроятно, предшествующаго, съ участіемъ Руси въ Критскомъ походѣ 902 г. [4])

---

[1]) Въ ряду другихъ см. особенно работы академика А. А. Шахматова.

[2]) При тогдашнемъ характерѣ княжеской власти и при наличіи народовластія, князь, затѣявшій непріятную вѣчу реформу и неугодный народу, не могъ долго продержаться на престолѣ.

[3]) Указаніе Іоакимовской лѣтописи на то, что Кіевляне жаловались Олегу на Аскольда, скорѣе всего можетъ быть поставлено въ связь съ религіозной реформой Аскольда и мѣрами ея насажденія, см. упом. стр. 35 исторіи Татищева.

[4]) Никоновская лѣтопись второе крещеніе Руси во второй половинѣ IX в. относитъ къ 876 г. и этимъ какъ-бы указываетъ на крещеніе Кіевскаго Аскольда, происшедшее послѣ Тмутараканскаго крещенія вслѣдъ за 860 г., но врядъ-ли можно довѣриться этой лѣтописной хронологіи вполнѣ.

XII.

Предыдущее изслѣдованіе уже подготовило насъ къ принятію той мысли, что странный узелъ противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ лѣтописныхъ показаній объ Олегѣ и Игорѣ естественнѣе всего распутать такимъ образомъ: это два совершенно чуждыхъ, только союзныхъ [1]), князя двухъ совсѣмъ отдѣльныхъ и даже обособленныхъ княжествъ—норманъ Олегъ, господствовавшій (возможно, что лишь нѣкоторое время) въ Новгородскомъ княжествѣ, воинственный и предпріимчивый предводитель норманской вольницы, не связанный съ опредѣленной землей, не склонный къ осѣдлости и искавшій лишь случайной наживы, и рядомъ съ нимъ—его современникъ,—повидимому, младшій,—туземный князь Кіевской Руси Игорь, славянинъ, не особенно предпріимчивый [2]), но по срав-

1) Взаимныя отношенія Олега и Игоря мы называемъ союзными лишь приблизительно. Возможно, что былъ моментъ, когда Игоръ чувствовалъ себя „подъ рукою" Олега, но моментъ этотъ не могъ быть продолжительнымъ—уже хотя-бы въ силу самого характера военной дѣятельности норманскаго викинга Олега.

2) Грушевскій пытается идеализировать Игоря, ставя ему въ заслугу, что онъ не далъ разрушиться установленному на Руси Олегомъ государственному строю, не смотря на шаткость послѣдняго (см. „Історію Украіни-Руси", т. I, стр. 398); однако дѣятельность Олега по устроенію государства русскаго принадлежитъ больше къ области фантастическаго и плохо вяжется съ обычнымъ научнымъ представленіемъ о тогдашней Руси, ея князьяхъ, ихъ роли, о русскомъ „государствѣ" того времени

ненію съ Олегомъ гораздо больше связанный съ своею родною волостью, нѣсколько знакомый уже съ княжескими функціями—не только военачальника и защитника волости, но также судьи и правителя [1]),—родоначальникъ новой Кіевской княжеской династіи, каковымъ онъ, «старый» Игорь, повидимому, и былъ въ представленіи Кіевлянъ XI вѣка [2]).

Интересный моментъ встрѣчи Руси Кіевской съ представителями норманско-новгородскаго сѣвера,—союза Игоря съ Олегомъ,—не нашелъ-ли себѣ отраженія,—претерпѣвшаго, конечно, позднѣйшія наслоенія,—въ былинномъ разсказѣ о встрѣчѣ Вольги, дружинника-нормана, съ Микулой Селяниновичемъ, поселяниномъ-пахаремъ изъ Кіевской Руси [3])?

вообще; неудачи-же Игоря намъ извѣстны, равно какъ и полупренебрежительное отношеніе къ нему дружины, вызывающей, по лѣтописи, въ Игорѣ соревнованіе со Свѣнельдомъ.

[1]) Срв. данныя, приведенныя, напр., у Корфа—„Исторія русской государственности", стр. 53.

[2]) См. произведенія XI в., приписываемыя митрополиту Иларіону и Іакову Мниху, знающія въ качествѣ предковъ св. Владиміра лишь „старого Игоря" и Святослава; впрочемъ, противъ отнесенія къ XI в. второго изъ нихъ—Іакова (въ защиту древности его Голубинскій и Шахматовъ) выступилъ А. И. Соболевскій—„Ж. М. Н. Пр." 1888 г. іюн. кн. и „Христіанское Чтеніе" 1890 г. кн. майск.—іюн. Проф. С. А. Корфъ готовъ усомниться въ томъ, что Святославъ былъ сыномъ Игоря, и родоначальника такъ называемыхъ „Рюриковичей" видитъ лишь въ Святославѣ (см. въ „Исторіи русской государственности", стр. 61), но онъ выпускаетъ изъ виду, что Игоря и Святослава знали современные греки и перваго считали отцомъ второго (см. „Исторію Льва Діакона Калойскаго", русск. перев. Д. Попова, СПБ., 1820 г., стр. 89 и др.).

[3]) Связь Вольги съ Олегомъ очевидна и обычно признается; что-же касается „причины, по которой Микула всего чаще соединенъ съ Вольгой", то она обычно вызываетъ недоумѣ-

Представленіе о существованіи въ Кіевѣ довольно давней туземной княжеской власти [1]), постепенно все болѣе здѣсь укрѣплявшейся и упрочивавшей свое значеніе въ земскихъ дѣлахъ, и съ другой стороны—принятіе въ Новгородѣ господства въ это время пришлыхъ норманскихъ конунговъ, благодаря близости Скандинавіи часто сюда совершавшихъ набѣги и временами властвовавшихъ здѣсь [2]), но именно въ роли—чуждой, чисто военной силы, интересовавшейся лишь данями и наживой [3]),—эти мысли, подтверждаемыя неоднократными лѣтописными намеками и стоящія въ связи съ выясненіемъ взаимныхъ отношеній Олега и Игоря, помогаютъ намъ уяснить вмѣстѣ съ тѣмъ и особенности послѣдующей политической жизни Кіева,—допустившаго у себя затѣмъ усиленіе, въ связи, очевидно, со старой традиціей, княжеской власти,—и Новгорода,—гдѣ процвѣталъ вѣчевой порядокъ, не созданный, разумѣется, совершенно вновь привиллегіями Ярослава Мудраго, но гораздо раньше его привыкшій обходиться безъ прочной мѣстной княжеской власти и княжескаго вмѣшательства въ земскія дѣла [4]).

Отношенія Олега и Игоря были лишь случайнымъ, временнымъ и непрочнымъ пока соприкосновеніемъ двухъ

ніе и объясняется случайностью,—см., напр., упом. ст. С. К. Шамбинаго „Ж. М. Н. Пр." 1905 г. ноябр. кн.

[1]) Приблизительно съ первой половины IX в.

[2]) На что указываетъ и лѣтопись наша.

[3]) На это тоже есть указаніе въ нашей лѣтописи.

[4]) Попытка Прѣснякова („Княжое право въ древней Руси" СПБ., 1909 г.) поставить княжескую власть древней Руси въ положеніе силы активной, организующей города, можетъ быть еще до извѣстной степени пріемлемой именно лишь въ отношеніи Руси Кіевской, издавна имѣвшей туземнаго князя,—и только при такомъ представленіи вещей понятна; по отношенію же къ „варяжскимъ" князьямъ, чуждымъ викингамъ, преслѣдующимъ лишь наживу и дань,—въ освѣщеніи самого Прѣсн я кова,—она совершенно недопустима.

отдѣльныхъ, обособленныхъ исторически земель- Кіевской Руси и Новгородской области, попавшей въ зависимость отъ Норманновъ. Какъ при Олегѣ и Игорѣ, такъ и послѣ нихъ Кіевская Русь и Новгородская область продолжаютъ, смѣемъ думать, жить нѣкоторое время своей независимой, обособленной жизнью, лишь время отъ времени—и постепенно все больше—другъ съ другомъ соприкасаясь.

Въ этомъ смыслѣ является знаменательнымъ упорное и глубокое молчаніе нашей лѣтописи о событіяхъ новгородской жизни за все время съ 882 по 970 г.г. Вѣдь по традиціонному взгляду выходитъ, что Новгородъ, —этотъ отдѣльный отъ южной Руси, большой и свободолюбивый городъ, жившій ранѣе и позже своею обособленной жизнью,—вдругъ въ эпоху 882—970 г. г. утратилъ всякое политическое значеніе и свою самостоятельность и обособленность, спокойно и безропотно отдавъ себя подъ власть далекаго Кіева—и безъ всякой основательной къ тому причины.

С. А. Корфъ, напримѣръ, пытается объяснить положеніе Новгорода послѣ ухода оттуда Олега такимъ образомъ: «Послѣ смерти Рюрика и ухода Олега на югъ, въ Новгородѣ временно не было ни одного выдающагося варяжскаго предводителя»,—въ виду этого онъ допускаетъ, что тогда «за Олегомъ могло сохраниться номинальное начальство и надъ новгородскимъ варяжскимъ гарнизономъ», результатомъ чего была извѣстная дань Новгородцевъ [1]).

Но, во-первыхъ, дань тамъ теперь, по лѣтописи, платилась Варягамъ, а не Кіеву, котораго во всякомъ случаѣ нельзя назвать варяжскимъ городомъ; во-вторыхъ, странно было-бы, еслибы побѣдитель—Новгородъ вдругъ сталъ бы платить дань покоренному Кіеву, такъ какъ вѣдь по

1) „Исторія русской государственности" стр. 53; впрочемъ, авторъ готовъ считать Олега и вполнѣ миѳической личностью.

лѣтописи выходитъ, что новгородскіе Олегъ и Игорь покорили себѣ Кіевъ; въ-третьихъ, совершенно непріемлемой должна быть мысль, что князь норманскій могъ издалека—изъ Кіева—номинально командовать «новгородскимъ гарнизономъ»: это при дальности разстоянія въ то время,—время постоянныхъ набѣговъ и погони за данью и наживою, при разъединенности Кіева и Новгорода промежуточными племенами, когда, какъ признаетъ и самъ профессоръ Корфъ, никакого единаго русскаго государства не было и не могло быть и князь не былъ еще связанъ съ землей прочной связью [1]).

Между тѣмъ въ 970 г. Новгородъ, по лѣтописи, вдругъ неожиданно просыпается отъ столѣтней почти спячки и—опять по неизвѣстной причинѣ—начинаетъ требовать себѣ особаго князя. Безропотно примириться съ лѣтописными показаніями или, лучше сказать, съ лѣтописнымъ молчаніемъ о жизни Новгорода въ концѣ IX—X в.в.—значитъ отказаться совершенно отъ желанія осмыслить явленія нашей древней исторической жизни.

Если въ наукѣ констатировано уже тенденціозное отношеніе нашего лѣтописца къ изображаемымъ имъ событіямъ, если признается, что подъ вліяніемъ византійскомонархическаго принципа лѣтописецъ позволялъ себѣ довольно свободно, сообразно со своимъ разумѣніемъ и любимыми своими тенденціями, обращаться съ историческими событіями, говорившими, напримѣръ, противъ усвоенной имъ идеи единства древней Руси и единства княжескаго въ ней рода [2]),—то вполнѣ понятно, почему лѣтописецъ совершенно умолчалъ о новгородскихъ событіяхъ конца IX—X вѣковъ. Авторъ извѣстнаго намъ лѣ-

[2]) Ibidem, 57, 79 и др. стр.

1) См. упом. ст. С. А. Корфа „Ж. М. Н. Пр." 1909 г. іюл. кн., упомин. „Разысканія" Шахматова и др.

тописнаго свода, очевидно, просто вычеркнулъ эти событія, потому что они слишкомъ опредѣленно говорили противъ—отмѣченной только что—его тенденціи. О Новгородѣ лѣтописецъ вновь заговорилъ лишь тогда, когда тотъ дѣйствительно сталъ въ извѣстной мѣрѣ признавать власть Кіевскаго князя, т. е. когда историческіе факты новгородской жизни могли безъ особой натяжки быть примирены съ идеей единой Руси и единой въ ней династіи, а произошли подобныя, благопріятныя точкѣ зрѣнія лѣтописца, событія, какъ увидимъ, лишь при Святославѣ—въ третьей четверти X вѣка, съ какового момента, дѣйствительно, новгородскія событія опять появляются на страницахъ нашей лѣтописи.

Есть и письменное свидѣтельство объ отдѣльномъ, обособленномъ отъ Кіевской Руси, существованіи Новгородской земли въ первой половинѣ и около средины X вѣка. Кіевскую Русь опредѣленно отличаетъ отъ Новгородской земли Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи „Περὶ ἐθνῶν", написанномъ около половины X вѣка: Новгородская земля у него—это «внѣшняя Русь» [1]), совершенно отдѣльная отъ Кіевской Руси, имѣющая и своего особаго князя; таковымъ былъ, по словамъ Багрянороднаго, «Святославъ, братъ Игоря, князя Руси» Кіевской [2]).

---

[1]) Такъ какъ Багрянородный „Νεμογαρδάς" или „Νεόγαρδας" опредѣленно относитъ къ Руси именно внѣшней („τῆς ἔξω Ρωσίας"), то попытка В. Г. Ляскоронскаго объяснить это названіе не въ смыслѣ Новгорода, а какъ Вышгородъ Кіевскій,—см. ст. его въ „Ж. М. Н. Пр." 1913 г. въ апрѣл. кн.,—не можетъ быть признана удачной—тѣмъ болѣе, что тамъ-же, вслѣдъ за „Νεμογαρδάς" упоминается и Вышгородъ—„Βουσεγραδέ".

[2]) См. въ упом. переводѣ Г. Ласкина въ „Чтен. въ Общ. Исторіи и Др. Р." 1899 г. кн. I, стр. 70 ; есть текстъ, давшій В. Г. Ляскоронскому („Ж. М. Н. Пр." 1913 г. апрѣл. кн.) поводъ безъ оговорокъ привесть это мѣсто въ такомъ видѣ—

Кто такой этотъ Святославъ и какъ онъ попалъ въ Новгородскіе князья, опредѣлить трудно. Быть можетъ, это былъ временный захватъ Новгородскаго княжества роднымъ братомъ или близкимъ родственникомъ Игоря, или же—скорѣе—это былъ новгородскій же князь—только родственникъ или свойственникъ Игоря Кіевскаго [1]). Во всякомъ случаѣ, думаемъ, менѣе всего здѣсь можно принимать Святослава, сына Игорева [2]): ко времени написанія Константиномъ Багрянороднымъ даннаго сочиненія (приблизительно 949—952 г.г.) Святославъ уже считался княземъ Кіевскимъ—лишь подъ опекою Ольги; въ этомъ своемъ значеніи онъ врядъ-ли могъ быть неизвѣстенъ любознательному Византійскому императору и не отмѣченъ былъ-бы имъ болѣе опредѣленно—какъ въ смыслѣ точнаго указанія его родства съ Игоремъ, такъ и относительно его княженія въ Кіевѣ,[3])—что при близкихъ въ то время сношеніяхъ Руси съ

„Святославъ, сынъ Игоря, правителя Руси", но этотъ текстъ, повидимому, явился уже въ результатѣ желанія уяснить и осмыслить подлинное мѣсто Багрянороднаго, сблизивъ его съ извѣстными историческими фактами.

[1]) Въ силу отмѣчаемаго въ слѣдующей главѣ родства этихъ обѣихъ династій—въ такомъ случаѣ это могъ быть Свѣнельдъ,—рѣчь о которомъ впереди—въ гл. XIV,—имя, другая форма котораго извѣстна—"Святольдъ" (см. „Разысканія" Шахматова, стр. 672), близкая къ имени „Святославъ", по—гречески кстати употребленнаго Багрянороднымъ такъ—„Σφενδοσθλάβος", что очень близко къ разночтеніямъ имени Свѣнельда (еще—Свентгельдъ, Свентельдъ), при томъ-же возможно тутъ нѣкоторое измѣненіе Багрянороднымъ чуждаго имени.

[2]) Какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Иловайскій, за нимъ принимаетъ Ласкинъ, Ляскоронскій и др.

[3]) Здѣсь употреблена форма прошедшаго несовершеннаго „Ἐκαθέζετο"—относительно пребыванія Святослава въ Новгородѣ, понимаемая обычно въ смыслѣ настоящаго,—въ такомъ случаѣ она совершенно неприложима къ Святославу Игоревичу, въ то время сидѣвшему уже въ Кіевѣ.

Византіей, недавнемъ договорѣ Игоря и ежегодныхъ поѣздкахъ въ Константинополь русскихъ торговыхъ каравановъ — было вполнѣ доступно Багрянородному [1]); затѣмъ княженіе Святослава Игоревича въ Новгородѣ было-бы не пропущено, а скорѣе отмѣчено и даже подчеркнуто лѣтописцемъ, какъ фактъ для его взглядовъ благопріятный—въ смыслѣ указанія на подчиненіе Новгорода Кіеву и его князю; наконецъ, такое княженіе Святослава Игоревича въ Новгородѣ—видимо еще при жизни Игоря—прямо противорѣчитъ всѣмъ лѣтописнымъ даннымъ—о возрастѣ въ то время Святослава, о регентствѣ за его малолѣтствомъ Ольги, о самостоятельной дѣятельности Ольги въ роли правительницы при малолѣтнемъ Святославѣ и т. п.

Принимая такимъ образомъ отдѣльное, самостоятельное по отношенію къ Кіеву существованіе Новгорода и его земли въ ту эпоху, мы стоимъ на исторической почвѣ, такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру тогдашняго строя Руси: древняя Русь IX—X в.в. жила отдѣльными волостями или землями, мало обнаруживая стремленія и способности къ объединенію: князья по волостямъ являлись скорѣе въ роли военно-полицейскихъ стражей своихъ земель, чѣмъ правителей, и больше интересовались захватомъ добычи—грабежомъ, чѣмъ какимъ-то непонятнымъ имъ еще въ ту пору собираніемъ отдѣльныхъ земель и племенъ въ одну Русь; эти земли

1) См. въ упом. сочиненіи Багрянороднаго „Περὶ ἐθνῶν“, тотъ-же переводъ Ласкина—„Чтен. въ Обществ. Истор. и Др. Р.“ 1899 г. кн. I; Святославъ тѣмъ болѣе долженъ былъ быть извѣстенъ Багрянородному, что имя его, какъ сына Игоря, упоминается въ Игоревомъ договорѣ съ Византіей, заключенномъ нѣсколько ранѣе написанія сочиненія „О народахъ“—при томъ же императоръ—самомъ Багрянородномъ, да и съ Ольгой, матерью Святослава, этотъ императоръ имѣлъ дѣла и даже лично встрѣчался.

и племена существовали до князей и помимо нихъ, и послѣдніе очень медленно и постепенно переходили на положеніе болѣе или менѣе самостоятельныхъ отъ вѣча и земскихъ правителей [1]).

Поэтому и въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками упоминаются рядомъ съ ними другіе князья, которые были лишь «подъ рукою»—очевидно, временно—болѣе сильнаго князя, независимо отъ внутренней жизни той или другой волости. Изъ лѣтописи извѣстны и имена нѣкоторыхъ изъ такихъ князей, случайно въ ней уцѣлѣвшія: Рогволодъ Полоцкій, Туръ въ Туровѣ, Малъ (Мистиша) Древлянскій, Ходотъ Вятичскій, вѣроятно—Свѣнельдъ. Во всякомъ случаѣ тотъ «фактъ стоитъ внѣ сомнѣнія въ современной наукѣ, что власть Рюрика и первыхъ Рюриковичей не распространялась на всѣхъ восточныхъ Славянъ, а лишь на нѣкоторыя племена и нѣкоторыя волости» [2]).

Что-же касается Новгорода именно, то любопытно, что Игоревъ договоръ съ Византіей, перечисляя разные крупные торговые города Руси, вовсе не называетъ Новгорода, хотя это былъ, безъ сомнѣнія, и тогда очень крупный торговый городъ, большой центръ жизни мно-

---

1) См., напримѣръ, въ ст. Д. Щеглова „Первыя страницы русской исторіи“—„Ж. М. Н. Пр.“, 1876 г.—преим. майск. кн., упом. ст. С. А. Корфа—„Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г. іюл. кн. и въ „Исторіи русской государственности“ его-же, въ “Русскихъ юридическихъ древностей“ В. И. Сергѣевича, т. I, СПБ, 1890 г. стр. 1, 84 и др., въ 1 т. „Курса Русской исторіи“ Ключевскаго, въ 1 т. „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ М. Н. Покровскаго (Москва, новое изданіе—годъ не обозн., стр. 114, 119 и др.) и пр.

2) См. у С. А. Корфа въ уп. ст. „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г. Іюл. кн., срв. ст. Н. П. Ламбина въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1873 г. іюльск. кн., стр. 122 и др., въ упом. ст. Д. Щеглова „Ж. М. Н. Пр.“ 1876 г., майск. кн., и др.

Institute of Mediaeval Studies

гочисленнаго племени, и около того времени, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, завелъ уже торговыя сношенія съ Византіей [1]).

Обособленность Новгорода, столь пышно, какъ извѣстно, расцвѣтшая въ XII—XIV в.в., не была, очевидно, явленіемъ новымъ, въ эту лишь эпоху появившимся. Новгородъ, какъ мы уже видѣли, издавна, съ самаго начала исторіи Руси, жилъ отдѣльной, одно время (IX в.) совсѣмъ изолированной, особенной отъ Кіевской Руси жизнью, испытывая иныя культурныя вліянія, и эта обособленность его въ большей или меньшей степени тянулась затѣмъ вѣка и, между прочимъ, существовала и въ X—XI в.в., увлекая въ эту пору Владиміра Святого и затѣмъ его сына Ярослава, проникавшихся мѣстнымъ новгородскимъ патріотизмомъ и особымъ, отличнымъ отъ кіевскаго, духомъ, при чемъ Ярославъ отказывался даже отъ дани Кіеву, несмотря на то, что тамъ сидѣлъ родной его отецъ [2]).

Чѣмъ-же вызвана была на зарѣ нашей исторіи эта особая изолированность, оторванность двухъ племенъ одной Руси—сѣверно-Новгородской Руси отъ Руси Кіевской, несомнѣнно существовавшая въ IX—началѣ X в.в. и послѣ сказывавшаяся?

По нашему мнѣнію, прекрасный отвѣтъ на этотъ во-

---

1) Въ упом. переводѣ Ласкина стр. 70 и слѣд.

2) Въ связи съ этой именно первоначальной продолжительной особностью политической жизни Новгорода отъ Кіева можно объяснить и то обстоятельство, что Камскіе Болгары, издавна—въ IX—X вв. ведшіе большую торговлю волжскимъ путемъ съ сѣверно-русскими племенами и въ частности и въ особенности съ Новгородомъ, лишь въ 1006 г., какъ видно изъ лѣтописи, встрѣтили надобность заключить торговый договоръ съ Кіевскимъ княземъ о свободной торговлѣ по Волгѣ и Окѣ—очевидно, потому, что только къ этому времени почувствовалась зависимость Новгорода и прилегающихъ сѣверно-русскихъ земель—по Волгѣ и дальше—по Окѣ отъ Кіева.

просъ даетъ утвержденіе академика А. А. Шахматова, полагающаго, что въ VII—VIII в.в. «средняя Россія колонизуется польскими племенами, осаживающимися по верхнимъ притокамъ Днѣпра, по верхнему теченію Волги, по Окѣ» [1]). Очевидно, вотъ эти польскія племена—Радимичи и ихъ сородичи—и послужили тѣмъ клиномъ, который глубоко врѣзался между сѣверной и южной Русью около VIII в. и разъединилъ ихъ совершенно-приблизительно до начала и даже половины X в., при чемъ это разъединеніе имѣло важныя послѣдствія для формировки особенностей за это время той и другой Руси и для послѣдующей исторіи ихъ. А покореніе Радимичей Кіевомъ произошло, между прочимъ, уже около 984 г. [2]).

Эта обособленность Новгорода отъ Кіева и отдаленность его отъ культурно-христіанскаго, говоря вообще, юга оставили Новгородъ надолго сравнительно внѣ христіанскаго воздѣйствія, такъ какъ близкіе сосѣди Новгорода, стоявшіе въ дѣятельныхъ съ нимъ сношеніяхъ,—Норманы изъ Скандинавіи, хотя первыя сѣмена христіанства получили еще въ IX в., но сколько-нибудь прочно утвердились въ христіанствѣ лишь въ XI—XII в. в., т. е. послѣ нашего Владиміра Святого и происшедшаго при немъ крещенія Руси. Отсюда-то и получается тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что Норманы и Новгородцы играютъ въ нашей древней исторіи роль силы языческой, оплота язычества, неоднократно и дѣятельно помогающаго Кіевской языческой партіи противъ зарождающагося здѣсь христіанства.

Первый такой случай поддержки норманско-новго-

---

1) Въ уп. ст. въ ж. „Славянство“ 1911 г.

2) Вопреки Шахматову, мы принимаемъ эту лѣтописную цифру, такъ какъ совершенно не допускаемъ покоренія Радимичей Кіеву легендарнымъ, чуждымъ Олегомъ (см. въ ж. „Славянство“ 1911 г. №№ 4—6, стр. 27—28 уп. ст.).

родскою дружиною языческой партіи въ Кіевѣ имѣлъ мѣсто, какъ уже указывалось, при попыткѣ Аскольда стать на сторону христіанства. Однако этотъ случай былъ не единственнымъ,—за нимъ слѣдовали другіе—подобные.

XIII.

Бывшія въ нашемъ распоряженіи данныя позволили намъ принять въ IX вѣкѣ полную особность жизни Новгородско-Словенской области и Кіевской Руси, стоявшихъ подъ разными культурно-политическими вліяніями, изолированныхъ промежуточными племенами и потому и не знавшихъ вовсе торговаго пути «изъ Варягъ въ Греки» въ полномъ его оборотѣ, т. е. собственно соединенія сѣверной и южной его части. На рубежѣ IX и X вѣковъ эта полная изолированность была нарушена: сперва Новгородцы, бѣжавшіе послѣ возстанія отъ непріятнаго имъ норманскаго ига, потомъ норманскій конунгъ Олегъ—проторили путь изъ Новгорода въ Кіевъ и завязали между этими русско-славянскими центрами вновь первыя, еще непрочныя, сношенія.

Политическій союзъ—на тѣхъ или другихъ началахъ—Олега съ Игоремъ, заключенный во время совмѣстной борьбы ихъ противъ Аскольда, былъ, можно думать, закрѣпленъ брачнымъ союзомъ: именно Игорь женился на Ольгѣ или Эльгѣ [1]), самое имя которой, во-первыхъ, по своему почти полному созвучію указываетъ на ея тѣснѣйшую родственную связь съ Олегомъ, а, во-вторыхъ, на ея норманско-скандинавское происхожденіе [2]). Недаромъ

---

1) „Ὄλγα" называетъ её Константинъ Багрянородный, лично съ нею бесѣдовавшій, а это имя несомнѣнно норманское и, между прочимъ, въ данномъ случаѣ невольно переноситъ нашу мысль къ сказанію „Эдды" о женитьбѣ „Helgi" норвежскаго на „Helga" датской.

2) Гедеоновъ (см. „Варяги и Русь", ч. I, СПБ, 1876 г. стр. 212—213), доказывая славянское происхожденіе Ольги,

и въ лѣтописи утвердилось преданіе объ ея сѣверномъ происхожденіи. Съ нашимъ предположеніемъ гармонируетъ—и несомнѣнно продолжительное языческое состояніе Ольги, и ея мужественный, отважный, предпріимчивый и рѣшительный хатактеръ, который отъ нея передался и ея сыну—Святославу, непожему на отца—Игоря, родившемуся въ семьѣ Кіевскаго князя и имѣвшему имя славянское, а между тѣмъ получившему характеръ норманскаго викинга, вѣчно скитавшагося въ погонѣ за добычею по походамъ.

Предположеніе о болгарскомъ или тмутараканскомъ происхожденіи Ольги [2]) падаетъ уже по тому самому, что въ началѣ X вѣка болгарская или тмутараканская

тѣмъ не менѣе допускаетъ подобныя нашимъ предположенія о томъ, что бракъ Игоря и Ольги былъ, вѣроятно, заключенъ по политическимъ соображеніямъ и что въ данномъ случаѣ произошло, должно быть, сліяніе двухъ династій-туземной и пришлой; только онъ считаетъ Игоря пришлымъ княземъ, а Ольгу дочерью туземнаго князя,—но зачѣмъ тогда было посылать за туземной княжной такъ далеко—во Псковъ, какъ утверждаетъ Гедеоновъ,—Псковъ, о политической роли котораго въ данное время мы ничего не знаемъ,—когда туземные князья были гораздо ближе по разстоянію къ Кіеву и въ политическомъ отношеніи для Кіевскаго князя важнѣе? Имя и характеръ Ольги и характеръ Игоря говорятъ противное доводамъ Гедеонова.

[2]) См. такое предположеніе у архим. Леонида „Русск. Старина"— „Откуда родомъ была св. вел. кн. Ольга"—1888 г. іюн. и „Кіев. Старина" 1889 г. окт.,—срв. ст. проф. И. И. Малышевскаго—въ „Кіевск. Старинѣ" 1889 г. іюл. и авг. кн.— „Происхожденіе русск. вел. кн. Ольги св.", приписывающаго Ольгѣ варяжско-норманское происхожденіе; въ самое послѣднее время этого вопроса коснулись на стр. „Ж. М. Н. Пр."—проф. С. А. Корфъ, высказавшійся въ пользу норманскаго ея происхожденія (февр. кн. 1912 г. „Древлянскій князь Малъ") и С. Н. Сыромятниковъ, отстаивающій ея славянское происхожденіе (іюльск. кн. 1912 г. „Древлянскій князь и варяжскій вопросъ").

княжна врядъ-ли могла быть язычницей и была-бы скорѣе всего христіанкой или, по крайней мѣрѣ, смолоду склонной къ нему,—чего мы не можемъ допустить относительно Ольги—какъ по нѣкоторымъ фактамъ ея жизни, такъ и изъ несомнѣннаго твердаго пребыванія въ язычествѣ Игоря, попавшаго на Кіевскій столъ при поддержкѣ языческой партіи и потому не могшаго искать себѣ жену въ христіанскихъ или полухристіанскихъ странахъ.

Игорь, утвердившійся на Кіевскомъ княжествѣ послѣ убійства христіанина Аскольда и сокрушенія его попытки насадить здѣсь христіанство, былъ несомнѣннымъ язычникомъ, нисколько не помышлявшимъ о христіанствѣ. Думать о томъ, что Игорь былъ какимъ-то «внутреннимъ христіаниномъ», сочувствовавшимъ христіанству, покровительствовавшимъ христіанамъ и лишь боявшимся принять крещеніе,—какъ это допускаетъ Е. Е. Голубинскій,—мы не имѣемъ никакихъ основаній.

Прежде всего совершенно несообразно съ тогдашнимъ культурно-духовнымъ состояніемъ представителей Кіевской Руси вообще говорить объ ихъ «внутреннемъ христіанствѣ». Христіанство къ такимъ народамъ, какъ наша Русь X вѣка, проникало обычно не вслѣдствіе глубокаго внутренняго убѣжденія новообращенныхъ, внутренней перестройки міросозерцанія, адэкватнаго усвоенія ими сути христіанской истины; нѣтъ, оно стучало въ душу грубаго славянина путемъ по преимуществу чисто внѣшнимъ, дѣйствуя на его воображеніе, вызывая интересъ къ болѣе культурной и болѣе въ матеріальномъ отношеніи интересной жизни исповѣдниковъ христіанскаго Бога [1]), и лишь затѣмъ уже для иныхъ изъ нихъ шелъ путь постепеннаго усвоенія христіанства въ мѣру разумѣнія.

---

1) Срв., напр., упом. ст. проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля „Ж. М. Н. Пр." 1908 г. март. кн.

«Внутренняго христіанства», сдерживаемаго подъ напоромъ внѣшняго противодѣйствія, у представителей Руси въ X вѣкѣ предполагать невозможно — противно духу эпохи и степени развитія народа. Внутреннее христіанство русскими христіанами X—XI вв. усваивалось очень туго и то уже послѣ продолжительнаго внѣшняго въ немъ пребыванія; мысль русскаго христіанина, крестившагося по внѣшнимъ побужденіямъ, и много лѣтъ послѣ Владиміра Святого устремлялась преимущественно на внѣшне-обрядовую сторону религіи, плохо проникая во внутреннее ея содержаніе [1]). Поэтому совершенно отказываемся понимать, о какомъ «внутреннемъ христіанствѣ» Игоря можно говорить.

Да и откуда видно сочувствіе Игоря христіанамъ и христіанству? Изъ договора съ Византіей, отвѣчаетъ Голубинскій, строящій на этомъ договорѣ цѣлое зданіе широкаго знакомства Руси половины X вѣка съ христіанствомъ [2]).

Однако въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайнымъ расширеніемъ смысла показаній Игорева договора 944 или 945 г. То правда, что въ договорѣ есть указаніе на наличность среди лицъ, являвшихся представителями Руси при заключеніи договора, такихъ, кои «крещеніе пріяли». Но отсюда еще далеко до широкихъ

---

1) См., напр., знаменитое „Вопрошаніе Кириково",—срв. глубокій интересъ въ XI—XII в.в. на Руси къ вопросу о постѣ въ среду и пятокъ и ожесточенную борьбу изъ-за него и т. п.

2) Удивительно, какъ допускаетъ широкое распространеніе христіанства на Руси до Владиміра—отъ частной миссіонерской пропаганды—Голубинскій, который самъ въ другихъ мѣстахъ своей исторіи говоритъ о плохомъ, число внѣшнемъ усвоеніи христіанства Русью въ XI в. и—нѣсколько преувеличенно—совершенно отрицаетъ распространеніе научнаго образованія и даже самую возможность такового въ домонгольской Руси (см., напр., въ 1-й пол. 1 т. первый отдѣлъ главы 4-ой, а также во 2 пол. того-же 1 т.).

выводовъ и обобщеній. Вѣдь во-всякомъ случаѣ договоръ рѣшительно противополагаетъ вообще «русина», какъ принадлежащаго къ массѣ языческой, «христіанину» — подданному Византіи,— очевидно, въ силу того, что, въ ту пору понятія «русинъ» и «язычникъ» были синонимами: «Аще убьетъ Хрестеянинъ (подданный Византіи) Русина, или Русинъ Хрестеянина» говорится, напримѣръ, въ договорѣ, или такъ: «Елико хрестеянъ отъ власти нашея (подданныхъ Византіи) плѣнена приведутъ Русь», чему противополагается — «Аще ли обращются Русь работающе у Грековъ» [1]).

Ту-же мысль о жителяхъ Руси, какъ о глубокихъ язычникахъ, одномъ изъ «невѣрныхъ и презрѣнныхъ народовъ» [2]), неоднократно повторяетъ и современный Игореву договору Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный, имѣвшій, несомнѣнно довольно основательныя знанія о Руси, встрѣчавшійся съ ея представителями и дававшій такія показанія о жителяхъ Руси въ своемъ сочиненіи уже послѣ заключенія Игорева договора съ Византіей.

Что-же касается упомянутыхъ въ договорѣ христіанъ изъ среды Руси, то, во-первыхъ, наличность ихъ,—вполнѣ понятно,—подчеркнута въ договорѣ съ христіанскимъ государствомъ—Византіей; во-вторыхъ-же, христіанскій элементъ въ данномъ случаѣ разумѣется по преимуществу среди иноземцевъ—посредниковъ въ договорѣ и торговлѣ, имѣющихъ въ договорѣ имена главнымъ образомъ

---

[1]) См. въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 49 и 50.

[2]) См., напр., въ его сочиненіи „Περὶ ἐθνῶν", упом. перев. Г. Ласкина стр. 73—74, 77, 80 и др., также въ соч. „Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως"—см. „Constantini Porphyrogeniti, Imperatoris Constantipolitani, libri duo de cerimoniis aulae Bysantinae", изд. I. H. Leichius и I. I. Reiskius, Lipsiae, т. I, 1751 г., т. 2, 1754 г., во 2 т. стр. 399 и др.

восточнаго характера [1]). Что-же касается самой Руси съ княземъ и «всѣми болярами» и «всѣми людьми страны Русскія», то она клянется—или за нее клянутся въ договорѣ представители по—язычески [2]).

При разрѣшеніи вопроса о христіанахъ Руси въ Игоревомъ договорѣ слѣдуетъ также принять во вниманіе и замѣчаніе нашей лѣтописи по данному поводу. Оно таково: «А хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Иліи, яже есть надъ ручаемъ, конець Пасынѣчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша Варязи хрестеяны" [3]).

По нашему мнѣнію, довольно удачное толкованіе даетъ этому лѣтописному сообщенію Г. М. Барацъ: «А христіанскую Русь приводили они къ присягѣ въ церкви св. Иліи, которая стоитъ надъ ручаемъ Песчаною (Почайнею),—въ соборной [4]) церкви: это была соборная (православная) церковь, такъ какъ многіе варяги—хозаре были христіанами» [5]).

---

1) Хазарско-еврейскія—по преимуществу,—см., напр., объясненія въ недавнемъ трудѣ Г. М. Бараца „Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей", Кіевъ, 1910 г., стр. 59—64, 256 и др.

2) См. Лаврентьевскую лѣтопись въ упом. изд. стр. 52.

3) Ibidem, стр. 53.

4) Соборной, конечно, не въ нашемъ обычномъ смыслѣ; сообразно съ тогдашнимъ положеніемъ въ Кіевѣ христіанства мы скорѣе склонны думать, что эта церковь была частной, гдѣ-то на окраинѣ города притаившеюся; В. Г. Ляскоронскій (въ уп. ст.—"Ж. М. Н. Пр." 1913 г., май) сомнѣвается, чтобы эта церковь была въ честь св. Иліи, но совершенно недоумѣваемъ, почему онъ называетъ ее „церковью Гелги", построенной „не безъ участія кн. Ольги",—вѣдь построена она, очевидно, была, когда Ольга еще язычествовала, а, м. б., еще и при Аскольдѣ.

5) См. въ упом. работѣ Бараца „Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей", стр. 250.

Впрочемъ, какъ-бы ни толковали это довольно темное мѣсто, несомнѣнно въ немъ одно: христіанами со стороны Руси при заключеніи Игоремъ договора съ Византіей были по преимуществу иноземцы вообще—«Варяги»[1]), подъ которыми въ данномъ случаѣ нужно разумѣть ужъ никакъ не Норманов,—въ массѣ своей тогда еще глубокихъ язычниковъ [2]),—а вообще инородцевъ и прежде всего Хазаръ, къ тому времени достаточно уже знакомыхъ съ христіанствомъ и прямо въ данномъ темномъ мѣстѣ упомянутыхъ (хотя и недостаточно вразумительно), какъ преимущественно предъ прочими инородцами, очевидно, являвшихся въ Кіевѣ христіанами.

Что-же касается существующаго въ наукѣ предположенія о Норманахъ, какъ первоначальныхъ христіанахъ въ Кіевѣ, распространявшихъ здѣсь христіанскую вѣру [3]), то оно должно быть принято не иначе какъ легендою, возникшею лишь изъ чрезвычайнаго преклоненія предъ норманскою теоріею и базирующеюся на непріемлемомъ предположеніи, будто Норманы цѣлыми массами проживали въ Константинополѣ уже въ первой половинѣ X вѣка и оттуда, принявши тамъ христіанство, такими-же толпами переселялись въ Кіевъ [4]). Между тѣмъ историческія

1) Срв. у С. Гедеонова въ кн. „Варяги и Русь", наприм., стр. 179 и 1 ч.

2) Христіанство въ Скандинавіи утвердилось лишь въ XI—XII вв.

3) См., напр., въ ун. 1 пол. 1 т. „Исторіи Русской церкви" Голубинскаго, стр. 64 и слѣд. (по 2 изд.), въ спеціальной ст. проф. И. И. Малышевскаго въ „Тр. Кіев. Дух. Акад." 1887 г. дек. кн.—„Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ"; ст. Н. И. Коробки—„Къ вопросу объ источникѣ русскаго христіанства"—„Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н." 1906 г. т. XI, кн. 2—и др.

4) См. въ тѣхъ-же работахъ Голубинскаго и Малышевскаго; Н. И. Коробка готовъ былъ допустить христіанское воздѣйствіе на Русь Норманов прямо съ Запада, о чемъ см. дальше.

свѣдѣнія о присутствіи значительнаго количества Норманов въ Византіи относятся лишь къ концу X вѣка, — раньше-же они, если и попадали сюда, то лишь случайно — единицами. Отверженіе-же мнѣнія о существованіи пути «изъ Варягъ въ Греки» въ IX и началѣ X вѣка окончательно подрываетъ вѣру какъ въ передвиженіе Норманов въ Византію, такъ и въ христіанское миссіонерство ихъ въ Кіевѣ.

Относительно же Норманов, появлявшихся на Руси вообще съ сѣвера или, точнѣе, сѣверо-запада—со своей родины [1]), нужно сказать, что, во-первыхъ, христіанство въ Скандинавіи, хотя и стало появляться въ IX в., болѣе или менѣе прочно утвердилось уже въ XI—XII в.в., т. е. послѣ крещенія Руси; во-вторыхъ, прибывавшіе на Русь — преимущественно сѣверно-новгородскую — Норманы были дружинниками — грабителями, являвшимися сюда съ военно-торговыми цѣлями — съ характеромъ разбойничьяго грабежа, и потому для роли миссіонеровъ не подходили; въ третьихъ, наконецъ, эти Норманы, еслибы миссіонерствовали на Руси, миссіонерствовали-бы прежде и скорѣе всего въ Новгородѣ и вообще на сѣверѣ Руси, т. е. поближе къ своей родинѣ, а между тѣмъ мы знаемъ, что христіанство у насъ раньше появилось на югѣ и что Новгородъ и сосѣднія сѣверныя мѣста Руси были объяты особенно глубокимъ язычествомъ въ X в. и потребовали отъ Владиміра Святого особо энергичныхъ мѣръ внѣшняго воздѣйствія для своей христіанизаціи.

Гораздо болѣе соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности — общему ходу историческихъ обстоятельствъ того времени — допущеніе наличности въ Кіевѣ въ X вѣкѣ христіанъ по преимуществу изъ Хазаръ, которые и ближе жили къ Кіеву, чѣмъ Норманы, и дав-

---

1) См. упомянутое допущеніе г. Коробки.

но уже ознакомлены были съ христіанствомъ—еще съ VIII вѣка, имѣли давнія и прочныя связи—торговыя, политическія и иныя съ Кіевской Русью. Такими христіанскими миссіонерами по отношенію именно къ Кіевской Руси были, конечно, не только указанные Хазары, но и отчасти также Руссы изъ Тмутаракани, пріѣзжіе Греки, наѣзжавшіе жители западной Европы, въ X вѣкѣ уже имѣвшіе несомнѣнно нѣкоторыя торговыя дѣла съ Кіевской Русью [1]).

Какъ видно, все это миссіонеры были случайные, лишь слегка, между прочимъ, содѣйствовавшіе христіанизаціи Кіева. Однако и настоящіе, спеціальные миссіонеры, если и попадали въ это время въ Кіевъ, не могли разсчитывать на сколько нибудь серьезный успѣхъ здѣсь. Причиной тому было общее духовно-культурное состояніе Руси той эпохи, хотя и далекой отъ примитивной грубости, но еще не развившейся въ массѣ своей достаточно до способности сколько-нибудь сознательнаго усвоенія высокихъ истинъ христіанства—особенно въ византійской оболочкѣ, созданной народомъ съ высокой и старой культурой и философски-умозрительнымъ характеромъ мышленія.

Какъ въ ту пору туго дѣйствовала частная христіанская проповѣдь на народы, подобные нашей Руси, видно изъ такихъ двухъ примѣровъ.

Во-первыхъ, по словамъ житія, св. Константину—Кириллу, Славянскому просвѣтителю, послѣ, повидимому, удачной и дѣйственной проповѣди у Хазаръ (народа вообще тогда уже довольно хорошо знакомаго съ христіан-

1). См. напр. въ ст. В. Г. Васильевскаго „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ"—„Ж. М. Н. Пр". 1888 г., іюльск. кн., у И. П. Козловскаго „Сношенія древней Руси", Варшава, 1911 г. (изъ „Варшав. Универ. Извѣстій")—и др.

ствомъ и въ IX в. стоявшаго въ культурномъ отношеніи во всякомъ случаѣ не ниже нашей Руси X в.), удалось тѣмъ не менѣе крестить всего лишь «до двухсотъ чадій»[1]). Во-вторыхъ, западному миссіонеру Бруно-Бонифацію на рубежѣ X и XI вѣковъ въ результатѣ его самоотверженной миссіонерской дѣятельности у Печенѣговъ посчастливилось найти здѣсь лишь около тридцати человѣкъ, обратившихся въ христіанство [2]).

Такихъ-же приблизительно результатовъ можно ожидать и отъ тѣхъ попытокъ христіанскихъ миссіонеровъ проникать въ Кіевскую Русь, какія вполнѣ естественно мы можемъ предположить.

Въ X вѣкѣ рѣшающую роль въ дѣлѣ христіанизаціи Кіевской Руси,—какъ это бывало и у ряда другихъ народовъ, очень рано по состоянію своего духовнаго развитія принимавшихъ христіанство,—должна была сыграть усиливающаяся княжеская власть, которая, по соображеніямъ культурно-политическаго свойства, скорѣе другихъ элементовъ Руси склонна была заинтересоваться христіансувомъ. Такъ дѣйствительно и было въ Кіевской Руси, дающей намъ нѣсколько примѣровъ княжескихъ попытокъ къ христіанизаціи своего народа. Такой однако попытки мы не имѣемъ никакихъ основаній приписывать князю Игорю, несомнѣнному язычнику.

Иначе, какъ извѣстно, подходитъ къ данному вопросу знаменитый церковный историкъ Голубинскій. Онъ

---

1). Приведено, напримѣръ, въ упоминавшейся ст. Ламанскаго „Славянское житіе св. Кирилла"—въ іюньск. кн. „Ж. М. Н. П." 1903 г.; д-ръ Ів. Франко отсюда дѣлаетъ тотъ выводъ, что хазарская миссія св. Кирилла, видимо, не имѣла никакого успѣха,—см. стр. 224, въ кн. его „Св. Климент у Корсуні", Львовъ, 1906 г.

2) Приведено, напримѣръ, въ ст. И. И. Малышевскаго „Тр. Кіев. Дух. Акад." 1867 г. апрѣльск. кн.—„Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли Русской".

изъ Игорева договора и лѣтописнаго сообщенія о заключеніи его дѣлаетъ послѣдовательный выводъ нормaниста: подъ «Варягами» онъ разумѣетъ только Норманновъ, которые, по его мнѣнію, составляли чуть-ли не цѣликомъ дружину Кіевскаго князя, и допускаетъ въ ней преобладаніе христіанскаго элемента надъ языческимъ. Но тутъ онъ совсѣмъ теряетъ подъ ногами историческую почву, явно противорѣча извѣстнымъ историческимъ фактамъ. Онъ, напримѣръ, не можетъ объяснить сколько нибудь удовлетворительно, почему при христіанствѣ норманской дружины все-таки не крестился князь Игорь[1]), «внутренній христіанинъ» —по Голубинскому, почему не имѣла успѣха въ смыслѣ христіанизаціи Кіевской Руси принявшая затѣмъ крещеніе Ольга, почему, будучи будто-бы издавна «внутренней христіанкой», она не воспитала въ расположеніи къ христіанству съ ранняго дѣтства своего сына Святослава, почему этотъ послѣдній—двумя десятилѣтіями позже Игорева договора—въ своей преданности язычеству опирался именно на свою дружину, которая якобы еще при Игорѣ была почти совсѣмъ христіанской, и т. п.

1) По словамъ Голубинскаго, потому, что какъ „варягъ“ чувствовалъ себя непрочно въ Кіевѣ; но, во-первыхъ, это ни на чемъ не основанная догадка, а, во-вторыхъ, вѣдь сила иноземнаго князя, т. е., въ данномъ случаѣ Игоря, непрочно будто-бы сидѣвшаго на княжескомъ столѣ, была въ дружинѣ, на нее онъ опирался среди покореннаго (съ норманистской, конечно, точки зрѣнія) народа, съ ней лишь долженъ былъ считаться и т. д.; между тѣмъ эта норманская дружина была будто-бы почти совсѣмъ христіанской; что-же касается народной массы, то она, какъ якобы покоренная, должна была вообще чувствовать себя недовольной княжеской властью. При Владимірѣ Святомъ дѣйствительно было положеніе вещей, подобное тому, какимъ его рисуетъ при Игорѣ Голубинскій, и Владиміръ, какъ извѣстно, опершись на дружину, не убоялся язычествовавшей народной массы,— но то было только при Владимірѣ уже, а никакъ не при Игорѣ.

Видимая неудача попытки подъ «Варягами»,—изъ которыхъ именно—по свидѣтельству лѣтописи— въ Кіевѣ многіе были христіанами,—разумѣть Норманновъ, лишній разъ побуждаетъ насъ утвердиться въ той мысли, что наличные въ Кіевѣ около половины X вѣка христіане, принадлежа прежде всего къ проживавшимъ здѣсь иноземцамъ вообще, скорѣе всего преставляли собою пришельцевъ съ христіанскаго юга—и изъ нихъ Хазаръ по преимуществу. О самой Руси, о народѣ-Руссахъ, лѣтописи за весь X вѣкъ, въ согласіи съ показаніями Византійцевъ, говорятъ въ пользу сильнаго въ массѣ въ ней язычества. Очевидно, русскіе Славяне удовлетворялись въ это время вполнѣ своей старой, довольно примитивной религіей—тѣмъ болѣе, что старый-языческій культъ тѣсно связанъ былъ съ существовавшимъ у славянъ народовластіемъ и всѣмъ привычнымъ строемъ жизни [1]).

Игоревъ договоръ съ Византіей интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ на несомнѣнныя связи Игоря и Кіева съ Тмутараканской Русью. Именно, по договору, Игорь обязывался ставить препятствія Чернымъ или Прикавказскимъ Болгарамъ [2]), сосѣдямъ Руси Тмутараканской, въ ихъ попыткахъ къ военнымъ движеніямъ на Корсунь—Херсонесъ и его область, принадлежавшую Византіи; исполнить это условіе договора Игорь могъ лишь при возможности съ его стороны воздѣйствовать на Русь Тмутараканскую, какъ ближайшую сосѣдку этихъ Болгаръ, а это предполагаетъ нѣкоторую уже связь и даже своего рода зависимость Тмутаракани отъ Кіева. Зависимость

---

1) См. напр. въ упом. ст. Ѳ. Ѳ. Зигеля „Ж. М. Н. Пр". 1908 г. март. кн. и др.

2) О послѣднихъ см. напр. ст. Д. И. Иловайскаго „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморьѣ" „Ж. М. Н. Пр." 1875 г., янв. и февр. кн., и др.

эта, вѣроятно, явилась въ результатѣ разгрома Приморско-Азовской Руси на Востокѣ около 913 г. [1]), и стояла въ связи съ давними, болѣе или менѣе близкими отношеніями этихъ двухъ разорванныхъ силою обстоятельствъ областей Руси. Хотя зависимость эта во времена Игоря, при дальности разстояній и при преградахъ со стороны промежуточныхъ степныхъ кочевниковъ, и не могла быть сколько-нибудь значительной,—такъ, что, напримѣръ, позволила Тмутараканской Руси произвести самостоятельный походъ на Каспійское море около 943—944 г.г. [2])—вмѣсто того, чтобы помагать Игорю въ его тогдашней борьбѣ съ Византіей,—тѣмъ не менѣе она говоритъ о несомнѣнныхъ сношеніяхъ Тмутаракани и Кіева около половины X вѣка и указываетъ намъ еще одинъ источникъ христіанскаго воздѣйствія на Кіевъ,—источникъ, который при близкой родственности двухъ племенъ и нѣкоторой христіанизаціи одного изъ нихъ, могъ быть особенно важнымъ въ данномъ отношеніи для Кіевской Руси.

---

1) См. напр. у А. Я. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ", СПБ., 1870 г.; упоминалось о семъ выше—въ гл. VI.

2) Ibidem.

XIV.

Игорь, попавшій на Кіевскій престолъ путемъ кроваваго переворота, въ концѣ концовъ самъ сдѣлался жертвою какихъ-то столкновеній, погубившихъ его.

Фактъ гибели Игоря въ Древлянской землѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ событій, о которыхъ наша лѣтопись говоритъ очень темно и сбивчиво. Какъ раньше было съ Олегомъ,—при разсказѣ о гибели Игоря нашъ лѣтописецъ опять сбивчиво—отрывочно и противорѣчиво говоритъ о нѣкоемъ Свѣнельдѣ-Свѣналдѣ-Свѣньделдѣ-Свѣнделѣ—Свентелдѣ-Свентгельдѣ-Святольдѣ [1]), видимо, стараясь что-то затушевать изъ давнихъ преданій о немъ, казавшихся лѣтописцу недостовѣрными или просто неудобными, нежелательными съ его точки зрѣнія, но все-таки нечаянно вставляя отрывочные намеки изъ этихъ преданій.

Лѣтописный сводчикъ называетъ Свѣнельда просто воеводой Игоревымъ, но при этомъ какъ-то необычно долго ужъ воеводствуетъ Свѣнельдъ—и при Святославѣ, и при сыновьяхъ послѣдняго,—и при томъ это воевода какой-то особенный, важный—по крайней мѣрѣ въ концѣ княженія Игоря—настолько, что у него имѣется въ это время своя особая дружина, свои дани, при чемъ Свѣнельдъ оказывается тутъ даже съ нѣкоторыми преимуществами по сравненію съ Игоремъ: дружина послѣд-

---

[1]) Наиболѣе точное, вѣроятно, норманское имя—Свентгельдъ или Свентелдъ—см. въ „Разысканіяхъ“ Шахматова, стр. 369 и сл., 543, 613, 631, 672,—срв. въ Новгор. 1-й лѣтописи стр 9, 25 и др.

няго завидуетъ лучшему положенію и болѣе богатымъ данямъ, какія имѣетъ дружина Свѣнельда. Очевидно, это уже не воевода, не простой «мужъ Игоревъ», а нѣчто болѣе видное—прямо соперникъ Игоря, лицо болѣе или менѣе равнаго съ нимъ—княжескаго—достоинства. Любопытно при этомъ, что имени Свѣнельда мы не встрѣчаемъ въ это время въ Игоревѣ договорѣ съ Греками, но послѣ—въ Святославомъ договорѣ оно есть,—тоже обстоятельство, указывающее на обособленно-недружелюбныя отношенія въ свое время Свѣнельда къ Игорю.

При этомъ получаетъ особое значеніе лѣтописное указаніе о Свѣнельдѣ: «тъ же отець Мистишинъ» [1]). Лѣтописецъ ничего не разсказываетъ объ этомъ Мистишѣ, но разнообразные варіанты лѣтописныхъ сказаній дали возможность нашему замѣчательному знатоку русскихъ лѣтописей—А. А. Шахматову отожествить Мистишу-Мискину-Нискину-Малко Любечанина-Мала, князя Древлянскаго [2]). Тотъ-же ученый сдѣлалъ такое наблюденіе:

---

[1]) Въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 54.

[2]) Гельсингфорскій проф. Гуго Пиппингъ и вслѣдъ за нимъ нашъ С. А. Корфъ сдѣлали недавно попытку совсѣмъ выбросить изъ лѣтописи имя Мала, объяснивъ введеніе его сюда простымъ недоразумѣніемъ-замѣной именемъ скандинавской брачной формулы (см. H. Pipping „De Skandinaviska Dnjeprnamen“ —„Studier Nordisk Filologi“, Bd. № 2, № 4—5, Helsingfors, 1910; Корфа „Ж. М. Н. Пр.“ 1912 г. феврал. кн.—„Древлянскій князь Малъ“,—возраженія ему С. Н. Сыромятникова—„Древлянскій князь и варяжскій вопросъ“—„Ж. М. Н. П.“ 1912 г. іюльск. кн.). Догадкамъ проф. Пиппинга и Корфа слѣдуетъ противопоставить болѣе солидно обоснованные выводы о Малѣ академика Шахматова (въ „Разысканіяхъ“, стр. 349, 352, 364—366 и др.); затѣмъ трудно допустить сильное норманское вліяніе на Древлянъ въ первой половинѣ X в. (выразившееся якобы въ употребленіи ими даже брачной формулы), если у нихъ, какъ признаетъ и Корфъ, въ это время не было норманскихъ князей, а съ другой стороны противъ норманскаго здѣсь въ это время вліянія говоритъ и

«разсказъ объ уступкѣ Игоремъ Угличской и Деревской дани Свѣнельду, о ропотѣ Игоревой дружины (по этому поводу), о походѣ Игоря на Древлянъ является непремѣнною составною частью сказанія, введеніемъ къ главному его эпизоду—убіенію Игоря Мстишей» [1])—Маломъ Древлянскимъ.

Въ такомъ случаѣ личность Свѣнельда, имѣвшаго какое-то—во всякомъ случаѣ серьезное—недоразумѣніе съ Игоремъ въ землѣ Древлянской изъ-за дани, получаетъ новое и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣленное освѣщеніе.

Вотъ выводы о Свѣнельдѣ академика Шахматова, основанные на сличеніи и изученіи имъ лѣтописныхъ текстовъ: «Свѣнельдъ, получившій Деревскую дань отъ Игоря [2]), сталъ фактически владѣтелемъ Деревской земли; походъ Игоря на Древлянъ былъ равносиленъ походу его противъ Свѣнельда. Игорь погибъ въ сраженіи [3]) съ Свѣнельдомъ, защищавшимъ вмѣстѣ съ подвластными ему Древлянами прежде всего свои интересы, а вмѣстѣ съ ними самую Древлянскую землю»; «въ этомъ столкновеніи Игорь убитъ Мстиславомъ [4]) (Маломъ, Мстишей) Лютымъ, сыномъ Свѣнельда» [5]).

содержимое мѣстныхъ курганныхъ раскопокъ (см. „Древности юго-западного края. Раскопки въ странѣ Древлянъ“ В. Б. Антоновича—№ 11 „Матеріалы по археологіи Россіи“, СПБ., 1893 г.; также ст. Спицына „Ж. М. Н. Пр.“ 1899 г. авг. кн.) и отсутствіе еще пути изъ Варягъ въ Греки въ полномъ его оборотѣ въ это время.

1) См. въ „Разысканіяхъ“ стр. 371.

2) Могло быть скорѣе иначе-Свѣнельдъ, вѣроятно, дани и не получалъ отъ Игоря, а просто у нихъ былъ споръ о дани съ земли, бывшей для нихъ спорной.

3) Можетъ быть, и не въ сраженіи именно, но вообще—во время борьбы со Свѣнельдомъ тѣмъ или инымъ путемъ.

4) Скорѣе, полагаемъ, не Мстиславъ, а Нискина или Мискина,—имя, видимо, норманское.

5) См. въ „Разысканіяхъ стр. 364, 365 и др., срв. стр.

Итакъ, Свѣнельдъ—отецъ Древлянскаго князя Мала-Мистиши-Нискины, отъ котораго ближайшимъ образомъ погибъ Игорь. Теперь понятными становятся случайно уцѣлѣвшія, отрывочныя черточки личности и дѣятельности подлиннаго Свѣнельда, несомнѣннаго князя одной изъ волостей Руси въ концѣ княженія въ Кіевѣ Игоря, личности, затушеванной лѣтописнымъ сводчикомъ все изъ-за той-же византійско-монархической идеи о единствѣ древней Руси и ея княжескаго рода, что истребила для насъ изъ лѣтописи много любопытныхъ свѣдѣній о нашей глубокой старинѣ [1]).

Гдѣ же княжилъ Свѣнельдъ? Мы думаемъ, что естественнѣе всего считать его княземъ Новгорода, стараго крупнаго центра сѣверно-русскихъ Славянъ, съ X вѣка начавшаго соперничать съ Кіевомъ—послѣ того какъ въ началѣ этого вѣка Кіевъ и Новгородъ столкнулись между собой—и издавна представлявшаго собою главу сѣверно-русскаго политическаго союза. Свѣнельдъ, стало быть, былъ Новгородскій князь, вѣроятно, норманъ, одинъ изъ преемниковъ Олега, но болѣе его прочно сидѣвшій въ Новгородѣ и болѣе интересовавшійся своею землею и ея торговыми операціями.

При такомъ пониманіи личности и положенія Свѣнельда и его отношеній къ Игорю мы стоимъ въ согласіи съ установленной нами выше независимостью въ это

235—236 въ кн. „Княжое право въ древней Руси“ А. Пресснякова, который отмѣчаетъ замѣтный по лѣтописи антагонизмъ между Игоремъ и Свѣнельдомъ и исключительное положеніе Свѣнельда, но въ концѣ концовъ склоняется къ той мысли, что Свѣнельдъ просто членъ княжеской дружины, достигшій необычайной силы и вліянія,—но какъ это примирить съ антагонизмомъ между Свѣнельдомъ и княземъ Игоремъ, съ отсутствіемъ имени Свѣнельда въ договорѣ Игоря и т. п.?

[1]) Срв. въ упоминавшихся работахъ Шахматова, Корфа и др.

время Новгорода и послѣдующимъ его соперничествомъ съ Кіевомъ и восполняемъ пробѣлъ въ исторіи новгородской, устроенный нашимъ лѣтописнымъ сводчикомъ въ угоду своей любимой тенденціи.

Правда, земля Древлянская, гдѣ разыгрался рѣшительный моментъ этой борьбы—гибель Игоря—была далеко отъ Новгорода, но, во-первыхъ, это могла быть лишь арена столкновенія Кіева съ Новгородомъ, тотъ кусокъ, изъ-за обладанія которымъ или—точнѣе—изъ-за собиранія дани съ котораго спорили два главныхъ князя Руси; во-вторыхъ, и городъ Коростень или Искоресть, и земля Деревская въ древности, какъ оказывается, существовали и близъ Новгорода [1]).

Если есть нѣкоторыя основанія считать Свѣнельда княземъ Новгородскимъ, а лѣтописецъ при этомъ несомнѣнно указываетъ на элементъ борьбы, антагонизма въ отношеніяхъ Свѣнельда и Игоря, то въ данномъ случаѣ мы, очевидно, присутствуемъ при борьбѣ князя Кіевской Руси съ княземъ Новгородскимъ или, можетъ быть, Норманско-Новгородскимъ.

Борьба эта естественно должна была болѣе или менѣе скоро возгорѣться послѣ того, какъ Олегъ предпринялъ свой походъ на югъ—въ Кіевъ и къ Царьграду и когда въ результатѣ этого затѣмъ стала мало-по-малу открываться возможность уяснить и установить чрезвычайно важный торговый «путь изъ Варягъ въ Греки». Путь этотъ послѣ Олега былъ узнанъ, т. е. собственно сомкнуты были воедино южная и сѣверная его половины, но чтобы окончательно его проложить и дѣйствительно въ торговомъ отношеніи исполь-

---

1) См. любопытную, приведенную Шахматовымъ, выписку изъ сборника Синод. библіотеки XVII в. № 293: „И того ради убиша его (Игоря) Древляне внѣ града Коростеня близъ Стары Русы", также почти стоитъ и въ рукописи Публичной Библіотеки F. IV. 216 и др.,—см. въ „Разысканіяхъ" стр. 171—172, 668.

зовать его, нужно было расчистить препятствія, сосредоточивъ возможность плаванія по русскимъ рѣкамъ отъ моря до моря въ однѣхъ рукахъ. Естественно, что между Норманами, въ извѣстной мѣрѣ обладателями сѣверной части пути, и Кіевской Русью, давно ѣздившей въ Царьградъ по торговымъ дѣламъ черезъ Днѣпръ и Черное море, т. е. пользовавшейся южной частью пути, вспыхнула борьба, которая должна была окончиться сломленіемъ одной изъ двухъ силъ и установленіемъ одного господина тутъ. Борьба должна была быть жестокой и продолжительной, такъ какъ ее вести приходилось довольно отдаленнымъ другъ отъ друга центрамъ и на большомъ разстояніи, занятомъ рядомъ племенъ. Лѣтописный сводчикъ скрылъ отъ насъ эту борьбу, но не смогъ удалить изъ лѣтописи всѣхъ намековъ, связанныхъ съ этой героической борьбой.

Кіевъ, по мѣрѣ все большаго уясненія возможности и затѣмъ важности балтійско-днѣпровскаго пути, не могъ оставаться равнодушнымъ къ постепенному политическому, культурному и торговому росту Новгородскаго сѣвера, который, при стремленіи Новгородцевъ во вновь узнанную славную и богатую Византію, несомнѣнно обнаружившемся къ половинѣ X вѣка[1]),—могъ отразиться отрицательно на торговыхъ интересахъ и политическомъ значеніи Кіева. «Можно съ вѣроятностью думать, что Кіевскій князь, оправившись отъ морского пораженія у Константинополя, пожелалъ положить конецъ политической самостоятельности Ильменскихъ Словенъ и Кривичей» [2]).

---

1) См. свидѣтельство Багрянороднаго въ соч. „Περὶ ἐθνῶν"— въ уп. перево. Ѣ Ласкина стр. 70—о плаваніи Новгородскикъ судовъ въ Византію въ это время.

2) Да проститъ намъ А. А. Шахматовъ, если мы его мысль и выраженія даже, употребленныя имъ по отношенію къ столкновенію Аскольда и Олега (см. „Сказаніе о призваніи Варя-

Такой смыслъ мы придаемъ извѣстному столкновенію Игоря со Свѣнельдомъ, имѣвшему своимъ результатомъ гибель перваго. Борьба, незадолго, повидимому, предъ симъ начавшаяся, этимъ, разумѣется, не кончилась, а затянулась еще десятилѣтія на два. Въ концѣ концовъ, побѣдилъ, конечно, болѣе культурный Кіевъ, устранивъ пришлыхъ заморскихъ соперниковъ и подчинивъ себѣ до извѣстной степени Новгородъ; произошло это однако лишь въ княженіе уже сына Игоря-Святослава, который, по свидѣтельству лѣтописи, посадилъ своего сына—впервые изъ Кіева—на Новгородскомъ княжескомъ столѣ.

Въ концѣ княженія Игоря эта борьба еще была въ самомъ разгарѣ, и Кіевъ временно получилъ ударъ во время гибели Игоря, уступивъ пока Новгороду.

Въ борьбѣ съ этимъ врагомъ утверждалась на Кіевскомъ столѣ вдова Игоря-Ольга съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ. Нѣкоторыя черты этой борьбы,—не вполнѣ ясныя и точныя и несомнѣнно запечатлѣнныя характеромъ легендарности,—передаетъ лѣтопись въ разсказѣ о мести Ольги Древлянамъ.

Допуская во всякомъ случаѣ основу и нѣкоторыя частности этого разсказа исторически достовѣрными, только осложненными въ народномъ преданіи элементомъ легендарнымъ, мы получаемъ изъ лѣтописи яркое доказательство того, что въ этотъ моментъ—около 945 года—княгиня Ольга далеко не была «внутренней христіанской», какъ принималъ Голубинскій [1]), но обнаружила

говъ", стр. 62), примѣняемъ къ эпохѣ полустолѣтіемъ приблизительно болѣе поздней-Игоревой; намъ кажется болѣе естественной аггресивность Кіева по отношенію къ Новгороду лишь въ это, болѣе позднее, время—послѣ лучшаго раскрытія и уясненія всего воднаго пути отъ Балтійскаго моря къ Византіи.

[1]) Любопытно, что эту идею „внутренняго христіанства" Ольги (а также и Игоря) и боязни крещенія „народа ради"

въ полной мѣрѣ не смягченныя еще христіанствомъ качества безпощадной, свирѣпой и коварной норманки, отмстившей за смерть одного цѣлой гекатомбой.

Однако естественныя сношенія съ христіанами изъ жившихъ и бывавшихъ въ Кіевѣ инородцевъ, борьба съ глубоко-языческимъ Новгородомъ, свѣдѣнія,—постоянно подогрѣвавшіяся въ Кіевѣ частыми торговыми сношеніями,—о блескѣ христіанской Византіи и преимуществахъ ея культурной жизни, наконецъ, несомнѣнный природный умъ натолкнули княгиню Ольгу на интересъ къ христіанству, возбудили въ ней желаніе съ нимъ получше познакомиться и при этомъ воспользоваться благами византійско-христіанской культуры.

Поэтому-то въ Ольгѣ мы встрѣчаемъ второе—послѣ Аскольда—лицо изъ сидѣвшихъ на Кіевскомъ княжескомъ столѣ, сдѣлавшее снова попытку утвердить въ Кіевѣ христіанство и воспользоваться возможными результатами таковой христіанизаціи для Руси.

Голубинскій заимствовалъ изъ Іоакимовской лѣтописи (см. въ уп. „Исторіи Россійской“ Татищева, кн. I, ч. I, стр. 36), къ которой онъ относился такъ отрицательно-пренебрежительно.

XV.

Если относительно христіанскаго состоянія Аскольда мы все же пребываемъ въ области предположеній и догадокъ, то крещеніе княгини Ольги засвидѣтельствовано историческими документами—и русскими, и иностранными—весьма прочно. Но когда, гдѣ и какъ крестилась княгиня Ольга, каковы были результаты этого крещенія,—все это вызываетъ въ наукѣ нѣкоторыя разнорѣчія и даже споры.

Е. Е. Голубинскій, основываясь на показаніи писателя XI—по предположенію—вѣка Іакова Мниха [1]), принималъ, что крещеніе Ольги совершилось въ Россіи и именно въ 954 году [2]); А. А. Шахматовъ, вслѣдъ за показаніемъ лѣтописи и въ связи съ свидѣтельствомъ грека Кедрина, относитъ крещеніе Ольги къ 955 году (собственно къ лѣтописному 6463 г.)—раньше поѣздки въ Византію [3]); наконецъ, старое мнѣніе,—раздѣляемое, напримѣръ, митрополитомъ Макаріемъ Булгаковымъ,—крещеніе Ольги соединяетъ съ ея поѣздкой въ Константинополь, происшедшей, какъ достовѣрно извѣстно изъ сочиненія Константина Багрянороднаго „Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως" [4]), въ 957 г. [5]).

---

1) Какъ указывалось уже, къ XI вѣку относитъ его большинство ученыхъ, Соболевскій-же отодвигаетъ время его жизни къ XII—XIII в. в.

2) См. въ 1 пол. I т. его „Исторіи Русской Церкви".

3) См. въ „Разысканіяхъ" стр. 117 –118 и др.

4) См. въ упом. изданіи H. Leichius и J. Reiskius стр. 343—345 во 2 кн.,—его подтверждаетъ въ данномъ случаѣ и другой византіецъ—Кедринъ (Скилицій).

5) См. у м. Макарія въ его работѣ „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра", I изд.—СПБ., 1846 г., 2 изд.—СПБ., 1868 г.

Однако мнѣніе о крещеніи Ольги на Руси, съ легкой руки Голубинскаго нынѣ широко у насъ въ наукѣ распространенное, противорѣчитъ всѣмъ древнимъ свидѣтельствамъ о мѣстѣ крещенія ея: не только наша лѣтопись, но и иностранцы—западные лѣтописцы X—XI в.в., византійскіе писатели XI—XII в.в.—Іоаннъ Скилицій, Георгій Кедринъ, Іоаннъ Зонара—всѣ согласно говорятъ о крещеніи нашей Ольги именно въ Константинополѣ. Трудно спорить съ цѣлымъ «облакомъ» древнихъ, близкихъ по времени къ Ольгѣ, свидѣтелей.

Затѣмъ имѣемъ рядъ данныхъ, указывающихъ, что Ольга не только не крестилась до 957 г., но и въ этомъ году была въ Константинополѣ еще некрещенной[1]). Въ своемъ сочиненіи „Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως“ Константинъ Багрянородный, разсказывая о торжественномъ пріемѣ имъ нашей Ольги въ Царьградѣ, не только рѣшительно ничего не говоритъ объ ея крещеніи здѣсь, но и ни однимъ словомъ не намекаетъ вовсе на христіанское ея состояніе въ это время, хотя поводовъ къ тому могло быть много, особенно если мы примемъ во вниманіе, что придворный церемоніалъ Византіи,—которому въ данномъ своемъ сочиненіи удѣляетъ вообще главное вниманіе Багрянородный,—носилъ ярко выраженный церковный характеръ.

Правда, Багрянородный указываетъ, что въ свитѣ Ольги былъ какой-то пресвитеръ Григорій [2]), но, вопреки весьма распространенному мнѣнію, само по себѣ это упоминаніе о пресвитерѣ еще ровно ничего опредѣленнаго не говоритъ: во-первыхъ, христіанскій священникъ могъ

---

1) Вопреки весьма распространенному мнѣнію о поѣздкѣ ея въ Царьградъ уже крещенной—см. у Голубинскаго, Шахматова и др.

1) Этому обстоятельству изслѣдователи обычно придаютъ особенно важное значеніе—въ смыслѣ доказательства христіанскаго состоянія въ ту пору Ольги.

быть случайно въ томъ большомъ торговомъ караванѣ, который ежегодно отправлялся лѣтомъ изъ Кіева въ Византію и съ которымъ несомнѣнно ѣхала Ольга—въ интересахъ безопасности и не имѣя возможности, при тогдашнемъ положеніи князя на Руси, по своему капризу когда угодно снаряжать спеціальную экспедицію для опаснаго проѣзда до моря населенными кочевниками степями[1]); во-вторыхъ, священникомъ Ольга могла просто воспользоваться, какъ удобнымъ лишь посредникомъ при переговорахъ съ христіанской Византіей и опытнымъ руководителемъ при осмотрѣ Царьграда, вовсе и не будучи сама еще христіанкой; въ—третьихъ, само Византійское правительство могло спеціально снарядить даннаго священника отъ себя для руководства Ольгой въ христіанскомъ городѣ, чтобы лучше заинтересовать ее христіанскими святынями города и вмѣстѣ привлечь большее ея вниманіе къ христіанской религіи [2]). Во всякомъ случаѣ присутствіе въ свитѣ Ольги христіанскаго священника можетъ быть толкуемо различно и само по себѣ совершенно, по нашему мнѣнію, не рѣшаетъ вопроса о ея религіозномъ состояніи въ этотъ моментъ.

Между тѣмъ Багрянородный прямо называетъ Ольгу не христіанскимъ ея именемъ Елены, какъ этого слѣдовало-бы ожидать, а языческимъ—„Ἕλγα“, чѣмъ ясно показываетъ, что онъ бесѣдовалъ съ княгиней—язычницей.

---

[2]) Что Ольга ѣхала именно съ ежегоднымъ лѣтнимъ караваномъ Руси въ Византію, на это указываетъ и присутствіе въ свитѣ ея множества торговыхъ людей, о чемъ говоритъ Багрянородный.

[3]) Нѣкоторыя соображенія подобнаго рода о пресвитерѣ Григоріи были высказаны когда-то Шлецеромъ, затѣмъ Вилькеномъ, въ самое недавнее время проф. Д. В. Айналовымъ и др., но почему-то обычно мало принимаются во вниманіе,—см. напр. ст. проф. Д. В. Айналова—„Очерки и замѣтки по исторіи древнерусскаго искусства. II. О дарахъ русскимъ князьямъ и посламъ“—„Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.“ 1908 г., т. XIII, кн. 2.

Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, въ своемъ сочиненіи—„Περὶ ἐθνῶν“ Багрянородный безъ всякихъ оговорокъ и какихъ-либо исключеній считаетъ Русь народомъ вполнѣ языческимъ. Тотъ-же взглядъ его на Русь и на ея князя, какъ на язычника, виденъ и изъ того самаго сочиненія, въ которомъ онъ описываетъ пріемъ Ольги при дворѣ во время пребыванія ея въ Царьградѣ: приводя разныя формулы обычнаго обращенія Византійскаго императора въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними государями и правителями, Багрянородный для правителя Руси приводитъ такую формулу, которая ясно говоритъ о язычествѣ—и Руси, и ея правителя [1]), а между тѣмъ въ роли князя—правителя Руси въ это время была какъ разъ Ольга.

Вообще Багрянородный, видѣвшій лично Ольгу въ 957 году и неоднократно съ нею бесѣдовавшій, имѣлъ немало поводовъ такъ или иначе отмѣтить въ своихъ сочиненіяхъ христіанское состояніе его современницы-русской княгини—тѣмъ болѣе, что оно для Руси было ново и необычно,—а между тѣмъ онъ молчитъ объ этомъ упорно,—напротивъ, говоритъ всегда и вполнѣ опредѣленно и рѣзко объ язычествѣ Руси; очевидно отсюда, что ему ничего не было извѣстно о крещеніи Ольги.

---

1) Эта формула гласитъ: „Γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ρωμάνου τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ρωμαίων πρὸς Ἄρχοντα Ρωσίας“; тутъ нѣтъ обычнаго въ византійскихъ формулахъ обращенія къ христіанскимъ правителямъ—„Ἐν ὀνόματι Πατρός“ и т. д.,—см. въ упом. изд. H. Leichius и J. Reiskius во 2 т. стр. 399. Формулы эти въ данномъ сочиненіи такъ явно различаются на обращенныя къ христіанамъ и употребленныя по отношенію къ язычникамъ, что, судя по нимъ, напримѣръ, проф. Ю. А. Кулаковскій въ формулѣ, обращенной къ правителю Аланіи, видитъ „непреложное свидѣтельство о томъ, что Аланы были христіанскимъ народомъ въ половинѣ X вѣка“,—см. упом. ст. его въ I вып. 5 т. „Византійскаго Временника“ 1898 г.

Такимъ образомъ трудно, кажется, сомнѣваться въ томъ, что во время своего пребыванія въ Царьградѣ въ 957 году Ольга была язычницей.

Зачѣмъ-же она туда ѣздила, если тогда еще не была христіанкой и тамъ также не крестилась? Кромѣ простой любознательности, побуждавшей умную и энергичную княгиню посмотрѣть городъ, имѣвшій міровую извѣстность и всѣхъ къ себѣ манившій, ее привлекала сюда, какъ видно, еще надобность въ какихъ-то переговорахъ съ императоромъ.

Изъ нашей лѣтописи мы узнаемъ, что переговоры эти окончились неудачно, такъ какъ лѣтопись нечаянно, противорѣча всему своему стройному разсказу объ удачной поѣздкѣ Ольги въ Царьградъ, проговаривается случайно и совершенно неожиданно, что Ольга была недовольна личными сношеніями съ императоромъ и это свое неудовольствіе выразила императорскимъ посламъ, вслѣдъ затѣмъ явившимся изъ Византіи въ Кіевъ, въ такихъ словахъ, предназначенныхъ для передачи самому императору: «Аще ты такоже постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ти дамъ (дары)» [1].

Изъ нашей же лѣтописи видно, что императоръ во время цареградскихъ переговоровъ хотѣлъ получить отъ Ольги, между прочимъ, «вои в помощь» [2]. Что-же, взамѣнъ своей военной помощи Византіи, хотѣла получить отъ императора Ольга, но не получила, судя по сохраненному лѣтописью выраженію Ольгой явнаго неудовольствія на Византію послѣ поѣздки туда?

Отвѣтъ на это, въ видѣ пріемлемой вполнѣ догадки, позволительно видѣть въ такихъ словахъ наставленія своему сыну Константина Багрянороднаго изъ его сочи-

---

1) См. Лаврентьевскую лѣтопись, стр. 61.

2) Ibidem.

ненія „Περὶ ἐθνῶν“: «Если, какъ это часто бываетъ», «какъ мы это могли узнать изъ своего собственнаго опыта», «Козары, Турки, Русь или какой-нибудь другой сѣверный скиѳскій народъ когда-либо будетъ добиваться и просить себѣ что-либо изъ царскихъ одеждъ, коронъ или украшеній за какую-нибудь услугу», то «надо ихъ неумѣстныя просьбы и дерзкія требованія отвергать» и «отклонять» [1]), точно также– «если какой-либо народъ изъ этихъ невѣрныхъ и презрѣнныхъ сѣверныхъ жителей попроситъ породниться съ царемъ Ромеевъ и или взять въ невѣсты его дочь, или дать свою дочь въ жены царю или царскому сыну, то такую безсмысленную (нелѣпую и неприличную) ихъ просьбу слѣдуетъ отклонить» [2]).

Изъ этихъ словъ Багрянороднаго видно, что именно особенно притягивало тогда къ Византіи молодые, еще некультурные народы Европы и особенно ихъ правителей. Дѣйствительно, въ X вѣкѣ чести породниться съ Византійскимъ императоромъ усиленно добивались такіе государи Европы, какъ могущественный въ Европѣ Германскій императоръ Оттонъ I (936—973 гг.), Гуго Капетъ—послѣ своего избранія королемъ Франціи на санлискомъ собраніи 987 г., Болгарскій царь Симеонъ (888 или 893—927 гг.) послѣ того, какъ одержалъ рядъ блестящихъ побѣдъ надъ Византіей, сильно унизившихъ и ослабившихъ ее.

Не впадемъ, думается, въ ошибку, если допустимъ, что усиливающаяся въ то время Кіевская Русь—въ лицѣ княгини Ольги—тоже не избѣжала общеевропейскаго увлеченія—преклоненія предъ сѣдой, священной Византіей и Византійскимъ императоромъ, истиннымъ преемникомъ славныхъ римскихъ императоровъ, и стремленія позаимствовать и для себя отраженіе этой сіяющей

1) См. въ упом. переводѣ названнаго сочиненія Багрянороднаго Ласкина стр. 77, см. также и дальше.

2) Ibidem., стр. 80 и слѣд.

многіе вѣка славы Византіи, наслѣдницы древняго Рима: и Ольга, можно думать, за военную помощь Византіи хотѣла такъ или иначе породниться съ императорскимъ домомъ и получить какой-нибудь видимый знакъ вниманія къ своей княжеской династіи со стороны Византіи и тѣмъ упрочить свою фамилію на престолѣ и укрѣпить ея власть въ Кіевѣ въ глазахъ какъ Кіевлянъ, такъ и сосѣднихъ народовъ.

Ольгѣ не удалось породниться съ императоромъ, но, видимо, очень хотѣлось: неспроста, надо думать, возникла занесенная въ лѣтопись неправдоподобная легенда о желаніи женатаго и имѣвшаго жену и взрослыхъ дѣтей императора Константина жениться на пожилой[1]) княгинѣ Ольгѣ. По лѣтописной легендѣ, какъ извѣстно, Ольга отвергаетъ чрезвычайно лестное для нея предложеніе императора на ней жениться: это, вѣроятно, выдуманная на Руси легендарная компенсація гордому Византійскому двору за его нежеланіе породниться съ княжеской династіей варварской Руси. Въ дѣйствительности Византійскій императоръ не захотѣлъ породниться съ какой-то княжеской фамиліей «презрѣнной», некультурной Руси, а на Руси эту неудачу постарались по мотивамъ національнаго самолюбія истолковать для потомства въ свою пользу: Византійскій императоръ—де и пытался породниться съ самой русской княгиней Ольгой, да послѣдняя сама не захотѣла этого—посмѣялась надъ императоромъ.

Такое объясненіе этого явно недостовѣрнаго и недоговаривающаго до конца лѣтописнаго сказанія [2]) намъ

---

1) Но, судя по ранней юности тогда Святослава, еще не такой глубокой старухѣ, какой ее считаютъ обычно, основываясь на лѣтописныхъ, хронологическихъ показаніяхъ.

2) Объ отрицательныхъ сторонахъ его см. напр. у Шахматова въ „Разысканіяхъ“, стр. 111—114 и др., въ 1 пол. I т. „Исторіи Русской Церкви“ Голубинскаго и др.

представляется единственно правдоподобнымъ и соотвѣтствующимъ истиннымъ отношеніямъ, какія тогда могли существовать между Византіей и Русью.

Далѣе, по всей видимости, въ связи съ этими переговорами Ольги съ Византіей стоялъ и вопросъ о крещеніи ея. Намекъ на это опять даетъ наша лѣтопись; она влагаетъ въ уста Ольги такія слова, обращенныя къ императору: «Аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся» [1]). Вопросъ о крещеніи Ольги тутъ связанъ съ вопросомъ объ удовлетвореніи ея самолюбія, ея чести. Нѣчто подобное, вѣроятно, было и въ дѣйствительности: какъ послѣ Владиміръ Святой свое крещеніе связывалъ съ женитьбой на греческой царевнѣ, такъ и бабка его—Ольга свое крещеніе ставила, очевидно, въ связь съ успѣхомъ своихъ переговоровъ съ Византіей.

Переговоры эти,—въ чемъ-бы они ни состояли [2]),—какъ видно, не удались, и въ силу этого Ольга уѣхала изъ Царьграда осенью 957 г. некрещенной,—какъ мы уже это могли видѣть изъ приведенныхъ выше данныхъ.

Поэтому мы не можемъ повѣрить лѣтописной легендѣ о крещеніи Ольги во всемъ ея объемѣ, содержащей при томъ явно легендарный элементъ, не лишенной несуразностей и историческихъ неточностей и даже прямыхъ противорѣчій, явно указывающихъ на объединеніе въ одномъ разсказѣ различныхъ данныхъ—разнаго происхожденія [3]).

---

[1]) Въ Лаврентьевской лѣтописи уп. изд. стр. 59.

[2]) Ѳ. И. Успенскій, напримѣръ, выдвигаетъ тутъ на первый планъ торговые и земскіе интересы Руси, см. его „Русь и Византія въ X в.“. Одесса, 1888 г., стр. 22,—также и Н. Д. Знойко—см. ст. его „О походахъ Святослава на Востокъ“—„Ж. М. Н. П.“ 1908 г.—декабр. кн.

[3]) См. у Шахматова, Голубинскато и др.

XVI.

Начало знакомства Ольги съ христіанствомъ нужно относить, конечно, къ городу Кіеву и времени до поѣздки ея въ Царьградъ [1]). То былъ, вѣроятно, лишь начальный моментъ христіанскаго оглашенія нашей княгини, заинтересовавшейся христіанствомъ и рѣшившей затѣмъ «добыть» [2]) его въ Царьградѣ при извѣстной обстановкѣ и на извѣстныхъ условіяхъ. Однако эта поѣздка въ Византію за «добываніемъ» христіанства въ міровомъ центрѣ его окончилась, какъ видно, для Ольги неудачей.

Стало быть, Ольга въ 957 году была въ Константинополѣ еще язычницей и таковой-же и уѣхала оттуда. Однако продолжительное пребываніе ея тамъ [3]) должно

---

[1]) Свидѣтельство Іакова Мниха о томъ, что Ольга прожила въ христіанскомъ состояніи 15 лѣтъ, при принятіи годомъ ея смерти 969, давшее Голубинскому основаніе отнесть крещеніе Ольги къ 954 г., мы можемъ принять развѣ въ томъ лишь смыслѣ, что около 954 г. началось первое „оглашеніе"—ознакомленіе Ольги съ истинами христіанской религіи.

[2]) Срв. въ „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 113.

[3]) Ольга, по всей вѣроятности, выѣхала изъ Кіева въ Царьградъ въ іюнѣ, когда обычно выѣзжалъ отсюда торговый караванъ Руси (см. въ ул. переводѣ Ласкина сочиненія Багрянороднаго „Περὶ ἐθνῶν", стр. 71); затѣмъ, по словамъ нашей лѣтописи, простояла долго въ „Суду"—подъ Царьградомъ; по словамъ Багрянороднаго—9 сентября и 18 октября была на пріемѣ у императора; значитъ, всего тутъ пробыла не меньше 2 мѣсяцевъ, а можетъ быть и больше. Нѣкоторыя соображенія

было еще больше расположить ее къ христіанству, показавъ весь блескъ столицы христіанскаго міра, увлекающую пышность и торжественность христіанскаго богослуженія и всѣ преимущества жизни христіанско-культурнаго народа.

Ольга выѣхала изъ Царьграда язычницей-же, но уже изобильно вкусившей отъ сладости христіанства и потому не могла долго послѣ этого пребывать въ язычествѣ.

Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Ольги, за неимѣніемъ другихъ данныхъ—отечественныхъ и византійскихъ, приходится заимствовать изъ случайно сохранившаго такія свѣдѣнія источника западнаго,—но безусловно достовѣрнаго. Даетъ ихъ современникъ, «наилучшій писатель времени Оттона I», [1]) продолжатель хрони-

---

въ пользу продолжительности ея тамъ пребыванія см. у проф. Д. В. Айналова въ уп. ст. въ „Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н." 1908 г. т. XIII, кн. 2 (стр. 304—305). Мы совершенно недоумѣваемъ, почему это наше предположеніе (см. нашу брошюру „Древне-русская княгиня св. Ольга", Кіевъ, 1911 г.) показалось неправдоподобнымъ проф. И. П. Козловскому, также—почему онъ не допускаетъ поѣздки Ольги именно съ ежегоднымъ торговымъ караваномъ Руси (это, во-первыхъ, такъ естественно при тогдашнемъ положеніи вещей на Руси, во-вторыхъ, какъ указано уже, доказывается преобладаніемъ въ свитѣ Ольги, по показаніямъ Константина Багрянороднаго, именно торговаго элемента, —срв. въ кн. Ѳ. И. Успенскаго „Византія и Русь въ X в.", стр. 22),—см. ст. проф. Козловскаго „Новая попытка рѣшенія вопросовъ о мѣстѣ и времени крещенія княгини Ольги"—„Варшавскія Университетскія Извѣстія", февр. кн. 1912 г. и отд. отт., Варшава, 1911 г.

[4]) См. у академика В. Г. Васильевскаго въ уп. ст. „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ"—„Ж. М. Н. П." 1888 г. іюльск. кн.; съ такимъ-же довѣріемъ къ показаніямъ продолжателя Регинона относятся, напр., проф. Ф. Я. Фортинскій—см. ст. его „Крещеніе кн. Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ" во 2 кн. „Чтеній въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп.,

ки аббата Регинона и вслѣдъ за нимъ нѣкоторыя немного болѣе позднія лѣтописи Запада [1]).

Интересующее насъ показаніе продолжателя Регинона таково: въ 959 г. «пришли къ королю (Оттону I Германскому),—какъ послѣ оказалось, лживымъ образомъ,—послы Елены королевы Руговъ, которая при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополѣ, и просили посвятить для сего народа епископа и священниковъ», въ 962 году «возвратился назадъ Адальбертъ, поставленный въ епископы Ругамъ (въ 961 г.), ибо не успѣлъ ни въ чемъ томъ, за чѣмъ былъ посланъ, и видѣлъ свои старанія напрасными» [2]).

Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ другихъ данныхъ по этому вопросу, принимая во вниманіе довѣріе ученыхъ къ показаніямъ данной лѣтописи, подтверждаемымъ другими западными хрониками, а также обычное пониманіе имени «Руговъ» въ смыслѣ—Руссовъ, Русскихъ [3]),—мы получаемъ въ приведенномъ краткомъ

проф. А. Д. Вороновъ—его ст. въ I кн. тѣхъ-же „Чтеній"—„О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вѣкахъ", и др.

[1]) Гильдесгеймская лѣтопись конца X в., Кведлинбургская-первой половины XI в., Корвейская, Ламбертъ Герсфельдскій или Ашаффенбургскій, Annalista Saxo.

[2]) См. „Scriptores rerum Germanicarum"—„ Reginonis abbatus prumiensis chronicon", цит. по изд. F. Kurze, Hannoverae, 1890 г., стр. 170 и 172; выдержки на русскомъ языкѣ въ „Исторіи Р. Ц." Голубинскаго—2 изд. I п. I т., стр. 102.

[3]) См. напр. въ упом. ст. В. Г. Васильевскаго—іюл. кн. „Ж. М. Н. П." 1888 г., также у Голубинскаго—прим. на стр. 81—82; еще въ лѣтописи Гильдесгеймской эти-же послы названы уже „legati Rusciae gentis"—см. „Annales Hildesheimenses" изъ „Scriptores rerum Germanicarum", изд. Hannoverae, 1878 г., G. Waitz, стр. 21); также и Титмаръ Мерзебургскій (ум. 1018 или 1019 г. г.) по поводу поѣздки Адальберта на Русь называетъ его „presul Rusciae" (см. стр. 31, отд. 22

разсказѣ чрезвычайно важныя свѣдѣнія о двухъ крупныхъ фактахъ церковно-историческаго характера изъ жизни нашей княгини Ольги и Руси ея времени.

Пользуясь этими показаніями, мы можемъ такъ представить себѣ исторію обращенія Ольги въ христіанство послѣ 957 года.

Съ раздраженіемъ и неудовольствіемъ на неудачу въ Византіи возвратившись оттуда, Ольга однако, вкусивъ «сладкаго», не хотѣла уже «горькаго» [1]),—близко ознакомившись съ жизнью христіанскаго народа и преимущественно съ лучшею, показною ея стороною и узнавъ христіанскую религію—и опять таки съ самой блестящей, парадной стороны ея культа,—уже не хотѣла оставаться темной язычницей, принадлежать къ некультурнымъ, отсталымъ народамъ. Потерпѣвъ неудачу на Босфорѣ, энергичная Ольга, съ острой горечью въ сердцѣ по адресу Византіи, рѣшаетъ завязать теперь болѣе близкія связи съ знакомымъ уже, хотя и далекимъ, Западомъ и съ этой цѣлью посылаетъ посольство къ самому могущественному государю Европы, будущему Западному императору, Оттону Германскому и уполномочиваетъ его просить о присылкѣ іерархіи для Руси.

Разъ у Кіева существовали, какъ устанавливается, торговыя связи съ нѣкоторыми западными странами,—напримѣръ, съ Восточной маркой по среднему Дунаю,—еще

кн. 2 „Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon", изд. F. Kurze, Hannoverae, 1889 г. (изъ „Scriptores rerum Germanicarum").

1) Ольга должна была получить отъ Царьграда, его христіанскихъ святынь и торжественныхъ богослуженій такое-же впечатлѣніе, какое, по лѣтописи, испытали тамъ-же послы Владиміра Святого, по возвращеніи изъ Византіи говорившіе: „Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ аще вкусить сладка, послѣди горести не приимаеть"—въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 106.

съ конца IX в. [1]),—то нѣтъ ничего удивительнаго, если Ольга слыхала объ Оттонѣ, его могуществѣ и значеніи въ Европѣ, о его сношеніяхъ со Славянами, тѣхъ преимуществахъ, которыми онъ надѣлялъ славянскихъ князей въ связи съ ихъ крещеніемъ, наконецъ, о римскомъ папѣ, верховномъ архіереѣ Запада, имѣющемъ подобно Византійскому императору особыя права раздавать королевскіе вѣнцы и титулы. У русской княгини тутъ, конечно, не могло возникнуть сложнаго вопроса о религіозно-обрядовыхъ особенностяхъ христіанскихъ церквей Востока и Запада-тѣмъ болѣе, что тогда еще не произошло окончательнаго раздѣленія Восточно-греческой и Западно-римской церквей.

Оттонъ Германскій, дѣйствительно интересовавшійся заведеніемъ и укрѣпленіемъ связей со славянскими князьями для установленія политической отъ себя ихъ зависимости и немало предпринимавшій для христіанизаціи Славянъ, охотно откликнулся на зовъ Ольги, рѣшивъ послать на Русь епископа. Однако обстоятельства сложились такъ, что присылка іерархіи съ Запада нѣсколько замедлилась вслѣдствіе неожиданной кончины назначеннаго къ отправкѣ на Русь епископа Либуція, и вновь опредѣленный для Руси епископъ Адальбертъ поѣхалъ сюда лишь въ концѣ 961 г. А между тѣмъ за эти два года теченіе кіевскихъ дѣлъ сложилось для Адальберта и западной миссіи здѣсь неблагопріятно.

Ольгѣ, конечно, болѣе близкая и знакомая Византія, давно притягивавшая къ себѣ взоры Руси и ея князей, была все-таки интереснѣе далекаго Запада—и по соображеніямъ торгово-экономическаго характера, и по оцѣнкѣ сравнительнаго достоинства Византійскаго императора и

---

[1]) См. въ упоминавшейся ст. В. Г. Васильевскаго „Ж. Н. Н. Пр." 1888 г. іюл. кн., также въ уп. ст. И. П. Козловскаго „Сношенія древней Руси"—и др.

блеска его двора: сравнивая разсказы пословъ объ Оттонѣ и его дворѣ съ видѣннымъ ею лично въ Византіи, Ольга ясно увидѣла и сознала преимущества послѣдней, а также со всею Кіевскою Русью сильно чувствовала тѣсную экономическую связь съ Византіей.

Поэтому, когда вскорѣ, по смерти прежняго императора Константина Багрянороднаго (умеръ въ ноябрѣ 959 г.), новый императоръ Романъ II попросилъ себѣ военной помощи Руси для участія въ предпринятомъ имъ походѣ на Критъ,—Ольга охотно возобновила переговоры съ Византіей, и такъ какъ Византійскій императоръ снова попросилъ себѣ у Ольги «вои въ помощь» [1]),—то Ольга, конечно, опять подняла рѣчь о компенсаціи за эту помощь. Въ этотъ разъ ея желанія, вѣроятно, были скромнѣе—въ виду имѣвшагося уже горькаго опыта на этотъ счетъ, а съ другой стороны—и въ виду, очевидно, поднявшей голову, при извѣстіи о планахъ и намѣреніяхъ княгини, чрезвычайно сильной и враждебной къ христіанству кіевской языческой партіи, склонившей на свою сторону и молодого князя Святослава и, видимо, начавшей борьбу противъ Ольги.

Столковавшись предварительно съ представителями Византіи въ Кіевѣ, Ольга теперь снова поѣхала въ Царьградъ и, согласно приведенному выше западному свидѣтельству, при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ II [2]) (959—963 г.г.), крестилась въ Царьградѣ. Произошло это, очевид-

---

[1]) См. приведенное выше сообщеніе нашей лѣтописи о переговорахъ Ольги съ Византіей—въ Лаврент. лѣтописи стр. 61.

[2]) Преосвященный Макарій Булгаковъ толкуетъ это извѣстіе такъ: „при Константинѣ и Романѣ“„—но это явная натяжка съ опредѣленной тенденціей отстоять 957 г., какъ годъ крещенія Ольги,—неосновательность чего мы уже видѣли,—см. въ упом. кн. Макарія „Исторія христіанства въ Россіи до равноап. кн. Владиміра“, I изд.—СПБ., 1846 года, стр. 313,—2 изд., СПБ., 1866 г., стр. 255.

но, между 960 и 962 г. г., —по всей видимости, не раньше лѣта 960 г., перваго лѣта Романова царствованія, и не позже осени 961 г. (т. е. до прибытія Адальберта въ Кіевъ)—какъ разъ въ то время, когда именно русская наемная дружина отправилась въ Византію, чтобы участвовать затѣмъ въ Критскомъ походѣ.

Въ эту вторичную поѣздку въ Парьградъ,—которую необходимо принять, чтобы не отступать отъ достовѣрнаго современнаго западнаго свидѣтельства о времени и мѣстѣ крещенія Ольги, стоящаго при томъ въ согласіи со всѣми древними свидѣтельствами о мѣстѣ крещенія Ольги-именно въ Царьградѣ [1]), а также въ соотвѣтствіи съ невозможностью отнесть это крещеніо къ поѣздкѣ ея въ 957 г.,—въ эту поѣздку [2]) Ольга, видимо, не только крестилась,

[1]) Проф. И. П. Козловскій въ отмѣченной брошюрѣ „Новая попытка рѣшенія вопросовъ о мѣстѣ и времени крещенія княгини Ольги", вполнѣ соглашаясь съ нами, что Ольга крестилась послѣ 957 г, и отвергая мнѣніе Голубинскаго о крещеніи ея на Руси въ 954 г., все-же обнаруживаетъ явное желаніе допустить крещеніе Ольги дома—на Руси; въ свою пользу однако онъ можетъ привесть только указаніе одной лѣтописи XV в. о крещеніи Ольги въ Корсунѣ—Херсонесѣ, но, какъ справедливо полагаетъ академикъ Шахматовъ (см. 113 стр. его „Разысканій"), „смѣшеніе здѣсь Ольги съ Владиміромъ очевидно",—это просто отзвукъ извѣстной Корсунской легенды о крещеніи Владиміра Святого, отразившейся, очевидно, и на одномъ изъ позднихъ сказаній объ Ольгѣ; къ тому-же крещеніе въ Херсонесѣ—это вовсе не крещеніе дома на Руси, а опять-таки у Грековъ; и если былъ, конечно, опредѣленный смыслъ для Ольги креститься въ самомъ Царьградѣ, то предпочитать крещеніе въ Херсонесѣ крещенію у себя въ Кіевѣ, гдѣ все-же была и христіанская церковь и христіанскій священникъ (хоть одинъ), не было никакого основанія и надобности.

[2]) Трудности и неудобства поѣздокъ въ Царьградъ еще ничего сами по себѣ не говорятъ противъ возможности второй поѣздки туда—энергичной и настойчивой Ольги, окрыленной къ

но и заключила союзный договоръ съ Византіей. Несомнѣннымъ слѣдствіемъ, конечно, этого именно договора былъ союзъ преемника Романа—Никифора Фоки (963—969 г.г.) съ княземъ Руси Святославомъ, сыномъ Ольги, осуществленный еще при жизни послѣдней. Этотъ послѣдній союзъ, заключенный противъ Болгаръ вопреки письменному наставленію Константина Багрянороднаго—своимъ преемникамъ—въ борьбѣ съ Болгарами звать на помощь Печенѣговъ, естественно наводитъ насъ на мысль, что въ данномъ случаѣ отступленіе отъ совѣта Багрянороднаго произошло, очевидно, лишь въ силу незадолго предъ тѣмъ формально заключеннаго союза съ Русью, когда еще живы были Ольга и Святославъ, заключавшіе этотъ союзный договоръ, и вдова императора Романа, вышедшая замужъ за новаго императора Никифора.

Что Ольга правомочна была заключать подобный

тому-же сильнымъ и высокимъ стремленіемъ (двѣ поѣздки ея туда вообще допускаютъ, напримѣръ, Н. И. Костомаровъ, Ѳ. И. Успенскій). Проф. Д. В. Айналовъ въ ст. „Даръ св. кн. Ольги въ ризницу св. Софіи въ Царьградѣ“ въ 3 т. „Трудовъ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ“, Москва, 1905 г., а также въ ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1908 г. ноябр. кн.—въ „Примѣчаніяхъ“ къ тексту книги „Паломникъ“ Антонія Новгородскаго (гл. 14),—высказываетъ соображенія о существенномъ превосходствѣ по своей цѣнности блюда Ольги,—подареннаго ею въ Константинопольскую св. Софію, бывшаго затѣмъ предметомъ созерцанія здѣсь Антонія Новгородскаго на рубежѣ XII и XIII в. в. и описаннаго имъ въ своемъ „Паломникѣ“,—предъ тѣмъ блюдомъ, какое описываетъ Багрянородный, какъ подношеніе его Ольгѣ, и этимъ косвенно, полагаемъ, тоже подтверждаетъ необходимость признанія вторичной—послѣ 957 г.—поѣздки Ольги въ Царьградъ,—когда она, очевидно, получила отъ Византійскаго императора Романа—по сравненію съ подарками императора Константина—большіе и болѣе цѣнные дары и когда, принявши въ этотъ разъ крещеніе здѣсь, лучшій изъ полученныхъ даровъ пожертвовала въ ризницу св. Софіи.

союзный договоръ Руси съ Византіей, это можно полагать на основаніи того, что до 963 или 964 г.г. мы еще не видимъ по лѣтописи самостоятельныхъ выступленій Святослава, да и потомъ, уѣзжая изъ Кіева, Святославъ оставляетъ тутъ Ольгу съ извѣстными княжескими правами по управленію; при томъ-же во вторую поѣздку Ольги въ Царьградъ, какъ это было и въ первую, Ольгу, по всей вѣроятности, тоже сопровождали спеціально командированные, довѣренные «мужи Святослава».

Весьма возможно, что въ это свое пребываніе въ Царьградѣ Ольга имѣла утѣшеніе,—согласно съ показаніемъ нашей лѣтописи, соединившей, повидимому, воедино черты двухъ поѣздокъ Ольги,—получить крещеніе отъ патріарха при воспріемничествѣ императора; быть можетъ, при этомъ ей удалось выхлопотать Кіевскому князю какой-нибудь придворный византійскій титулъ—въ родѣ, напримѣръ, титула наслѣдственнаго главнаго императорскаго стольника [1]),—но не больше того: породниться съ императорскимъ домомъ Кіевской княжеской династіи и въ этотъ разъ не посчастливилось.

Какъ-бы то ни было, привезть съ собой епископа и многочисленное духовенство изъ Царьграда Ольгѣ не удалось и врядъ-ли по причинамъ, зависѣвшимъ отъ Византіи. Положеніе христіанства въ Кіевѣ вслѣдъ затѣмъ хорошо характеризуется двумя лѣтописными замѣчаніями: первое—«аще кто хотяше» въ это время въ Кіевѣ «кре-

---

1) Полагаемъ вѣроятнымъ отнесть къ данному именно моменту пожалованіе русскому князю этого именно титула, о чемъ говоритъ византійскій писатель XIV в. Никифоръ Григора, совершенно неправдоподобно относящій такое пожалованіе князю Руси ко временамъ еще Константина Великаго, когда князей Руси еще не существовало и сама Русь, какъ таковая, не была извѣстна въ исторіи,—см. въ русск. перев. 5 гл. въ VII кн. „Римской Исторіи“ Никифора Григоры, СПБ., 1862 г., стр. 231.

ститися, не браняху, но ругахуся тому» [1]), и второе—замѣчаніе нѣкоторыхъ древнихъ списковъ лѣтописи о самой Ольгѣ—«бѣ бо имущи презвутера втайнѣ» [2]). Къ христіанству въ Кіевѣ, стало быть, послѣ крещенія Ольги относились съ презрѣніемъ, и христіанская религія влачила существованіе вѣры тайной, полудозволенной, еле лишь терпимой.

А отсюда мы въ правѣ заключить, что, возвратившись изъ второй поѣздки своей въ Царьградъ на Русь въ концѣ 960 г. или въ 961 г., Ольга, по всей видимости, встрѣтила въ Кіевѣ себѣ и задуманному ею крещенію Руси сильную оппозицію. Оппозицію эту прежде всего составила дружина,—высшій общественный классъ Кіевской Руси. На свою сторону она увлекла молодого князя Святослава, рано обнаружившаго страсть къ походамъ и набѣгамъ и нисколько не раздѣлявшаго желанія своей матери путемъ усвоенія христіанства ввести на Руси новую религію и новый строй жизни. Его, очевидно, не соблазняло, вступивъ въ связь съ Византіей и принявъ оттуда христіанство, перенесть въ Кіевъ новыя—византійскія понятія и о князѣ и его власти. Послѣднее обстоятельство, связанное съ перемѣной религіи, должно было особенно не нравиться и дружинѣ, и всѣмъ вообще болѣе сознательнымъ мѣстнымъ элементамъ общественнымъ, стоявшимъ, конечно, за старые порядки противъ усиленія княжеской власти. О народной массѣ и говорить нечего: она всецѣ-

---

1) Въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 61.

2) Академикъ Шахматовъ, слѣдуя лѣтописямъ Новгородской 1-й и Софійской 1-й, вполнѣ основательно относилъ слово „втайнѣ“ къ Начальному и Древнѣйшему своду лѣтописи (см. въ „Разысканіяхъ“ стр. 114), но затѣмъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ взглядовъ Голубинскаго о широкомъ распространеніи христіанства на Руси еще при Игорѣ,—въ „Поправкахъ и дополненіяхъ“ къ „Разысканіямъ“ обнаружилъ, къ сожалѣнію, готовность отказаться отъ высказанной имъ мысли (см. стр. 667 „Разысканій“)—думается, совершенно напрасно.

ло была предана старой религіи и старому укладу жизни. Къ тому-же и результаты вторичныхъ переговоровъ Ольги въ Царьградѣ, какъ указывалось, видимо, не были особенно блестящи.

Такимъ образомъ крещеніе Ольги и естественная попытка ея насадить христіанство въ Кіевѣ встрѣтила здѣсь сильный отпоръ, вызвала чуть не революцію [1]), и только благоразуміе Ольги, не пожелавшей «противу рожна прати», и близкое родство ея съ Святославомъ, навѣрное, спасло ее отъ такой-же участи, какая постигла полустолѣтіемъ раньше перваго піонера христіанства въ Кіевѣ—Аскольда. Можно допустить, что именно крещеніе Ольги и ея попытки къ проповѣди христіанства въ Кіевѣ и побудили Святослава принять отъ Ольги на себя роль князя—правителя.

Конечно, Ольга не была совершенно одинока въ своемъ увлеченіи христіанствомъ и стремленіи заимствовать изъ Византіи новые взгляды, понятія и учрежденія; ей, очевидно, сочувствовали въ этомъ и многіе изъ бывшихъ съ нею въ Константинополѣ, и ѣздившіе къ Оттону послы; но этихъ сочувствовавшихъ предпріятію Ольги все-же было сравнительно слишкомъ мало, чтобы они смогли играть въ кіевскихъ дѣлахъ господствующую роль и оказать существенную помощь въ проведеніи задуманной старой и умной княгиней серьезной религіозно-соціальной реформы. При сильномъ отпорѣ подавляющей массы консерваторовъ эти новаторы должны были стушеваться вмѣстѣ съ Ольгой и уступить торжествующей еще пока силѣ старины.

Неудивительно послѣ всего этого, если прибывшаго

---

1) На послѣднее намекаетъ лѣтопись Іоакимовская, говоря, что во время увѣщаній Ольгою Святослава къ крещенію „отъ вельможъ и смерть мнозіи пріяша“—см. 36 стр. упом. 1 ч. I кн. исторіи Татищева.

въ Кіевъ въ концѣ 961 или началѣ 962 года западнаго епископа Адальберта приняли здѣсь болѣе, чѣмъ холодно: Ольга была уже крещена и вступила въ церковно-политическій союзъ съ Византіей,—гдѣ ее, вѣроятно, предупредили уже, настроивъ отрицательно противъ западнаго духовенства,—при неудачѣ распространенія на Русу христіанства Ольгой іерархіи—тѣмъ болѣе западной—въ Кіевѣ нечего было дѣлать, да къ тому-же къ ней, вообще къ христіанской іерархіи съ епископомъ во главѣ, побѣдившіе Ольгу мѣстные язычники должны были отнестись особенно враждебно, боясь новой чужеземной сильной организаціи, пропагандирующей не только новую вѣру, но и новые устои государственно-соціальной жизни [1]).

Адальбертъ ушелъ ни съ чѣмъ, и эта первая, достовѣрно извѣстная намъ, попытка учрежденія въ Кіевѣ христіанской епископіи окончилась неудачею, какъ неудачно кончилась и вся вторая попытка утвержденія въ Кіевѣ христіанства.

---

1) Проф. И. П. Козловскій въ упом. брошюрѣ своей „Новая попытка рѣшенія вопросовъ“ указываетъ, что Ольга съ Запада просила себѣ только іерархіи, а не собиралась получить оттуда самое крещеніе; но, во-первыхъ, крестившись уже въ Византіи и во всякомъ случаѣ изъ Византіи, она врядъ-ли стала-бы искать себѣ затѣмъ іерархіи на Западѣ; во-вторыхъ, неясно, почему-же въ такомъ случаѣ призваннаго Адальберта удалили изъ Кіева; въ-третьихъ, непонятно, почему не пожелали дать Ольгѣ іерархіи изъ Византіи послѣ крещенія, а нужно было выписывать ее съ далекаго Запада; въ—четвертыхъ, отправивъ изъ Кіева Адальберта, Ольга взамѣнъ его изъ Византіи не получила себѣ епископа,—слѣдовательно, дѣло было не въ одной только іерархіи, но прежде всего въ самомъ крещеніи Ольги; въ—пятыхъ, наконецъ, „Annales Hildesheimenses“ указываютъ, что въ данномъ случаѣ послы Руси просили епископа на Русь именно для цѣлей миссіонерскихъ—для обращенія изъ язычества въ христіанство, а не для устроенія уже существующей церкви (см. 22 стр. въ упом. изд. G. Waitz, Hannoverae,

Поэтому съ большимъ сомнѣніемъ и даже недовѣріемъ нужно относиться къ позднѣйшимъ извѣстіямъ о широкомъ и вообще о какомъ бы то ни было строительствѣ Ольгою церквей[1]) и о сколько—нибудь значительныхъ размѣрахъ пропаганды ею христіанства, а тѣмъ болѣе къ показанію Іакова Мниха, будто Ольга на Руси «требища сокруши».

Сама Ольга, какъ видно, для христіанизаціи Руси лично сдѣлала, вѣрнѣе—могла сдѣлать очень немного. Но ея крещеніе имѣло громадное историческое значеніе: для слѣдующаго поколѣнія примѣръ энергичной, умной княгини разбивалъ ледъ холодности и предубѣжденія про-

---

1878 г.). Далѣе, проф. Козловскаго смущаетъ то, что продолжатель Регинона называетъ нашу Ольгу христіанскимъ именемъ Елены подъ 959 г. и подъ тѣмъ-же годомъ упоминаетъ о ея крещеніи при Романѣ; но онъ выпускаетъ изъ виду, что въ данной лѣтописи объ Ольгѣ говорится всего только одинъ разъ и вскользь, и при томъ самая запись сдѣлана была, конечно, не въ 959 г., а позже,—авторъ, очевидно, упомянувъ разъ лишь о княгинѣ далекой Руси, сразу сообщилъ о ней все, что слыхалъ,—подобно тому какъ въ „Annales Hildesheimenses“ подъ 960 г. разсказано все о миссіи Адальберта, до неуспѣха его миссіи на Руси включительно, хотя послѣднее обстоятельство выяснилось уже лишь въ 962 г. Болѣе подробный нашъ отвѣтъ г. Козловскому см. въ № I ж. „Вѣра и Разумъ“ 1912 г.—„Свидѣтельство продолжателя хроники Регинона о крещеніи св. кн. Ольги“; объ Ольгѣ см. также нашу брошюру “Древнерусская княгиня св. равноапостол. Ольга“, Кіевъ, 1911 г., равно какъ ст. „Крещеніе св. княгини Ольги“ въ ж. „Вѣра и Разумъ“ 1911 г., № 10, и „Къ вопросу о крещеніи св. кн. Ольги“ ж. „Вѣра и Разумъ“ 1911 г. № 19.

1) См., напримѣръ, свѣдѣнія о церквахъ, якобы построенныхъ Ольгою, въ ст. П. Глазунова—„Храмы, построенные св. Владиміромъ и другими въ его время“—„Тр. Кіев. Д. Академіи“ 1888 г. іюньск. кн., гл. I-я; также у В. Г. Ляскоронскаго въ упом. ст. „Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время“ „Ж. М. Н. Пр.“ 1913 г.—гл. обр. въ кн. майской.

тивъ христіанства, которое теперь уже не казалось такимъ чуждымъ, необычнымъ и неподходящимъ для Руси, такъ какъ его исповѣдывала выдающаяся мѣстная княгиня, о которой въ народной памяти скоро создались цѣлыя легенды [1]).

---

1) Есть спеціальная брошюра В. И. Саввы, нынѣ проф., „О времени и мѣстѣ крещенія русской в. кн. Ольги", Харьковъ, 1890 г., но эта небольшая работа молодого тогда автора носитъ совершенно компилятивный характеръ и не вноситъ ничего новаго и интереснаго въ данный вопросъ.

XVII.

Князь Святославъ, несмотря на свое несомнѣнно славянское имя, по характеру былъ типичнымъ норманскимъ витяземъ, виртуозомъ по части смѣлыхъ, отважныхъ набѣговъ и нескончаемыхъ походовъ; это противорѣчіе имени и характера, при наличности другихъ, уже отмѣченныхъ нами раньше, данныхъ, скорѣе и естественнѣе всего объясняется славянскимъ происхожденіемъ Святославова отца и норманскимъ—матери его [1]).

По отмѣченнымъ чертамъ своего характера и симпатіямъ онъ меньше всего подходилъ къ религіи христіанской; это былъ типичный язычникъ и вмѣстѣ горячій приверженецъ стараго строя и старины, безпокойная, воинственная натура котораго жаждала набѣговъ, грабежей, богатой дани, но нисколько не соблазнялась перспективами полученія особыхъ прерогативъ и привиллегій для своего княжескаго достоинства и власти и включенія Руси чрезъ посредство Византіи въ семью культурныхъ странъ. Имѣя главною цѣлью своею набѣги, военныя схватки и хорошую добычу, Святославъ вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовалъ въ извѣстной мѣрѣ въ своей дѣятельности и защиту торговыхъ интересовъ Руси и расширеніе ея торговыхъ оборотовъ—благодаря расчисткѣ торговыхъ пу-

---

1) Выше, въ гл. XVI, указывалось уже на сходство характеровъ Ольги и Святослава и несходство послѣдняго съ отцомъ; самое имя Святослава—славянское—указываетъ на то, что при соединеніи въ его лицѣ норманской и славянской крови отецъ именно у него былъ славянинъ, а не мать.

тей, но дальше этого его планы и цѣли не шли [1]).

Святославъ, кажется, первый изъ Кіевскихъ князей попалъ на Волгу, узналъ этотъ, невѣдомый Кіеву доселѣ, старый торговый путь, одержалъ верхъ въ борьбѣ съ хозяевами этого пути—Болгарами Камскими, сломилъ силу Хазаръ, давнихъ руководителей Кіевской торговли,—побѣдивъ Ясовъ и Касоговъ, проложилъ путь къ Тмутаракани и возстановилъ, очевидно, старую связь ея съ Кіевомъ путемъ, вѣроятно, нѣкотораго подчиненія первой второму [2]), наконецъ, онъ сталъ искать путей на юго-западъ, рѣшилъ добраться до Византіи, но въ этой попыткѣ искать новыхъ мѣстъ для своихъ военныхъ подвиговъ и собиранія дани и точекъ опоры для торговли Руси потерпѣлъ неудачу—не столько со стороны Византіи, сколько отъ степныхъ кочевниковъ-Печенѣговъ, перерѣзавшихъ сообщеніе Руси съ юго-западомъ.

Вообще это былъ, видимо, типичный норманскій викингъ въ родѣ Олега,—такой-же сказочный герой отдаленныхъ блестящихъ и отважныхъ набѣговъ и въ такой же степени—неземскій князь, мало интересовавшійся дѣлами управленія своей земли.

На Волгу Святославъ могъ свободно попасть и дѣйствовать тамъ, лишь сломивъ, конечно, предварительно силу Новгорода,—сюда простиравшаго свое вліяніе и тѣсно связаннаго въ торговыхъ дѣлахъ съ Камскими Болгарами,—и до извѣстной степени подчинивъ его себѣ. Разсказъ лѣтописи о томъ, что Новгородцы около 970 г. увидѣли себя вынужденными просить у Святослава поставить имъ

1) Обычно дѣятельность Святослава находятъ болѣе цѣлесообразной и планомѣрной безъ достаточныхъ къ тому основаній—см. въ указ. ниже работахъ Завитневича, Знойко и др.

2) Слишкомъ частые и отдаленные походы Святослава и частое отсутствіе его изъ Кіева не могли, конечно, посодѣйствовать прочному закрѣпленію этихъ связей и особенно зависимости Тмутаракани отъ Кіева.

кого-нибудь изъ его сыновей княземъ, даетъ лѣтописное подтвержденіе нашей мысли о подчиненіи Новгорода Кіеву именно при Святославѣ. Объ этомъ-же подчиненіи Новгорода Кіеву говоритъ и дань въ 2000 гривенъ, которую, по лѣтописи, давали Кіевскому князю «вьси» «посадници» или «кънязи новъгородьстии»—еще раньше Владиміра Святого, а Ярославъ, сынъ послѣдняго, отказался платить отцу [1]); странно было-бы думать, что дань эту наложилъ Олегъ, по общепринятому мнѣнію—покорившій себѣ Кіевъ при помощи Новгорода именно [2]); другой-же моментъ для установленія этой дани Новгорода Кіеву, кромѣ княженія Святослава, указать трудно.

Еще нѣкоторое указаніе въ пользу принимаемаго нами положенія можно видѣть въ томъ, что Свѣнельдъ, —котораго мы со значительной долей вѣроятности считаемъ Новгородскимъ княземъ,—при Игорѣ является въ лѣтописи сильнымъ, независимымъ отъ Игоря и враждебнымъ ему лицомъ,—при Святославѣ-же, въ концѣ его княженія, мы видимъ уже Свѣнельда въ роли подчиненнаго Кіевскому князю.

Святославу, по всей видимости, удалось закончить продолжительную борьбу Кіева и Новгорода изъ-за первенства на Руси въ пользу перваго и тѣмъ дать возможность свободно развиваться послѣ этого торговому движенію по объединенному, наконецъ, въ однѣхъ рукахъ важному пути «изъ Варягъ въ Греки», вслѣдствіе чего съ конца X вѣка [3]) начинаетъ дѣлаться фактически замѣтнымъ движеніе Норманновъ по этому пути въ Кіевъ и дальше—въ Византію.

---

[1]) См. Лаврентьевскую лѣтопись стр. 126, срв. въ „Разысканіяхъ“ Шахматова стр. 516.

[2]) См. выше въ гл. X.

[3]) Уже по окончаніи междоусобной борьбы сыновей Святослава, изъ которыхъ Ярополкъ и Владиміръ опять было явились представителями борющихся—Кіева и Новгорода; срв. въ 1 ч. кн. Гедеонова „Варяги и Русь“, стр. 180 и др.

Эти намеки лѣтописи на подчиненіе Святославомъ себѣ Новгорода, разсказъ объ убіеніи Олегомъ Святославичемъ Люта Свѣнельдича, указанія на связи съ Святославомъ и его семействомъ дѣтей Мстишиныхъ-Малуши и Добрыни [1]),—все это вмѣстѣ взятое говоритъ въ пользу того, что въ уцѣлѣвшихъ лѣтописныхъ отрывочныхъ данныхъ заключаются слѣды искалѣченнаго до неузнаваемости лѣтописнымъ сводчикомъ древняго сказанія объ окончаніи Святославомъ продолжительной—въ теченіе околѣе полустолѣтія, вѣроятно,—борьбы Кіевской династіи съ Норманской-Новгородскими князьями.

Уже сдѣлана была попытка [2]) поставить въ родственную связь Малушу, жену или наложницу Святослава, и ея брата Добрыню съ Маломъ или Мстишей Древлянскимъ, который, какъ мы видѣли, по всей вѣроятности, былъ сыномъ Свѣнельда, князя Новгородскаго.

Въ борьбѣ со Святославомъ и его сыновьями семья Новгородскаго князя частію погибла (Малъ-Мстиша и Лютъ [3]), частію-же смирилась и перешла на служебныя отношенія къ Кіевскому князю (Добрыня,—можетъ быть,

---

1) См. въ „Разысканіяхъ“ Шахматова въ гл. 14-й.

2) Еще Д. Прозоровскій поставилъ въ связь Малушу и Добрыню съ Маломъ Древлянскимъ—см. ст. его „О родствѣ св. Владиміра по матери“ въ I кн. 5 т. „Записокъ Имп. Академіи Наукъ“ 1864 г.; обстоятельнѣе—у Шахматова въ упом. гл. 14-й его „Разысканій“.

3) Въ отрывочно сохранившемся указаніи лѣтописи на убіеніе Олегомъ Святославичемъ Люта Свѣнельдича можно усмотрѣть остатокъ болѣе полнаго сказанія объ одномъ изъ заключительныхъ эпизодовъ борьбы Новгородской княжеской семьи Свѣнельда противъ Кіева и его династіи: послѣ подчиненія Кіевскому князей Новгорода и перехода Свѣнельда на службу къ Святославу, Лютъ, очевидно, оказался непримиримымъ и продолжалъ въ Древлянскихъ лѣсахъ борьбу противъ Кіевской династіи.

Блудъ и даже самъ Свѣнельдъ, изъ независимаго положенія при Игорѣ превратившійся въ воеводу при Святославѣ [1]). Дочь Мстиши-Малушу—или Малку—или Малфрѣдь[2])—Святославъ сдѣлалъ себѣ одною изъ женъ и прижилъ съ нею сына Владиміра [3]). Несомнѣнная связь Добрыни, брата Малуши, съ Новгородомъ,—очевидно, какъ бывшаго Новгородскаго княжича,—видна и изъ упоминанія лѣтописью о томъ, что онъ подаетъ Новгородцамъ совѣтъ относительно избранія князя, и изъ того, что онъ потомъ въ Новгородѣ руководитъ молодымъ княземъ Владиміромъ, тоже въ ранней молодости крѣпко привязаннымъ къ Новгороду и проникнутымъ его духомъ.

Видимо, подчиненіе Кіеву Святославомъ Новгорода не было окончательнымъ сломленіемъ свободы послѣдняго, а просто установленіемъ даннически-зависимыхъ отношеній къ Кіеву, не ломавшихъ въ корнѣ старыхъ особенностей и самобытности жизни Новгородской волости. Надо думать, въ связи съ этимъ и Владиміръ именно попалъ въ Новгородъ княземъ, какъ сынъ бывшей Новгородской княжны Малфрѣди или Малуши,—по тѣмъ-же основані-

---

[1]) См. нѣкоторыя соображенія, не доведенныя, впрочемъ, до естественнаго конца въ кн. А. Преснякова „Княжое Право въ древней Руси", СПБ., 1909 г., стр. 235.

[2]) Догадка Погодина и затѣмъ Шахматова, позволяющая и это имя, какъ имена Свѣнельда и Мискины, возвести къ норманскому происхожденію; имя-же Добрыни, очевидно, претерпѣло славя низированіе.

[3]) Вообще Владиміръ—какой-то исключительный членъ семьи Святослава, ниже другихъ сыновей какъ-бы стоящій; если не принять нашего предположенія о происхожденіи матери Владиміра изъ Новгородской княжеской семьи, то можно даже усомниться въ томъ, былъ-ли Владиміръ сыномъ Святослава,—настолько видна обособленность Владиміра отъ прочихъ сыновей Святослава и его крѣпкія связи съ Новгородомъ.

ямъ, по какимъ немного позже—при самомъ Владимірѣ—Полоцкое княжество осталось за потомствомъ Рогнѣды, Полоцкой княжны.

Подтвержденіе того обстоятельства, что только около этого времени упрочилась связь Кіева съ Новгородомъ, можно видѣть въ лѣтописномъ свидѣтельствѣ о покореніи Кіеву Радимичей, жившихъ на водномъ пути между Кіевомъ и Новгородомъ, лишь Владиміромъ—уже около 984 г. [1]). Очевидно, подчиненіе Новгорода поставило на очередь вопросъ объ использованіи въ торговомъ отношеніи балтійско-днѣпровского пути и нужно было устранить наличныя по пути препятствія въ видѣ не подчинявшихся доселѣ польскихъ племенъ, всегда имѣвшихъ возможность закрыть свободный проходъ по этому пути.

Новая связь Кіева и его княжеской династіи съ закоренѣлымъ въ язычествѣ Новгородомъ и его развѣнчанной княжеской фамиліей естественно должна была сопровождаться обновленіемъ языческихъ симпатій и усиленіемъ въ Кіевѣ языческой партіи,—и безъ того, впрочемъ, все еще здѣсь очень могущественной.

Какъ отмѣчалось уже [2]), отдаленность Новгорода отъ южныхъ и западныхъ центровъ христіанства, господство въ это время въ близкой къ нему по географическому положенію и по связямъ Скандинавіи язычества—заставляютъ предполагать полное отсутствіе въ данное время

---

[1]) Въ Лаврентьевской лѣтописи по указ. изд. см. стр. 82. Попытка А. А. Шахматова пріурочить покореніе Кіевомъ Радимичей къ лѣтописному преданію объ Олегѣ (см. въ его ст. „Древнія ляшскія поселенія въ Россіи“ въ ж. „Славянство“ 1911 г. №№ 4—6) падаетъ въ виду полной легендарности преданій объ Олегѣ и его необычайныхъ завоеваніяхъ, явно перенесенныхъ на него съ цѣлаго ряда другихъ личностей. Въ походѣ-же Олега Норманско-Новгородскаго на Царьградъ Радимичи могли участвовать независимо отъ связи ихъ съ Кіевомъ.

[2]) Въ главѣ XIII.

христіанскаго элемента въ Новгородѣ; о томъ-же говоритъ и глубокое язычество Новгорода въ тотъ моментъ, когда Владиміръ Святой принесъ сюда впослѣдствіи христіанство.

Неудивительно поэтому, если и въ бывшемъ Новгородскомъ княжичѣ Добрынѣ мы замѣчаемъ, по лѣтописи, несомнѣнное яркое языческое направленіе, переданное имъ и Владиміру. Очевидно, что и сестра Добрыни, Малуша, явившись въ Кіевъ изъ Новгорода, принесла съ собою оттуда языческія симпатіи. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ скорѣе всего объясняется, думаемъ, тотъ «гнѣвъ» по отношенію къ ней княгини Ольги—христіанки, въ результатѣ котораго, по сообщенію лѣтописей—Никоновской и Архангелогородской, отослала Ольга Малушу изъ Кіева въ «весь Будутинъ», гдѣ она и родила Владиміра. Этотъ фактъ явно обнаружившейся нелюбви Ольги къ Малушѣ, вмѣстѣ съ отмѣченнымъ сильнымъ языческимъ направленіемъ брата послѣдней—Добрыни и сына Владиміра въ юности и предполагаемымъ новгородскимъ происхожденіемъ ея [1]),—довольно убѣдительно говорятъ противъ предположенія Шахматова, будто «мать Владиміра была христіанкой» [2]),—самое умолчаніе о каковомъ фактѣ лѣтописи является уже достаточнымъ опроверженіемъ его, такъ какъ подобнаго рода преданіе врядъ-ли было-бы не отмѣчено лѣтописцемъ.

Но и независимо отъ связей съ Новгородомъ и брака съ Малушей, Святославъ и самъ по себѣ, по своимъ

---

[1]) См. также свидѣтельство западнаго монаха Оддура въ исторіи Олафа Тригвасона о томъ, что мать Владиміра была ворожея,—привед. напр. у Гедеонова въ кн. „Варяги и Русь", ч. 1, стр. 242.

[2]). См. 377 стр. въ „Разысканіяхъ"; раньше эта же догадка была высказана въ упом. ст. Прозоровскаго и вызвала возраженія И. И. Срезневскаго въ той-же 1 кн. 5 т. „Записокъ Имп. Акад. Наукъ".

склонностямъ и симпатіямъ, какъ уже отмѣчалось, былъ закоренѣлый, неисправимый язычникъ. Его отрицательно-пренебрежительное отношеніе къ христіанству мы уже видѣли [1]). Неизвѣстно точно, доходило-ль это нерасположеніе Святослава къ христіанству до явно обнаруживаемой имъ враждебности къ христіанамъ и даже въ нѣкоторой степени до открытыхъ преслѣдованій христіанъ, какъ говоритъ о томъ лѣтопись Іоакимовская [2]).

Несомнѣнно тѣмъ не менѣе лишь одно: въ исторіи распространенія на Руси христіанства Святославъ, помимо своей воли—даже вопреки своему желанію, сыгралъ роль едва-ли не большую своей матери, вынуждавшейся силою обстоятельствъ скрывать свои христіанскія симпатіи.

Произошло это, конечно, не потому, что во время частыхъ отлучекъ Святослава изъ Кіева, благодаря вліянію Ольги мѣнялась правительственная «политика» [3]) въ Кіевѣ по отношенію къ христіанству: въ противоположность своей матери, усвоившей, видимо, вмѣстѣ съ христіанствомъ и идею монархическаго воздѣйствія князя на жизнь волости, Святославъ, какъ видно изъ лѣтописи, потому такъ и вооружился противъ христіанства и христіанъ, что противъ нихъ, какъ нежелательныхъ реформаторовъ всей жизни и строя земли, возставали—дружина и вѣче[4]),—почему и въ отсутствіе князя Святослава изъ Кіева тамъ не могла мѣняться правительственная по-

---

1) См. въ гл. XVI.

2) См. въ упом. исторіи Татищева кн. 1, ч. 1, стр. 36, 37.

3) Какъ думаетъ, напр., В. Г. Ляскоронскій въ упом. ст. „Ж. М. Н. Пр." 1903 г., іюньск. кн., стр. 346,—выпуская, очевидно, изъ виду степень княжескаго вліянія тогда на жизнь волости.

4) См. лѣтописныя указанія на то, что Святославъ, возражая на убѣжденія матери креститься, ссылался именно на дружину, на выраженіе о „ругающихся" въ Кіевѣ надъ тѣми, кто крестился, и т. п.

литика въ отношеніи христіанъ, такъ какъ и въ отсутствіе сына Ольгѣ приходилось считаться со столь-же сильнымъ мѣстнымъ противодѣйствіемъ ея христіанскимъ симпатіямъ.

Дѣло объясняется иначе: тѣ постоянные военные походы, какіе велъ Святославъ, то и дѣло перебрасывая свою дружину съ юга на сѣверъ, съ запада на востокъ, отсюда на югъ, затѣмъ опять на сѣверъ и т. д.,— эти походы должны были чрезвычайно расширить кругозоръ дружинниковъ Руси, отрѣшить ихъ отъ свойственной сидящимъ на одномъ мѣстѣ—въ своемъ медвѣжьемъ углу—людямъ глубокой привязанности ко всему своему, родному, къ старинному укладу жизни,—обогатить ихъ новыми свѣдѣніями о другихъ людяхъ, иныхъ условіяхъ жизни, разныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и т. п. За время княженія Святослава военные представители Руси неоднократно видѣли жизнь болѣе культурныхъ народовъ, при чемъ она обычно къ тому-же соединялась съ исповѣданіемъ христіанской религіи. Видѣли христіанъ, узнавали ихъ религію и бытъ Святославовы Руссы—и въ Хазаріи, и въ родственной Тмутаракани, и въ родственной тоже Дунайской Болгаріи.

Въ этой послѣдней странѣ Святославова дружина врядъ-ли могла—во время довольно продолжительнаго здѣсь пребыванія—совершенно не познакомиться съ славянскимъ христіанскимъ богослуженіемъ,—вмѣстѣ—и такимъ торжественнымъ, производящимъ сильное впечатлѣніе на человѣческую душу, и—вполнѣ понятнымъ для русскихъ Славянъ; врядъ-ли тутъ кое-кто изъ дружинниковъ не узналъ отчасти и славянско-христіанской литературы, послѣ недавняго Симеонова вѣка бывшей въ то время въ Болгаріи въ состояніи своего расцвѣта, дававшей темной, неизбалованной богатствомъ религіозныхъ свѣдѣній и незнакомой съ литературой душѣ русскаго славянина новыя

христіанскія идеи и открывавшей заманчивые образы и увлекательныя сказанія новой вѣры [1]). При томъ-же дружинники Святослава не могли не видѣть, что христіане вообще живутъ по сравненію съ Кіевскими Руссами въ болѣе удобной, болѣе красивой и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе совершенной обстановкѣ.

Такъ приблизительно—разными путями западали въ души русскихъ дружинниковъ тѣ сѣмена христіанской истины, которыя вскорѣ, черезъ полтора десятилѣтія, принесли свой плодъ. Не вся дружина Святослава была перебита Печенѣгами при Днѣпровскихъ порогахъ,—часть ея добралась до Кіева и подѣлилась здѣсь своими впечатлѣніями отъ жизни въ далекихъ странахъ; дѣлились своими впечатлѣніями съ Кіевлянами Святославовы дружинники и во время своего прежняго возвращенія изъ перваго болгарскаго похода; возможно допустить, что кто—нибудь изъ соратниковъ Святославовыхъ изъ болгарскаго похода возвратился въ Кіевъ и вполнѣ христіаниномъ.

Во всякомъ случаѣ за вторую половину 60-хъ и 70 годы X вѣка въ средѣ русской дружины—въ ея взглядахъ и понятіяхъ—произошла серьезная перемѣна. ясное обнаруженіе которой мы съ несомнѣнностью увидимъ при Владимірѣ.

Такъ неожиданно для самого себя Святославъ сыгралъ свою положительную роль въ христіанизаціи Руси,

[1]) Оказывается, походъ Святослава въ Болгарію не былъ случайнымъ и неожиданнымъ,—давнія связи Руси съ Болгаріей нынѣ начинаютъ выясняться: какъ отмѣчалось уже, недавно найдена въ Болгаріи надпись, указывающая на походъ Болгаръ къ Днѣпру и пребываніе ихъ на Днѣпрѣ въ первой половинѣ IX вѣка,—см. въ X томѣ „Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“ Софія, 1905 г., въ гл. 6-й, принадлежащей перу академика Ѳ. И. Успенскаго, стр. 213—214.

не смогши въ данномъ случаѣ остановить колесо исторіи, но самъ попавши въ ускорители совершенія нежелательнаго ему историческаго процесса религіозно-культурной реформы жизни Руси [1]).

---

1) О Святославѣ см. ст. Н. Д. Знойко—„Посольство Калокира въ Кіевъ"—„Ж. М. Н. Пр." 1907 г. апрѣл. кн., „О походахъ Святослава на Востокъ"—его-же—„Ж. М. Н. Пр." 1908 г. декабр. кн.; также—„Великій князь Кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ" В. З. Завитневича—„Тр. Кіев. Д. Акад." 1888 г. март. кн.; „Борьба великаго князя Кіевскаго Святослава Игоревича съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ"—„Ж. М. Н. Пр." 1873 года—Е. А. Бѣлова; въ 28 т. „Записокъ И. Академіи Наукъ" 1876 г. ст. Н. П. Ламбина „О годѣ смерти Святослава Игоревича" и „Замѣтки" по поводу ея А. А. Куника и В. Г. Васильевскаго—и друг.

XVIII.

Послѣ преданнаго всецѣло началамъ языческой старины Святослава въ Кіевѣ опять наступилъ моментъ, благопріятный для христіанства. Сѣвшій на Кіевскомъ престолѣ старшій сынъ Святослава—Ярополкъ былъ человѣкъ молодой, повидимому, находившійся въ ранней молодости,—въ отсутствіе изъ Кіева Святослава,—нѣкоторое время подъ вліяніемъ своей бабки, христіанки—Ольги; по характеру своему это былъ, можно думать, юноша мягкій, благодушный [1]) и даже нѣсколько слабохарактерный, способный легко поддаваться чужому вліянію [2]).

Въ сторону христіанства въ такомъ случаѣ легко могла повліять на Ярополка жена его—плѣнная греческая монахиня. Возможность благотворнаго—въ смыслѣ расположенія къ христіанству—вліянія на Ярополка его жены тѣмъ правдоподобнѣе, что исторически извѣстенъ рядъ случаевъ подобнаго воздѣйствія женъ-христіанокъ на своихъ мужей—князей языческихъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Іоакимовская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Ярополкъ былъ весьма расположенъ къ христіанамъ и

---

[1]) См. выводы изъ лѣтописныхъ данныхъ преосв. Макарія Булгакова—см. 269—270 стр. 2 изд. его уч. „Исторіи христіанства въ Россіи до Владиміра Св.", проф. В. Г. Ляскоронскаго „О мѣстоположеніи лѣтописнаго города Родни" Ж. М. Н. П. 1904 г. іюньск. кн. и отд. отт.

[2]) На это указываетъ неоднократно лѣтопись, говоря о вліяніи на него Свѣнельда и Блуда.

покровительствовалъ имъ, чѣмъ заслужилъ враждебное отношеніе къ себѣ сильной языческой партіи въ Кіевѣ [1]).

Однако есть рядъ фактовъ, могущихъ склонить насъ къ принятію большаго, чѣмъ одно только простое расположеніе Ярополка къ христіанству.

Во-первыхъ, мы замѣчаемъ въ Ярополкѣ несомнѣнное тяготѣніе къ Западной Европѣ. Такъ, западная лѣтопись «Lamberti Hersfeldensis Annales» упоминаетъ о присутствіи пословъ отъ Руси съ дарами—очевидно, отъ Ярополка—въ Кведлинбургѣ, резиденціи императора Германскаго Оттона, въ 973 г. [2]).

Затѣмъ наша Никоновская лѣтопись говоритъ о приходѣ въ Кіевъ къ Ярополку въ 979 г. (по лѣтописному, быть можетъ, нѣсколько неточному [3]) счету) пословъ изъ Рима отъ папы [4]).

Оба эти извѣстія—отрывочны и случайны, но они за собою, думается, скрываютъ цѣлую, особую главу въ

---

1) Въ упом. 1 ч. 1 кн. исторіи Татищева стр. 37.

2) См. „Scriptores rerum Germanicarum"—„Lamberti Hersfeldensis Annales", изд. G. H. Perz, Hannoverae, 1843 г. стр. 19.

3) См. соображенія Голубинскаго, принимающаго годомъ смерти Ярополка 978, въ его „Исторіи Русск. Церкви".

4) Въ изд. Никоновской лѣтописи 1862 г. стр. 39. При враждѣ греческаго духовенства къ Риму и при господствѣ этого духовенства, говоря вообще, и его взглядовъ въ древней Руси и древне-русской письменности, странно было бы это и подобныя случайно уцѣлѣвшія извѣстія считать позднѣйшей выдумкой или сознательнымъ заимствованіемъ у Болгаръ (см. выводы противоположнаго характера у Шахматова—„Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра"—изъ Сборника статей, посвященныхъ Дринову, Харьковъ, 1905 г., стр. 64—65, 73—74); напротивъ, нѣкоторые изслѣдователи правильно утверждаютъ, что о сношеніяхъ съ Западомъ лѣтопись наша систематически замалчиваетъ (Голубинскій, Коробка).

исторіи начальнаго распространенія и утвержденія христіанства на Руси.

Это явно бросающееся въ глаза стремленіе Ярополка на Западъ и сношенія его съ западными властелинами, по всей вѣроятности, обусловливались прежде всего добрососѣдскими отношеніями Ярополка къ ближайшему западному сосѣду—Польскому князю Мѣшко или Мечиславу, жившему какъ разъ на перепутьи изъ Кіевской Руси въ Западную Европу. Какъ близкій сосѣдъ Ярополка, Мечиславъ имѣлъ нужду въ его дружбѣ—вслѣдствіе затруднительности своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ[1]); съ другой же стороны онъ стоялъ обычно въ добрыхъ и при томъ ленныхъ отношеніяхъ къ Германскому императору [2]), и поэтому скорѣе всего могъ явиться посредникомъ въ сношеніяхъ нашего Ярополка съ Западомъ. Возможность и вѣроятность подобныхъ сношеній Ярополка и Мѣшка косвенно подтверждается частыми столкновеніями и оживленными сношеніями Руси съ Польшей и родственными связями княжескихъ династій этихъ двухъ странъ вслѣдъ затѣмъ—при Владимірѣ Святомъ и Святополкѣ и позже [3]),—имѣвшими, конечно, прецеденты, и въ особенности войной Владиміра съ Польшей непосредственно за смертью Ярополка (по лѣтописи въ 981 г.) [4]).

---

[1]) См., напримѣръ, „Первыя Славянскія монархіи на сѣверозападѣ“ Ѳ. И. Успенскаго, СПБ., 1872 г., стр. 155 и др., „Очеркъ исторіи Польши“ М. Бобржинскаго, переводъ Н. И. Карѣева, т. 1, СПБ., 1888 г., стр. 67—68 и др.

[2]) Ibidem.

[3]) См. напр. въ изслѣдованіи проф. И. А. Линниченко „Взаимныя отношенія Руси съ Польшей до половины XIV ст.“, ч. 1, Кіевъ, 1884 г., стр. 45—53 и др.

[4]) О торговыхъ сношеніяхъ Руси и Польши въ эту эпоху говоритъ еврейскій путешественникъ 2 половины X в. Ибра-

Принявъ самъ недавно—всего лишь въ 966 году-крещеніе, польскій князь не только передалъ Руси «очередь» въ принятіи христіанства [1]), докатившагося съ Запада такимъ образомъ уже непосредственно до Руси, но и оказалъ, вѣроятно, и соотвѣтствующее воздѣйствіе на самого русскаго князя Ярополка—въ смыслѣ склоненія его къ христіанству; подобная, допускаемая нами, миссіонерская роль новообращеннаго польскаго князя по отношенію къ сосѣдней Руси стоитъ при томъ въ полномъ согласіи съ общимъ характеромъ римско-католической церкви, въ сильнѣйшей степени проникнутой стремленіемъ къ миссіонерской пропагандѣ въ широкихъ размѣрахъ [2]).

Въ данномъ случаѣ воздѣйствіе на Ярополка шло, впрочемъ, не только отъ Польскаго князя, но,—вѣроятно, чрезъ его именно посредство,—по имѣющимся даннымъ, и отъ Германскаго императора, въ это время—въ лицѣ Оттона I и его преемниковъ—дѣятельно насаждавшаго христіанство вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ своимъ—среди славянскихъ народовъ вообще и не могшаго не обратить вниманія на извѣстную ему со времени Ольги Русь,—а также со стороны Римскаго папы.

Извѣстнаго рода проникновеніе Ярополка заимствованными съ Запада христіанско-монархическими идеями можно видѣть въ приписываемомъ Длугошемъ Ярополку стремленіи расширить предѣлы своихъ владѣній [3]), ска-

---

гимъ Ибн-Якубъ, см. въ 32 т. „Записокъ Имп. Акад. Наукъ", СПБ., 1879 г., приложеніе № 2—„Извѣстія Ал-Бекри и др. о Руси и Славянахъ", ч. 1.

1) См. соображенія Голубинскаго, высказанныя имъ, впрочемъ, по поводу крещенія уже Владиміра,—въ 1 п. 1 т. „Исторіи Русской церкви", во 2 изданіи стр. 156.

2) См., напримѣръ въ упом. изсл. Линниченко „Взаимныя отношенія Руси и Польши", стр. 202.

3) См., напримѣръ, въ „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 349, 353—354.

завшемся въ борьбѣ его съ братьями, и временномъ установленіи имъ нѣкотораго единовластія на Руси [1]); въ данномъ случаѣ нельзя не видѣть въ стремленіи Ярополка къ единовластію въ извѣстной мѣрѣ подражанія Польшѣ и Чехіи того времени [2]).

Съ другой стороны изъ разсказа лѣтописи о горестномъ отношеніи Ярополка къ гибели его политическаго врага—брата Олега, при сравненіи съ описаніемъ гибели впослѣдствіи самого Ярополка и отношенія къ этому факту брата-же Владиміра, можно усматривать проникновеніе Ярополка практическими началами христіанской морали.

При наличности ряда прямыхъ и косвенныхъ указаній на связи Ярополка съ христіанскимъ Западомъ [3]), мы не можемъ совершенно отрицательно отнестись къ разсказамъ западныхъ писателей—Петра Даміани, написавшаго житіе св. Ромуальда около 1040 г., и интерпо-

1) Лѣтописный разсказъ связываетъ повѣствованіе о борьбѣ Ярополка за власть съ братьями воедино съ извѣстіемъ о томъ, что у Ярополка была жена „грикиня"—христіанка,—быть можетъ, имѣя въ виду указать и причинную связь между этими фактами.

2) См., напримѣръ, въ упом. кн. Линниченко „Взаимныя отношенія Руси и Польши", стр. 84, прим.

3) Предположенія объ этихъ связяхъ Ярополка съ Западомъ и западнымъ христіанствомъ не ослабляетъ лѣтописный разсказъ о пріемѣ Владиміромъ Святымъ Нѣмецкихъ пословъ и сказанныхъ имъ при томъ словахъ: „Отці наши сего не прияли суть" (въ упом. изд. Лаврентьевской лѣтописи стр. 83). Какъ будетъ видно ниже, въ гл. XIX, посольства для узнанія чужихъ вѣръ при Владимірѣ вообще носятъ легендарный характеръ, а слова Владиміра Святого, будто-бы сказанныя имъ латинско-нѣмецкимъ проповѣдникамъ—посламъ, явно носятъ слѣды позже распространившейся у насъ на Руси опредѣленной греческой тенденціи и вставлены, очевидно, во второй половинѣ XI в. съ извѣстной, распространенной тогда у насъ, цѣлью—борьбы съ Римомъ и его вліяніями, проникавшими на Русь и тѣмъ безпокоившими бывшее у насъ греческое духсвенство.

лятора хроники Адемаровой—половины XII в.,—говорящихъ о первоначальномъ крещеніи Руси латинскими миссіонерами, но находимъ возможнымъ связать ихъ именно съ эпохой Ярополка.

За выключеніемъ сильнаго легендарнаго элемента, котораго исполнены эти сказанія, въ первомъ изъ нихъ, близкомъ по времени къ данной эпохѣ, правдоподобно передаются главнѣйшія черты историческихъ событій времени Ярополка: убіеніе тогдашнимъ «королемъ» Руси («rex Russiae»), который принялъ къ себѣ латинскаго миссіонера,—очевидно, самимъ Ярополкомъ,—своего брата—въ данномъ случаѣ Олега; наличность у этого «короля» другого брата—конечно, Владиміра, котораго не трудно узнать въ словахъ сказанія о томъ, что онъ «жилъ отдѣльно отъ короля» и «не хотѣлъ слушать словъ» латинскаго миссіонера, что соотвѣтствуетъ извѣстной преданности Владиміра въ это время язычеству [1]).

При наличности другихъ соотвѣтственныхъ, упоминавшихся уже, данныхъ, подобное сказаніе, идущее съ Запада, трудно представлять какъ сплошную, рѣшительно не имѣющую никакой реальной подкладки, «pia fraus»; полагаемъ, что это сказаніе создалось въ связи съ дѣйствительными событіями княженія Ярополка, стоявшаго близко къ Западной Европѣ. Видно, дѣятельныя сношенія и связи съ Западомъ Ярополка не были безрезультатны,

---

1) См. „Patrologiae cursus completus", series secunda, изд. I.—P. Migne, въ т. 144, 1853 г., „S. Petri Damiani" t. 1, гл. 27—„De Bonifacio martyre", 977—979 стр.; изъ русскихъ—приводится у Голубинскаго въ 1 п. 1 т. его „Исторіи", а также въ ст. „Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли русской" И. И. Малышевскаго въ „Тр. Кіев. Духовн. Ак." 1867 г., октябр. кн., у Д. Воронова—„О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI в.в." въ 1 кн. „Чт. въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп.", въ 2 кн. этихъ-же „Чтеній" у Ѳ. Я. Фортинскаго—„Крещеніе князя Владиміра на Руси по западнымъ извѣстіямъ"—и др.

но закончились его крещеніемъ отъ западныхъ миссіонеровъ. При этомъ, надо думать, Ярополкъ и поддерживавшая его партія Кіевлянъ плохо разбирались въ догматическо-обрядовыхъ разностяхъ церкви Западной отъ Восточной [1]),—къ тому-же еще и не раздѣлившихся тогда окончательно,—а просто вошли въ духовную связь съ первой потому, что съ Западомъ въ это время вообще завязывались дѣятельныя торгово-политическія сношенія, а противъ Византіи, послѣ войнъ Святослава, должно было существовать нѣкоторое предубѣжденіе на Руси.

Нужно думать, что крещеніе Ярополка отъ западныхъ миссіонеровъ было отмѣчено въ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ записяхъ, но исчезло отсюда во второй половинѣ XI вѣка вслѣдствіе усилившагося въ это время на Руси византійскаго вліянія; уцѣлѣла изъ этой записи случайно лишь одна отрывочная фраза въ «Никоновской лѣтописи» о приходѣ къ Ярополку пословъ изъ Рима,—фраза, несомнѣнно не сочиненная, явно безцѣльная съ точки зрѣнія лѣтописца и соотвѣтствующая другимъ показаніямъ, выше отмѣченнымъ.

Въ числѣ этихъ миссіонеровъ—пословъ, присланныхъ Римскимъ папой къ Ярополку въ Кіевъ, былъ, вѣроятно, и епископъ (подобно тому, какъ посылался сюда епископъ съ Запада и раньше—къ Ольгѣ).

По всей видимости, крещеніе Ярополка произошло въ самомъ концѣ его княженія—за годъ приблизительно до его смерти—соотвѣтственно съ указаніемъ лѣтописи о времени прихода пословъ изъ Рима и потому сколько-нибудь значительной роли въ жизни Кіевской Руси не имѣло.

---

1) Какъ это мы выше предполагали относительно Ольги—въ гл. XVI.

Къ этому моменту кратковременнаго торжества польско-католическаго начала въ Кіевѣ естественнѣе всего отнесть появленіе здѣсь—уцѣлѣвшаго доселѣ въ отрывкахъ—западно-христіанскаго богослужебнаго чина на славянскомъ языкѣ, написаннаго глаголическими письменами, по всей видимости, въ Польшѣ писцомъ-поляком [1]).

Самая наличность польско-католическаго глаголическаго богослужебнаго чина въ Кіевѣ есть одно изъ косвенныхъ доказательствъ вѣрности нашей мысли: именно она говоритъ о существованіи ранняго, но кратковременнаго момента господства польскаго католицизма въ Кіевѣ, а таковымъ только и могло быть правленіе Ярополка [2]).

---

[1]) См. въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи", выпускъ X, СПБ., 1898 г., ст. А. И. Соболевскаго—„Гдѣ написаны Кіевскіе глаголическіе отрывки" и его-же ст. „Къ хронологіи древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ"—„Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н." 1906 г. т XI, кн. 2; Соболевскій принимаетъ польское происхожденіе этихъ отрывковъ, относитъ его къ X—XI в.в., считаетъ текстъ этихъ отрывковъ лишь частью значительнаго по величинѣ латинскаго богослужебнаго сборника и допускаетъ, что въ Палестину, гдѣ они найдены, эти католическіе отрывки могли попасть именно изъ юго-западной Руси; время появленія вообще католическаго чина глаголическими письменами Соболевскій относитъ къ эпохѣ конца IX—X в.; Ягичъ указываетъ появленіе его также въ концѣ IX в.—въ эпоху св. Меѳодія; на иной точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., А. Михайловъ, относящій начало глаголическаго миссала не ранѣе XI в. (см. его „Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Меѳодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бревіаріяхъ", Варшава, 1904 г.), но онъ базируется на довольно невѣрномъ основаніи, будто на Западѣ на различіе обрядовъ съ Востокомъ обратили вниманіе лишь съ XI вѣка (см. стр. 34),—въ дѣйствительности это произошло значительно раньше.

[2]) Отнесть это къ эпохѣ Святополка и Рейнберна труднѣе: глаголица по самому характеру своему въ Кіевѣ могла

Попытка Ярополка утвердить христіанство на Руси вызвало сильное недовольство въ широкихъ народныхъ массахъ въ Кіевѣ [1]), а также, вѣроятно, она-же, въ связи съ проникновеніемъ Ярополка заимствованными съ Запада монархическими принципами, была ближайшимъ поводомъ бѣгства Владиміра изъ Новгорода къ Норманамъ за помощью для борьбы съ Ярополкомъ. Съ помощью закоренѣлыхъ язычниковъ—Норманъ язычникъ-Владиміръ изъ языческаго Новгорода предпринялъ большой походъ противъ зарождавшагося въ Кіевѣ христіанства и его идей, выступивъ на защиту старыхъ принциповъ-язычества, народовластія и особности волостей. Такъ Норманы еще разъ сыграли роль могущественной антихристіанской силы, благодаря которой снова христіанство въ Кіевской Руси уступило силѣ язычества [2]).

Ярополкъ въ этой борьбѣ погибъ, а имѣстѣ съ нимъ погибла и эта третья попытка утвержденія христіанства въ Кіевѣ, равно какъ и вторая попытка (послѣ временъ Ольги) западнаго христіанства отнять Кіевъ у христіанства греко-восточнаго, имѣвшаго историческія права на Кіевскую Русь—уже хотя-бы въ силу давности перваго, хотя и слабаго, проникновенія византійско-христіанскаго

найти себѣ распространеніе лишь прежде утвержденія кириллицы, имѣвшаго мѣсто уже при Владимірѣ—до Святополка,—да и время тогда было такое, что вниманіе Святополка и его польскихъ друзей всецѣло поглощено было острой политической борьбой и не давало возможности прочно утвердиться въ Кіевѣ Святополку и его союзнымъ Полякамъ.

1) На это указываетъ и Татищевъ, есть и въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" намеки.

2) Такой именно роли „Варяговъ"—Норманъ въ исторіи Руси X вѣка учатъ историческіе факты, окончательно убивающіе въ насъ вѣру въ легенду о томъ, будто бы Норманы были христіанизирующей струей въ Кіевѣ,—что, какъ мы видѣли, допускаютъ въ улом. работахъ Голубинскій, Малышевскій и др

воздѣйствія на эту страну—при Аскольдѣ и позже затѣмъ, а на родственную Тмутараканскую Русь и того раньше,—съ тѣхъ поръ въ нѣкоторой степени все время не прерывавшагося. Ярополкъ погибъ вслѣдствіе—необъясняемой нашей лѣтописью—своей политической слабости; однако въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ есть намеки, позволяющіе повѣрить свидѣтельству Іоакимовской лѣтописи, по которой эта слабость Ярополка явилась результатомъ противодѣйствія ему и измѣны со стороны сильной Кіевской языческой партіи [1]).

---

[1]) Бѣгство Ярополка въ г. Родню и его тамъ сидѣніе при осадѣ отъ Владиміра мы полагаемъ, вопреки недавно сравнительно высказанному мнѣнію проф. В. Г. Ляскоронскаго (см. „Ж. М. Н. Пр.“ 1904 г. іюньск. кн.—„О мѣстоположеніи лѣтописнаго города Родни“), не движенімъ въ область Древлянъ, но уходомъ именно на югъ; на югъ изъ Кіева удобнѣе были пути сообщенія, чѣмъ по трудно проходимой землѣ Древлянской,—что было важно при задуманной быстротѣ бѣгства,—на югъ-же указываетъ и совѣтъ Ярополку Варяжка—бѣжать къ Печенѣгамъ,—очевидно, вблизи отъ мѣста нахожденія бѣглецовъ живущимъ,—совѣтъ совершенно немыслимый для находившихся въ далекой Древлянской землѣ, гдѣ скорѣе мы услышали-бы предложеніе бѣжать въ ближе лежащую и союзную Ярополку Польшу. Съ Ярополкомъ, вѣроятно, бѣжалъ и недавно прибывшій въ Кіевъ латинскій епископъ со свитой; куда они затѣмъ, послѣ гибели Ярополка, дѣвались, намъ ничего неизвѣстно, но одна недавняя находка, быть можетъ, указываетъ слѣдъ бѣжавшаго на югъ отъ Владиміра Ярополка и латинскаго епископа. Это—найденный въ концѣ мая 1912 года въ Полтавской губерніи, близъ села Малая Перещепина, кладъ, очень цѣнный и древній. Хотя въ немъ, повидимому, нѣтъ вещей эпохи болѣе поздней, чѣмъ VII в. (см. ст. „Рѣдкій кладъ“ въ „Новомъ Времени“ за 10 іюля 1912 года № 13048, ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1912 г. декабр. кн., ниже приводимую, и др.; сообщеніе „Трудовъ Полтав. уч. арх. Комиссіи“ (вып. 9, Полтава, 1912 г.) о наличности тутъ монетъ X вѣка, очевидно, не больше, какъ недоразумѣніе (см. стр. 202, 204); къ сожалѣнію,

Побѣдивъ Ярополка и погубивъ его, Владиміръ праздновалъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣду язычества надъ христіанствомъ: скорѣе всего такой именно смыслъ имѣетъ лѣтописный разсказъ, связывающій начало княженія Владиміра въ Кіевѣ съ постановкой имъ здѣсь идоловъ и торжественными въ честь ихъ жертво-

---

обстоятельнаго научнаго описанія и уясненія содержимаго этого клада еще нѣтъ), и высказана уже вскользь попытка ученаго приписать происхожденіе клада Гуннамъ V—VI в.в. (см. „Ж. М. Н. Пр." 1912 г. дек. кн., ст. М. И. Ростовцева „Третій междунар. археолог. конгрессъ въ Римѣ"),—однако, во-первыхъ, нѣкоторыя вещи изъ клада (и при томъ, кажется, въ значительномъ количествѣ) были расхищены при самой находкѣ; во-вторыхъ, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на надпись, имѣющуюся на большомъ серебряномъ, вызолоченномъ блюдѣ изъ клада съ монограммой Христа. Надпись эта,—что весьма важно,—сдѣлана на латинскомъ языкѣ, и гласитъ она слѣдующее: „ex antiquis renovatum est per paternum reverentiss. s. episc. nostrum. amen". Блюдо очень древнее, очевидно, было въ рукахъ какого-то латинскаго епископа (быть можетъ, по имени Патерна), и имъ реставрировано въ эпоху, по отношенію къ которой III—V вѣка,—приблизительное время происхожденія этого блюда,—были древними; между тѣмъ остальныя вещи и монеты клада происхожденія по преимуществу византійско—классическаго и частію восточнаго. Отсюда допускаемъ, что въ числѣ владѣтелей клада былъ какой-то латинскій епископъ, попавшій на Востокъ—на Русь и вынужденный съ драгоцѣнными вещами (судя по предметамъ клада, вѣроятно, не только со своими, но и съ княжескими вмѣстѣ) бѣжать и при бѣгствѣ, въ виду угрожавшей опасности, зарыть драгоцѣнныя вещи въ землѣ. Мы не можемъ согласиться, чтобы тутъ былъ замѣшанъ какой-то балканско-придунайскій епископъ, вещи котораго съ запада на востокъ занесли Гунны (см. въ ст. Ростовцева),—такое объясненіе намъ представляется искусственнымъ: латинская надпись и движеніе Гунновъ наоборотъ—съ востока на западъ—говорятъ противъ этого. Вѣроятнѣе, этого епископа нужно искать на Руси именно—на ея территоріи, по крайней мѣрѣ, гдѣ и найдены вещи. Ранѣе X вѣка мы не знаемъ и не можемъ допус-

приношеніями. Трудно тутъ допустить другое—именно такое состояніе язычества въ Кіевѣ,—давнемъ сравнительно государственномъ и торговомъ центрѣ,—при которомъ идоловъ здѣсь еще не существовало вовсе раньше Владиміра [1]).

Принимая близкія добрососѣдскія отношенія Ярополка съ Польшей, мы не можемъ оставить безъ значенія при этомъ и тотъ, отмѣченный уже, походъ на Ляховъ—въ Польшу Владиміра, который онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ предпринять, по лѣтописи, такъ скоро—въ слѣдующемъ же году послѣ гибели Ярополка и своего вокняженія въ Кіевѣ,—походъ, по всей вѣроятности,

---

тить пріѣзда на Русь западнаго, латинскаго епископа. Не могъ имъ быть также и Адальбертъ (см. гл. XVI), который если при Ольгѣ и бѣжалъ изъ Кіева, то на западъ, а не на югъ, и при томъ не могъ, при очень холодномъ пріемѣ въ Кіевѣ, получить отсюда и везти съ собою множества дорогихъ вещей. Скорѣе всего данный кладъ зарытъ былъ,—какъ оказывается по находкѣ,—близъ береговъ рѣки Ворсклы тѣмъ именно латинскимъ епископомъ, который былъ въ Кіевѣ въ качествѣ Римскаго посланца при Ярополкѣ и затѣмъ бѣжалъ съ нимъ вмѣстѣ на югъ. Мѣсто нахожденія клада указываетъ и пріемлемую вполнѣ цѣль бѣгства,—поскольку истоки Ворсклы близко подходятъ къ системѣ Дона,—путь къ Тмутаракани и Хазаріи, куда естественно могли сдѣлать попытку спасаться уцѣлѣвшіе христіане изъ Родни послѣ гибели Ярополка—въ виду совершенной отрѣзанности пути на западъ, но встрѣтили, должно быть, на пути степныхъ хищниковъ-Печенѣговъ, отъ которыхъ и спрятали свои драгоцѣнности, потерянныя затѣмъ ими и нынѣ добытыя случайно близъ Перещепины. Такова наша догадка о происхожденіи Перещепинскаго клада, иначе называемаго Полтавскимъ.

1) См., напримѣръ, сводку древнихъ свидѣтельствъ о давнемъ существованіи у Славянъ храмовъ и иныхъ святилищъ у В. Макушева „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ", СПБ., 1861 г., стр. 95—99 и др.

вызванный естественнымъ столкновеніемъ захватившаго Кіевъ Владиміра съ союзникомъ Ярополка и Кіевскихъ христіанъ—Польскимъ Мечиславомъ [1]).

---

[1]) Наличность приведенныхъ въ данной главѣ данныхъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что отмѣчаемая изслѣдователями—на основаніи ряда письменныхъ данныхъ—связь Руси съ Западно-Римской церковью въ X—XI в.в. и позже достигла своего апогея скорѣе всего именно при Ярополкѣ, а не при Владимірѣ,—какъ это допускалъ Н. И. Коробка (см. статью его „Къ вопросу объ источникѣ русскаго христіанства"—„Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н." 1906 г., т. XI, кн. 2)—безъ достаточныхъ основаній; но въ ст. Коробки собрано немало интересныхъ данныхъ для выясненія связей Руси съ Западной церковью,—срв. ст. А. И. Соболевскаго въ 4 кн. тѣхъ-же „Извѣстій" тогоже 1906 г. и его матеріалы въ рядѣ книжекъ „Извѣстій" за послѣдніе годы,—см. также книгу проф. W. Abraham'a „Powstanie organizacyi Kosciola lacinskiego na Rusi", t. I, Lwòw, 1904 г.,—собственно первую главу.

XIX.

Послѣ своей побѣды—въ союзѣ съ заморскими «Варягами»—скандинавскими Норманами—надъ братомъ Ярополкомъ Кіевскимъ, Владиміръ изъ языческаго города Новгорода явился въ Кіевъ княжить убѣжденнымъ язычникомъ [1]) и здѣсь принялъ мѣры къ укрѣпленію язычества, испытавшаго уже въ Кіевѣ нѣкоторое колебаніе у себя почвы послѣ трехъ княжескихъ попытокъ водворенія здѣсь христіанства [2]) и въ виду частыхъ торговыхъ сношеній съ сосѣдними христіанскими и полухристіанскими народами.

Однако скоро кіевская атмосфера,—благодаря отмѣченнымъ торговымъ связямъ Кіева съ Византіей и другими христіанскими народами,—и частые походы Владиміра [3]) совершили крупный переломъ въ міросозерцаніи Владиміра.

Въ Кіевѣ онъ убѣдился очень скоро, что вывезенные имъ изъ Новгорода Норманы очень притязательны

---

[1]) Это рѣзко отмѣченное лѣтописью обстоятельство рѣшительно говоритъ противъ допускаемаго Н. И. Коробкой (болѣе рѣшительно, чѣмъ другими) мнѣнія, будто Владиміръ принялъ христіанство отъ Западныхъ Норманновъ,—тогда-бы онъ вывезъ его изъ Новгорода (см. уп. ст. Коробки въ кн. 2—XI т. „Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.“,—срв. отвѣтъ ст. А. И. Соболевскаго въ 4 кн. тѣхъ-же „Извѣстій“ 1906 г.).

[2]) Указанныхъ выше—Аскольда, Ольги и Ярополка.

[3]) Между ними былъ походъ на Болгаръ,—по мнѣнію И. А. Линниченко („Тр. К. Д. Ак.“ 1886 г. дек.) и А. А. Шахматова („Разысканія“ стр. 175—176),—именно Дунайскихъ, давнихъ христіанъ-Славянъ.

и при томъ здѣсь уже элементъ антигосударственный, который нужно поскорѣе удалить изъ Кіева [1]), и что въ видахъ естественнаго культурнаго роста Кіевской Руси и процвѣтанія его княжества невозможно уже Руси стоять одиноко отъ другихъ народовъ—съ своей отсталой, первобытной языческой религіей. Давно уже имѣвшій связи съ Византіей и черноморскимъ побережьемъ, Кіевъ былъ гораздо культурнѣе отодвинутаго отъ южныхъ культурныхъ центровъ далеко на сѣверъ Новгорода и въ этомъ смыслѣ повліялъ на Владиміра, заинтересовавъ его возможностью духовно-матеріальнаго прогресса и процвѣтанія въ союзѣ и близкомъ общеніи съ болѣе развитыми и лучше матеріально обставленными народами.

Основа успѣха въ этомъ отношеніи полагалась въ религіозной реформѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Владиміръ внимательно присматривался къ религіи и жизненному укладу сосѣднихъ народовъ. Особой надобности въ посылкѣ спеціальныхъ посольствъ по сосѣдямъ съ такой цѣлью не было, и лѣтопись, конечно, въ данномъ случаѣ, разсказывая о такихъ посольствахъ, допускаетъ элементъ явно легендарный.

Голубинскій вполнѣ убѣдительно доказываетъ легендарность Владиміровыхъ посольствъ для испытанія лучшей вѣры, но, думается, при этомъ съ другой стороны самъ впадаетъ въ ошибку, нѣсколько модернизируя психологію русскаго князя конца X вѣка. Перемѣна Влади-

1) Таково показаніе лѣтописи,—срв. у Шахматова въ „Разысканіяхъ" стр. 482—483—мѣсто любопытное не въ томъ отношеніи, что авторъ видитъ въ данномъ лѣтописномъ извѣстіи произвольную вставку лѣтописца (это далеко не доказано), а потому, что онъ приводитъ данныя, говорящія о Норманахъ, выходцахъ изъ Скандинавіи, какъ нежелательномъ, безчинствующемъ, некультурномъ элементѣ на Руси—даже въ концѣ X—началѣ XI в.в.

міромъ вѣры была, какъ вполнѣ естественно думать, задумана и предпринята вначалѣ скорѣе по чисто внѣшнимъ впечатлѣніямъ и побужденіямъ; искренно-сердечное-же и болѣе или менѣе глубокое проникновеніе христіанскими идеями Владиміра могло быть лишь въ результатѣ продолжительнаго, въ теченіе всей остальной жизни, сосредоточенія вниманія на христіанской религіи, изученія ея догматовъ и стремленія осуществлять моральныя предписанія ея.

И безъ посольствъ Владиміръ—частію лично, частію отъ бывалыхъ Кіевлянъ и пріѣзжавшихъ въ Кіевъ въ немаломъ числѣ иноземцевъ—легко могъ узнать и безъ сомнѣнія узналъ, гдѣ кто какъ вѣруетъ и какъ живетъ [1]). Долго колебаній относительне того, какая изъ вѣръ сосѣдей лучше, у Владиміра быть не могло: Византія стояла тогда слишкомъ выше всѣхъ прочихъ странъ по своему величію и культурности, чтобы съ нею могъ кто въ этомъ смыслѣ конкурировать; да и давнія политико—экономическія связи Руси съ Византіей говорили, конечно, въ пользу послѣдней [2]).

1) Такой именно характеръ должны были скорѣе всего имѣть попытки Владиміра знакомиться съ религіями сосѣдей; лѣтописные и иные разсказы о посольствахъ Владиміра (см. „Кіевскую Старину" 1884 г. декабрьск. кн.—ст. Іоны Берхина „Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣръ"; въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества", т. 9, вып. 1—4, СПБ., 1895 г., ст. В. Бартольда „Новое мусульманское извѣстіе о русскихъ", стр. 265—266 и др.) превращаютъ въ легендарные образы и цѣлыя сказанія о посольствахъ то, что Кіевѣ дѣлалось гораздо проще и цѣлесообразнѣе.

2) Н. И. Коробка (см. уп. статью его во 2 кн. XI т. „Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.") правъ, конечно, что Владиміръ тогда плохо разбирался въ догмѣ и обрядности, но вопреки ему мы полагаемъ, что, независимо отъ этого, у Владиміра былъ

Съ Владиміромъ согласной оказалась въ данномъ вопросѣ.—послѣ крещенія Ольги, походовъ Святослава и послѣдующихъ событій,—и дружина Кіевская. Въ единеніи съ дружиной,—опорой князя и его власти,—и принялъ крещеніе изъ Византіи Владиміръ, когда представился удобный къ тому случай. Въ этомъ великомъ дѣлѣ Владиміра мы видимъ участіе не только сердца его, но и ума: его интересуетъ религіозная реформа не только сама по себѣ, но въ связи именно съ государственно-культурнымъ значеніемъ ея для Руси.

Подвергнувъ серьезной критикѣ лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра на основаніи другихъ болѣе или менѣе современныхъ и близкихъ по времени русскихъ, византійскихъ, скандинавскихъ и арабскихъ письменныхъ источниковъ, Е. Е .Голубинскій обстоятельства крещенія Владиміра представилъ, говоря очень кратко, въ такомъ видѣ: Владиміръ лично крестился дома—на Руси въ Кіевѣ или скорѣе близъ него—въ Василевѣ тайно въ 987 году при заключеніи военнаго союза съ Византіей, народъ же крестилъ уже послѣ взятія Корсуня и женитьбы на греческой царевнѣ Аннѣ—въ 989 или 990 г. [1]).

Однако еще въ 1886 г. профессоръ И. А. Линниченко внесъ необходимый коррективъ въ эту гипотезу Голубинскаго: онъ именно, счелъ неудобнымъ разрывать хроноло-

---

надежный критерій пойти за христіанствомъ въ Византію, а не на Западъ, какъ допускалъ Коробка,—именно въ силу отмѣченнаго превосходства Византійской культуры и тѣсныхъ экономическихъ связей Руси съ Византіей; не говоримъ уже о голословности даннаго утвержденія Коробки относительно крещенія Владимірова—самого по себѣ.

[1]) Вслѣдъ за Голубинскимъ (см. упом. 1 п. I т. его „Исторіи Русской Церкви") идетъ проф. В. З. Завитневичъ—см. его ст. „О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ" —„Тр. Кіев. Д. Ак." 1888 г. янв. кн.—и др.

гически два событія-крещеніе самого Владиміра и крещеніе Кіевлянъ, и отнесъ то и другое разомъ къ осени 989 года [1]).

Въ пользу такого-же хронологическаго объединенія этихъ двухъ событій нынѣ высказывается на основаніи глубокаго изученія лѣтописнаго матеріала и академикъ А. А. Шахматовъ, относящій однако крещеніе—и Владиміра, и Кіевлянъ—еще къ 987 г., т. е. къ моменту, слѣдовавшему сразу за заключеніемъ союза съ Византіей и бесѣдой Владиміра съ греческимъ миссіонеромъ, раскрывшимъ ему главныя основы христіанской религіи [2]).

Къ этому послѣднему взгляду по существу признаемъ необходимымъ примкнуть и мы.

Лѣтопись представляетъ Владиміра въ вопросѣ о перемѣнѣ вѣры дѣйствующимъ въ полномъ согласіи и единеніи съ дружиною [3]), и это лѣтописное преданіе стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ современнымъ научнымъ представленіемъ о тогдашней роли князя на Руси, опиравшагося всегда на дружину [4]), тѣсно съ нею связаннаго и при томъ имѣвшаго свою власть въ согласіи съ народнымъ вѣчемъ [5]). Поэтому совершенно невозможно допускать, чтобы князь зачѣмъ-то крестился бы потихоньку

---

[1]) См. его ст. „Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси“ въ „Тр. Кіев. Д. Ак.“ 1886 г. декабр. кн.

[2]) См. въ „Разысканіяхъ“ его—главнымъ образомъ въ главѣ 5-й и др., также въ ст. „Корсунская легенда“—во 2 т. „Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго“, СПБ., 1908 г., и отд. отт., СПБ., 1906 г.

[3]) См. въ Лаврентьевской лѣтописи по изд. Археогр. Комм. 1872 г. стр. 104, 105, 114, срв. 123—124.

[4]) Вспомнимъ, что и Святославъ религіозный вопросъ въ спорѣ съ Ольгой рѣшалъ ссылкой на авторитетъ дружины.

[5]) См. упом. работы В. И. Сергѣевича, С. А. Корфа, Ѳ. Ѳ. Зигеля и др.

отъ дружины и народа: прежде всего отъ дружины такого факта князю нельзя было скрыть, да и незачѣмъ это было дѣлать, такъ какъ безъ поддержки дружины князь все равно рѣшительно не могъ предпринять такого серьезнаго шага, какъ религіозная реформа въ жизни всей Руси, а личное крещеніе князя утрачивало всякій государственный смыслъ; поддержка-же дружины, напротивъ, сообщая крещенію князя характеръ дѣла общеземскаго, народнаго, должна была, конечно, сопровождаться безотлагательнымъ крещеніемъ ея, а затѣмъ, разумѣется, и народа—сразу-же, чтобы покончитъ все дѣло поскорѣе, дабы не давать разгораться естественному пламени народнаго неудовольствія на производимое потрясеніе старыхъ основъ жизни.

При этомъ самый пріѣздъ Византійскихъ пословъ въ Кіевѣ и переговоры Владиміра съ ними о перемѣнѣ вѣры въ связи съ заключеніемъ военно-политическаго союза съ Византіей были фактами слишкомъ значительными и замѣтными въ жизни Кіева, чтобы ихъ можно было скрыть не только отъ близкой къ князю дружины, но и отъ народа.

Съ другой стороны гораздо естественнѣе допустить, что сразу-же, болѣе или менѣе серьезно познакомившись съ христіанской религіей и склонившись на ея сторону послѣ бесѣды—или скорѣе ряда бесѣдъ—съ христіанскимъ миссіонеромъ, Владиміръ поспѣшилъ осуществить рѣшенную имъ перемѣну религіи. Въ данномъ случаѣ поспѣшность Владиміра могла объясняться не только его искреннимъ расположеніемъ къ новой вѣрѣ и сознаніемъ важности и полезности религіозной реформы, но также и соображеніями другого порядка: пользуясь тяжелымъ положеніемъ тогда Византіи, закрѣпить связь съ нею такимъ образомъ, чтобы потомъ уже не было со стороны лукавыхъ Византійцевъ отступленій, а также—пригото-

виться самому и приготовить соотвѣтствующую христіанскую обстановку къ прибытію въ Кіевъ желанной высокой гостьи-нареченной невѣсты-Византійской царевны. Вспомнимъ, что и Голубинскій принимаетъ также поспѣшность крещенія Владиміра, даже отрывая его крещеніе отъ народнаго по своимъ особымъ соображеніямъ.

Нужно однако еще нѣсколько остановиться на вопросѣ о годѣ крещенія Владиміра и Кіевлянъ, послѣдовавшаго, какъ видно изъ предыдущихъ соображеній, болѣе или менѣе совмѣстно, почти одновременно или съ самымъ незначительнымъ промежуткомъ времени.

Византійскій полководецъ Варда Фока, заставившій Византійскаго императора искать союза съ Русью, взбунтовался и провозгласилъ себя царемъ, по словамъ Яхъи Антохійскаго [1]), 14 сентября 987 г.; послѣ этого между настоящимъ царемъ и самозванцемъ шла нѣкоторое время серьезная борьба, и только послѣ нея, убѣдившись въ ея безплодности и увидѣвши крайне затруднительное свое положеніе, императоръ Василій рѣшилъ искать помощи у Руси; тогда только было послано изъ Византіи посольство въ Кіевъ, которое туда, очевидно, не могло прибыть раньше декабря-января мартовскаго 987 г.

Въ Кіевѣ нѣкоторое и, вѣроятно, довольно значительное время было потрачено на переговоры съ послами, затѣмъ на бесѣды съ прибывшими съ ними греческими миссіонерами, и, наконецъ, на вызванныя переговорами приготовленія къ военному походу русской дружины въ Византію и на принятіе нѣкоторыхъ подготовительныхъ мѣръ къ предстоящему крещенію князя и Кіевлянъ. Слѣдовательно, прошло еще мѣсяца два—три.

Затѣмъ, крещеніе Кіевлянъ при той обстановкѣ, какая описана въ лѣтописи,—на Днѣпрѣ и т. д.,—мог-

1) См. ниже о немъ.

ло произойти только лѣтомъ или въ концѣ весны. Крещенію Кіевлянъ незадолго, по всей видимости, предшествовало крещеніе самого Владиміра, не имѣвшаго и надобности, и даже возможности разрывать эти два событія длиннымъ промежуткомъ времени. То и другое крещеніе, стало быть, естественнѣе отнесть на апрѣль или май мѣсяцы,—но это уже будетъ новый мартовскій годъ [1]), т. е. 988.

Такимъ образомъ, и при сопоставленіи недавно сравнительно извлеченныхъ-нерусскихъ данныхъ [2]), есть полная возможность—смѣемъ думать—даже необходимость остановиться все на томъ-же традиціонномъ лѣтописномъ 988 годѣ, какъ хронологическомъ моментѣ крещенія Владиміра и Кіевской Руси.

Что событія, о которыхъ рѣчь была выше, не шли быстрѣе указаннаго нами,—нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого является извѣстіе о томъ, что предводитель возстанія противъ Византійскаго императора,—которое вызвало союзъ Владиміра съ Византіей, заключенный въ 987 г.,—

---

[1]) Древняя Русь вела счетъ не сентябрьскими годами, принятыми въ Византіи, а мартовскими именно или скорѣе лунными годами, начинавшимися весной—въ февралѣ или мартѣ —соотвѣтственно полнолунію весенней лунаціи, и счетъ этотъ повидимому, былъ самымъ древнимъ и чисто національнымъ, не поддававшимся вліянію „книжнаго" византійскаго счисленія. См. изысканія Н. В. Степанова: „Таблицы для рѣшенія лѣтоп. задачъ на время"—„Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н." 1908 г., т. XIII, кн. 2; „Единицы счета времени"—„Чтен. И. Общ. Ист. и Др. Р." 1909 г. кн. 4; „Замѣтка о хронологич. ст. Кирика"—„Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н." 1910 г., т. XV, кн. 3—и др.

[2]) Академикъ А. И. Соболевскій въ 1888 г. выступалъ въ защиту 988 г., но поддерживалъ вѣрность лѣтописнаго года изъ довѣрія къ точности самой лѣтописи нашей (см. „Ж. М. Н. Пр." 1888 г., іюн. кн., ст. „Въ какомъ году крестился св. Владиміръ"), но потомъ онъ, кажется, отказался отъ своей защиты данной хронологической даты крещенія Руси.

что этотъ предводитель Варда Фока имѣлъ рѣшительное военное столкновеніе съ присланнымъ русскимъ отрядомъ лишь 8 марта 989 г. [1]) и окончательно былъ побѣжденъ и убитъ 13 октября 989 г.; стало быть, помощь Руси въ Византію подоспѣла не очень задолго предъ симъ и, значитъ, не такъ скоро по прибытіи пословъ изъ Византіи въ Кіевъ—не раньше во всякомъ случаѣ конца лѣта или осени 988 г.; крещеніе-же Владиміра и Кіевлянъ должно было быть очень близкимъ по времени къ отсылкѣ вспомогательнаго отряда въ Византію, по окончаніи всѣхъ переговоровъ объ условіяхъ русско-византійскаго союза [2]).

Въ силу указанныхъ соображеній слѣдуетъ полагать, что крещеніе Владиміра произошло, конечно, въ Кіевѣ [3]) (или, быть можетъ, близъ него); взятіе-же Владиміромъ Корсуня,—съ каковымъ мѣстомъ лѣтописная легенда

---

1) Сообщеніе писателя первой половины XI вѣка Яхъи Антіохійскаго,—см. въ упом. ниже кн. барона Розена „Императоръ Василій Болгаробойца" стр. 25.

2) Кромѣ отмѣченныхъ, см. еще по данному вопросу: книгу барона В. Р. Розена „Императоръ Василій Болгаробойца" (представляющую значительное извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго, жившаго съ конца 70 г.г. X вѣка до 1066 г.—приблизительно), СПБ, 1883 г. (прилож. къ 44 г. „Зап. Имп. Ак. Наукъ № I), стр. 23, 193—202 и слѣд.; ст. А. Л. Липовскаго „Ж. М. Н. Пр." 1891 г., ноябр. кн., „Исторія грекоболгарской борьбы въ X—XI в.в."; въ „Русско-Византійскихъ отрывкахъ" В. Г. Васильевскаго—„Ж. М. Н. Пр." 1876 г., март. кн., и др.

3) Въ своей статьѣ „Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра" (изъ сборника статей, посвященныхъ М. С. Дринову, Харьковъ, 1905 г.) А. А. Шахматовъ пишетъ: „Мы отказываемся отъ всякой попытки рѣшить вопросъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ крестился Владиміръ—въ Кіевѣ, Василевѣ или Корсунѣ" (стр. 67), но въ „Разысканіяхъ" онъ явно становится на сторону мнѣнія о крещеніи Владиміра у себя дома—на Руси послѣ бесѣды съ миссіонеромъ въ 987 г.—см. стр. 24, 152, 154 и др.

связываетъ личное крещеніе Владиміра,—произошло, какъ достовѣрно извѣстно, послѣ—не раньше лѣта 989 г., а можетъ быть, и въ 990 г.,—послѣ чего уже состоялся бракъ русскаго князя съ греческой царевной, на каковой въ Византіи окончательно согласились лишь послѣ Корсунской побѣды Владиміра. Пріѣздъ, послѣ взятія Владиміромъ Корсуня, въ Кіевъ греческой царевны съ духовенствомъ и святынями имѣлъ, конечно, свое значеніе для христіанизаціи Руси: Корсунская побѣда и «завоеваніе», такъ сказать, Византійской царевны—упрочили авторитетъ Кіевскаго князя въ дружинѣ и народѣ и связали крещеніе Кіевлянъ съ несомнѣннымъ культурнымъ успѣхомъ, полученнымъ въ результатѣ новыхъ отношеній къ Византіи; отсюда, полагаемъ, вслѣдствіе сознанія важности Корсунскаго похода Владиміра и результатовъ его для успѣховъ христіанизаціи Руси создалась и такъ называемая «Корсунская легенда»—о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ [1]).

---

1) Этой легендѣ и выясненію ея легендарности посвящена спеціальная работа Шахматова—„Корсунская легенда о крещеніи Владиміра“,—изъ сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго, отд. отт.—СПБ., 1906 г., также въ 5 и др. гл. „Разысканій“, нѣсколько дополняющихъ названную работу, и др.; срв. С. П. Шестакова „Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра“—въ 5 вып. 23 т. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казан. Унив.“ 1908 г. Еп. Кириłнъ готовъ заподозрѣть самый фактъ крещенія Руси Владиміромъ Святымъ (см. упом. книгу его „Культурная роль Иверіи въ исторіи Руси“, Тифлисъ, 1910 г., стр. 290—294 и др.), но ему слѣдуетъ принять во вниманіе то, что, кромѣ русскихъ источниковъ, въ большей или меньшей мѣрѣ говорятъ о крещеніи Владиміра и Руси при немъ—и западные источники,—какъ Титмаръ Мерзебургскій, современникъ Владиміра (см. упом. въ XX гл. его хронику—по изд. F. Kurze, Hannoverae, 1889 г.), извѣстная сага объ Олафѣ Тригвасонѣ (въ русск. перев. у Д. Я. Самоквасова—„Средства познанія древнѣйшаго русскаго права“, Москва, 1899 г., стр. 121 и слѣд.), и даже частію восточные—(см. упом. „Новое мусульманское извѣстіе о русскихъ“ В. Бартольда въ 1—4 вып. 9 т. „Зап. Вост. Отд. И. Русск. Арх. Общ.“, СПБ., 1895 г., стр. 264—265).

XX.

Великое дѣло Владиміра,—имѣвшее своимъ послѣдствіемъ признаніе его Церковью святымъ и равноапостольнымъ,—послужило рѣшительнымъ толчкомъ къ колоссальнѣйшему перевороту всей жизни и строя древней Руси; естественно поэтому, что очень рано—еще въ XI в.—оно стало достояніемъ народныхъ сказаній и легендъ и послужило причиной, по которой этотъ князь лучше другихъ изъ древней Руси запомнился народной памятью и обычно фигурируетъ въ народныхъ былинахъ. Неудивительно поэтому, что представителямъ нашей науки трудно теперь отдѣлить въ лѣтописныхъ сказаніяхъ несомнѣнные историческіе факты отъ всякихъ прикрасъ, добавленій и просто измышленій народной фантазіи. Тутъ еще, думается, широкое поле для новыхъ изысканій. Въ ожиданіи ихъ мы позволимъ себѣ привесть нѣсколько соображеній по вопросу о значеніи и результатахъ крещенія Владиміра и Руси при немъ.

Во-первыхъ, перемѣна въ личности Владиміра, въ его характерѣ и нравахъ не могла быть, конечно, такой разительной, мгновенной почти, какъ представляетъ дѣло лѣтопись [1]): Владиміръ, напримѣръ, послѣ крещенія устраиваетъ грандіозные, роскошные пиры и попрежнему остается княземъ воинственнымъ, любящимъ дружину больше всѣхъ, и опять ведетъ частыя войны—и

1) Полагаемъ, въ лѣтописи нѣсколько преувеличены не столько пороки Владиміра и его сильное увлеченіе язычествомъ до крещенія, сколько именно рѣзкій переломъ въ его характерѣ сразу послѣ крещенія.

не только съ Печенѣгами, безпокойными кочевниками, но и съ Поляками, Камскими Болгарами, Хорватами, а предъ смертью затѣваетъ борьбу съ сыномъ Ярославомъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во-вторыхъ, очень близкія связи Владиміра съ Византіей послѣ крещенія можно нѣсколько заподозрить: онъ, видно, не усвоилъ себѣ вполнѣ византійскихъ идей, не былъ безусловнымъ поклонникомъ Византіи, а въ значительной мѣрѣ жилъ «по устроенью отьню и дѣдню» [2]). Доказательствомъ этого нѣкотораго отчужденія Владиміра отъ Византіи или—точнѣе—неполнаго подчиненія вліянію Византіи можетъ особенно послужить извѣстное, близкое и настойчивое, общеніе Владиміра съ Западомъ и западными государями, несомнѣнно непріятное Византіи и ея духовенству, и—прежде всего неоднократныя добрыя сношенія его съ Римскимъ папой и латинскимъ духовенствомъ [3]); это заставляетъ предполагать, что на Западѣ Владиміръ искалъ —не

---

1) Въ данномъ случаѣ нельзя оставлять совсѣмъ безъ вниманія показанія Титмара Мерзебургскаго, который говоритъ, что принятіе христіанства не произвело на Владиміра никакого вліянія, такъ что онъ оставался попрежнему жестокимъ и женолюбивымъ. Очевидно, показанія нашей лѣтописи и Титмара—двѣ крайности, истины искать нужно между ними, къ чему побуждаютъ и нѣкоторые намеки нашей лѣтописи. См. „Scriptores rerum Germanicarum"—„Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon", изд. F. Kurze, Hannoverae, 1889 г., гл. VIII VII), № 72 (52), стр. 236; срв. у Ѳ. Я. Фортинскаго „Титмаръ Мерзебургскій и его хроника", СПБ., 1872 г., стр. 197; см подчеркиваніе религіознаго индифферентизма Владиміра въ работѣ Srkulj—„Drei Fragen aus dem Taufe des heiligen Uladimir"—„Arch. f. slav. Philol.", XXIX, 1907 г., стр. 246—280.

2) Въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 124.

3) Въ изд. Никоновской лѣтописи Арх. Ком. 1862 г., СПБ, см. стр. 57, 64, 65, 68, срв. 124 стр. Лаврентьевской и др.

только широкихъ торговыхъ путей для Кіевской Руси, но и, вѣроятно, точекъ опоры для противодѣйствія исключительному византійскому вліянію, въ религіозномъ воздѣйствіи на Русь видѣвшему путь для иныхъ цѣлей.

Въ связи съ этимъ, вѣроятно, въ-третьихъ, мы не видимъ несомнѣнныхъ, древнихъ данныхъ о наличности при Владимірѣ въ Кіевѣ митрополита,—повидимому, полученнаго Русью уже позже [1]). Отсутствіе на Руси при Владимірѣ митрополита,—если этотъ фактъ можно установить со всею точностью,—не представляетъ ничего страннаго и удивительнаго: при Владимірѣ христіанъ на Руси было, какъ увидимъ, еще очень немного, такъ что, пожалуй, слиш-

---

данныя—напр. пріѣздъ въ Кіевъ въ 1006 г. Бруно. Вопреки Шахматову („Одинъ изъ источниковъ лѣтоп. сказанія о крещеніи Владиміра"), сношенія Руси съ Западомъ и Римской церковью были довольно оживленными—какъ въ X, такъ и въ XI в. и позже. Срв. WI. Abraham „Powstanie organizacyi Kosciola lacinskiego na Rusi", t. I, Lwów, 1904 г., также И. А. Линниченко—„Взаимныя отношенія Руси и Польши", ч. I, Кіевъ 1884 г., уп. ст. Н. И. Коробки и др. Др. Гриць Величко въ ст. „Полїтичні і торговельні взаємини Руси і Византиї въ X і XI ст." („Записки Наукового Товариства імени Шевченка", у Львові, 1895 г., т. 6, кн. 2) указываетъ, что крещеніе изъ Византіи имѣло своимъ дурнымъ послѣдствіемъ удаленіе Руси отъ Запада, пошедшаго затѣмъ впередъ по пути прогресса (стр. 25); но это удаленіе, несомнѣнно, было уже результатомъ послѣдующаго, продолжительнаго, въ теченіи поколѣній, вліянія византійскаго духовенства и сказалось оно болѣе или менѣе замѣтно лишь во 2 половинѣ XI вѣка и позже, а не при Владимірѣ.

1) См. въ Лаврентьевской лѣтописи по уп. изд. стр. 113, 119, 124, 146, 150,—срв. въ „Новгородской лѣтописи по синодальн. харат. сп." стр. 69, также въ „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 415—416 и др., также въ ст. его „Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра"—изъ сборника статей по славяновѣдѣнію, посвящ. проф. М. С. Дринову, Харьковъ, 1905 г., и въ „Корсунской легендѣ" его, отт., СПБ., 1906 г., стр. 68—69 и др.

комъ рано было еще думать о полной организаціи Русской церкви въ цѣлую митрополію; да и врядъ-ли представлялось желательнымъ князю Кіевской Руси поставить сразу-же Русь въ строго опредѣленную церковную зависимость отъ Византіи, коковую именно должно было знаменовать поставленіе во главѣ Русской церкви греческаго митрополита. Осторожный и дальновидный Владиміръ, хорошо знавшій Византію по своимъ отношеніямъ съ нею въ эпоху 987—989 г.г., имѣлъ основанія не особенно сближаться съ Византійскимъ правительство, привыкшимъ смотрѣть на другія православныя страны, какъ на вассальныя себѣ [1]). Иначе дѣло стало при Ярославѣ, когда на Руси «умножишася прозвутери и людье хрестьяньстии» [2]): Ярославъ, упрочившійся послѣ продолжительной борьбы въ Кіевѣ, недовольный поддержкой Святополку съ Запада, склоняется въ сторону Византіи, учреждаетъ около 1037 г. митрополію въ Кіевѣ и принимаетъ въ митрополиты грека Ѳеопемпта; но торжество византинизма въ Кіевѣ скоро повело къ войнѣ Руси съ Византіей и поставленію Ярославомъ въ 1051 г. въ митрополиты изъ русскихъ—Иларіона [3]). Задача-же

---

1) Срв. нѣкоторыя данныя въ I гл. I. т. уп. кн. W. Abraham'a.

2) См. въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 149.

3) Учрежденіе митрополіи на Руси мы относимъ къ 1037 г. (въ „Разысканіяхъ" Шахматова, стр. 416 и др., 1039 г.), во-первыхъ потому, что древнія, до XV в., свѣдѣнія начинаютъ списокъ, митрополитовъ русскихъ лишь съ Ѳеопемпта (см. 69 стр. Новгор. лѣтоп.), во-вторыхъ, потому, что подъ этимъ годомъ въ лѣтописяхъ обычно говорится объ учрежденіи митрополіи—даже въ Никоновской, несмотря на то, что раньше она сбивчиво говорила о прежнихъ митрополитахъ; отрицательная сторона пребыванія на Руси ревностнаго представителя византійскихъ интересовъ—митрополита грека побудила Ярослава,—подобно отцу не желавшаго торжества полнаго вліянія Византіи на Русь,—поставить послѣ Ѳеопемпта-грека русскаго Иларіона,—

Владиміра,—прежде, всего миссіонерская, а не церковно-организаціонная,—должна было побуждать его къ церковному сближенію преимущественно со славянской Болгаріей [1]), которая могла дать ему и дѣйствительно дала необходимыя славянскія богослужебныя книги, славянскую письменность и первыхъ славянскихъ священниковъ.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, не нужно излишне преувеличивать успѣховъ христіанства на Руси при Владимірѣ.

Крестить Кіевъ,—уже знакомый съ христіанствомъ и христіанскими народами, имѣвшій въ своей средѣ нѣкоторый—хотя и небольшой—христіанскій элементъ,—было сравнительно не очень трудно князю, опиравшемуся въ этомъ дѣлѣ на сочувствіе дружины [2]), въ Кіевѣ иг-

---

А. А. Шахматовъ въ этомъ фактѣ видитъ „ростъ національныхъ силъ духовныхъ" на Руси („Разысканія, стр. 419): начавшіяся послѣ Ярослава смуты помѣшали его преемникамъ бороться противъ усиленія византійскаго вліянія.

1) Д. М. Приселковъ (см. его ст. „Аѳонъ въ начальной исторіи Кіево-Печерскаго монастыря" въ 3 кн. XVII т." Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Н." 1912 г.) Владиміру приписываетъ установленіе церковной зависимости Кіева болгарской Охридѣ, продолжавшейся затѣмъ до 1036 г.,—но, во-первыхъ, зачѣмъ Владиміру нужна была эта зависимость; во-вторыхъ, чѣмъ лучше была зависимость Кіева отъ Охриды, считавшейся въ Византіи „едва-ли не схизматической" (а сидѣвшая въ Кіевѣ жена Владиміра Анна была вѣдь изъ Византіи!), зависимости отъ „вселенскаго" патріарха; въ—третьихъ, почему она въ такомъ случаѣ не прекратилась въ 1019 г., съ подчиненіемъ Охриды Византіи, а продолжалась до 1036 г.; а въ—четвертыхъ, какой смыслъ было заигрывать затѣмъ съ Римомъ Святополку, разъ Римъ не нуженъ былъ въ качествѣ противовѣса Византіи, когда церковная зависимость и іерархія на Руси исходили тогда отъ болгарской Охриды? См. подробнѣе въ нашей замѣткѣ по поводу данной статьи г. Приселкова въ печатающемся № 1 „Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Акад. Н." за 1913 г.

2) См. упоминавшіяся уже мѣста изъ Лаврентьевской лѣтописи—стр. 104, 106, 115 и др.

равшей роль главенствующую [1]). Иначе дѣло обстояло внѣ Кіевѣ—и особенно подальше отъ этого центра, при значительной долѣ обособленности тогдашнихъ отдѣльныхъ «земель» Руси [2]).

Владиміръ, правда, предпринимаетъ, по лѣтописи, крещеніе Руси и по другимъ мѣстамъ, кромѣ Кіева, но это крещеніе «мечемъ и огнемъ»,—имѣвшее значеніе не только религіозное, но вмѣстѣ и государственное—въ смыслѣ нѣкотораго спаянія отдѣльныхъ волостей Руси воедино,—должно было быть,—да и было несомнѣнно,—очень медленнымъ, затяжнымъ и вначалѣ непрочнымъ и не всенароднымъ. Владиміръ только началъ побѣду христіанства на Руси надъ язычествомъ, но послѣднее еще долго было главной количественно здѣсь силой, равно какъ долго еще живы были старыя основы народной жизни и общественнаго строя Руси. При помощи данныхъ Византійской культуры, распространенія новыхъ принесенныхъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ монархическихъ идей и болгарско-славянской письменности и сла-

---

1) Тѣмъ не менѣе совершенно непріемлемо утвержденіе В. Г. Ляскоронскаго, будто Владиміру „оставалось только закрѣпить оффиціально то, что уже совершилось въ странѣ, если не сплошь во всей массѣ народа, то въ значительной части его высшаго слоя" („Ж. М. Н. Пр." 1913 г. іюнь, 346 стр.); противъ этого утвержденія говоритъ вся наша данная книга, противъ него громко возражаютъ и свѣдѣнія о послѣдующей жизни Руси—послѣ Владиміра—номинально христіанской, но долго еще пропитанной сильнымъ языческимъ духомъ, что прямо указываетъ, въ согласіи съ лѣтописными данными, на чисто внѣшнее, благодаря давленію власти, распространеніе христіанства на Руси,—см. данныя въ „Ист. Р. Ц." Голубинскаго.

2) См. напр. „Очерки обществ. и полит. строя древней Руси" проф. М. А. Дьяконова, 2 изд., СПБ., 1908 г., стр. 60—62, ст. въ „Ж. М. Н. Пр.": Д. Щеглова, май 1876 г., проф. С. А. Корфа—іюль 1909 г.—и др.

вянскаго богослуженія, наконецъ, размѣщенія князей Кіевской династіи по отдѣльнымъ городамъ и волостямъ Руси,—при помощи всѣхъ этихъ средствъ съ Владиміра начинается упорная и продолжительная борьба христіанизовавшагося Кіева съ массой стойкаго въ язычествѣ русскаго славянства, которое сильнѣе язычествовало именно на сѣверѣ Руси, гдѣ прочнѣе были старыя Норманско-Новгородскія языческія религіозныя традиціи. равно какъ и старо-славянскій жизненный укладъ. О томъ говоритъ рядъ лѣтописныхъ фактовъ изъ жизни Руси XI и даже XII в.

Тѣмъ не менѣе по существу старая борьба строго-языческаго Новгорода съ болѣе склоннымъ къ христіанству Кіевомъ закончилась уже при Владимірѣ побѣдой послѣдняго надъ первымъ при помощи того самаго христіанства, которое нѣсколько разъ сокрушалось раньше въ Кіевѣ при содѣйствіи Новгорода, а теперь одержало надъ язычествомъ рѣшительную побѣду, плоды которой, впрочемъ, сказывались лишь постепенно и довольно медленно.

Крещеніемъ Кіевскаго князя Владиміра и Кіевлянъ въ массѣ заканчивается первая эпоха въ исторіи христіанства Руси, эпоха медленнаго проникновенія къ Руси христіанства и партизанской борьбы немногочисленныхъ христіанъ противъ сильнаго язычества; затѣмъ начинается новая полоса въ исторіи Русской церкви—пора постепеннаго утвержденія побѣдившаго христіанства, устроенія церковной организаціи и распространенія духовнаго просвѣщенія на Руси.

Окидывая бѣглымъ взглядомъ исторію начальнаго зарожденія на Руси христіанства, до его утвержденія въ Кіевѣ въ 988 г. включительно, мы можемъ сдѣлать нѣсколько выводовъ, къ которымъ располагаетъ насъ произведенная нами работа.

1. Христіанство къ Руси начало проникать отъ южныхъ ея сосѣдей съ самаго начала IX вѣка и сначала появилось у Руси Тмутараканской, а затѣмъ—въ самомъ концѣ того-же вѣка появляются первыя сѣмена христіанскаго вѣдѣнія въ Кіевѣ—при князѣ Аскольдѣ.

2. Русь сѣверная-Новгородская, жившая до X вѣка обособленно отъ жизни Русскаго юга и стоявшая подъ вліяніемъ язычниковъ—Норманов, остается все это время до Владиміра Святого—строго языческой.

3. Норманы вообще въ исторіи начальнаго христіанства Руси являются силой антихристіанской—какъ въ Новгородѣ, такъ и тогда, когда въ X вѣкѣ, съ объединеніемъ сѣверной и южной части пути «изъ Варягъ въ Греки», появляются въ Кіевѣ.

4. Христіанство на Руси,—собственно у Руси Кіевской,—вначалѣ—до Владиміра—распространялось весьма медленно и прививалось очень туго.

5. Главными проводниками христіанства въ жизнь Кіевской Руси изъ мѣстныхъ элементовъ являлись: прежде и больше всего—князья, интересовавшіеся связью съ болѣе культурными христіанскими народами и естественно симпатизировавшіе христіанско-монархическимъ принципамъ; затѣмъ, дружинники, во время частыхъ походовъ знакомившіеся съ сосѣдними христіанскими народами и легче отрѣшавшіеся отъ своихъ старыхъ устоевъ жизни; наконецъ, крупные торговцы, совершавшіе путешествія къ сосѣдямъ и тамъ узнававшіе болѣе культурную обстановку жизни христіанскихъ странъ.

6. Кіевское общество въ X вѣкѣ, по своему духовному развитію хотя стояло и выше сѣверно-Новгородской Руси, пребывало однако въ массѣ своей явно языческимъ, неспособнымъ подняться до христіанской истины и потому, вообще говоря, давало отпоръ всѣмъ попыткамъ водворенія христіанства сверху,- каковыхъ можно устано-

вить три – при Аскольдѣ, при Ольгѣ и при Ярополкѣ; лишь четвертая попытка—Владиміра Святого—имѣла, наконецъ, успѣхъ въ Кіевѣ.

7. Христіанство на Русь впервые проникло изъ Византіи по восточному обряду, но во второй половинѣ X вѣка Русь знакомится и съ западно—католическимъ христіанствомъ, имѣвшимъ даже—въ Кіевѣ въ княженіе Ярополка—успѣхъ,—правда, кратковременный и незначительный по размѣрамъ,—и сохранявшимъ кое-какія связи съ Русью и позже того.

8. Крещеніе Владиміра, состоявшееся въ Кіевѣ, и Кіевлянъ въ массѣ было совершено при посредствѣ Византіи и прозошло въ 988 г.; то и другое было очень близко другъ по отношенію къ другу по времени—почти одновременно; крещеніе Владиміра и Кіевлянъ далеко еще не сопровождалось сразу полнымъ упроченіемъ сильнаго византійскаго вліянія на Руси вообще и въ Кіевѣ въ частности, вызывавшаго противъ себя на Руси противодѣйствіе.

Замѣченныя опечатки, поправки и дополненія.

НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
Стр. 10, прим., стр. 1.	
Königsbrief sbrief	Königsbrief
стр. 16, прим. 2, 1 стр.	
Σύνοψς	Σύνοψις
стр. 20, продолженіе 1 прим. стр. 21, стр. 9.	
„Русь"	„Русъ"
стр. 35, продолженіе 3 примѣч. стр. 34, стр. 6—8.	
... поэтому неубѣдительными оказываются и доводы В. Г. Ляскоронскаго, пытавшагося „Гольмгардъ" истолковать въ смыслъ Вышгорода....	Тутъ вкралось досадное недоразумѣніе; въ дѣйствительности въ своей новой работѣ Ляскоронскій отожествляетъ съ Вышгородомъ „Альдейгіаборгъ" и „Немогардасъ", а не „Гольмгардъ".
стр. 43, прим. 1, стр. 2.	
1906 г.	1896 г.
стр. 44, стр. 14.	
„Урта"	„Арта"

къ стр. 51, прим. 2.

Въ недавнее время возникло предположеніе, что Тмутаракань находилась не на Таманскомъ полуостровѣ, близъ Керченскаго пролива съ восточной стороны, а у устья Дона—близъ Азова, —см. уп. ст. А. А. Спицына въ январ. кн. „Ж. М. Н. Пр." 1909 г., также въ уп. „Исторіи русскаго народнаго хозяйства" М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. 1, стр. 99.

Къ стр. 59, прим. 1, по ошибкѣ указанному 5-мъ. См. характеристику Мстислава въ упом. изд. Лаврентьевской лѣтописи стр. 146—147, срв. въ „Разысканіяхъ" Шахматова стр. 425—426, 582.

Къ стр. 62, прим. 2.

Указанная работа г. Васильева „Византія и арабы" даетъ данныя о затруднительномъ положеніи Византіи въ эпоху постройки Саркела—въ царствованіе Ѳеофила, но не касается самого вопроса о Саркелѣ.

Къ стр. 74 (и вмѣстѣ 91).

Не Аскольдово—ли крещеніе имѣетъ въ виду „новое мусульманское извѣстіе о русскихъ", приведенное В. Бартольдомъ въ 1—4 вып. 9 т. „Зап. Вост. Отд. И. Русск. Арх. Общ.", стр. 264, и говорящее о крещеніи Руси около 300 года гиджры, т. е. въ началѣ X вѣка?

97 стр., прим. 1, стр. 2.

Ρεωσίας	Ρωσίας

стр. 108, прим. 2, стр. 3.

Τάζεως	Τάξεως

стр. 117, стр. 10.

Святолъдѣ	Святольдѣ

стр. 142, стр. 8.

: аключить	заключить

Кромѣ указанныхъ въ примѣчаніи на стр. 145 нашихъ статей, замѣтокъ и брошюры о княгинѣ Ольгѣ, въ большей или меньшей степени воспроизводящихъ наши мысли, высказанныя въ главахъ—XIII, XV и XVI, въ нынѣшнемъ 1913 г. въ журналѣ „Вѣра и Разумъ" въ №№ 7, 8, 10 и 11, нами напечатаны четыре статьи, въ существенныхъ чертахъ воспроизводящія содержаніе главъ: I, II, VI (отчасти), VII (отчасти), XVIII, XIX и XX; кромѣ того въ №№ 9 и 10 того-же журнала за 1912 г. помѣщена статья наша „Христіанство Руси до Владиміра Святого", излагающая въ самыхъ общихъ чертахъ большую часть главныхъ положеній, развиваемыхъ въ данной книгѣ.

424052

BR 934 .P3 1913 IMS
Parkhomenko, Vladimir.
Nachalo khristianstva Rusi

PONTIFICAL INSTITUTE
OF MEDIAEVAL STUDIES
59 QUEEN'S PARK
TORONTO 5 CANADA